

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2019 || Том 11 || № 4

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2019

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2019.
174 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2019

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); **Г. М. Федоров**, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); **Й. фон Браун**, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретьинин**, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); **К. Люхто**, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); **В. А. Мау**, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); **К. К. Худoley**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

Подписной индекс 32249
Тираж 1000 экз.
Дата выхода в свет 11.12.2019 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309
от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Развитие Балтийского региона

Пальмовский Т., Федоров Г. М. Формирование российско-польского трансграничного региона и роль Калининградской агломерации и Трехградья (Гданьск — Гдыня — Сопот) в этом процессе.....6

Фон Браун Й., Мирзабаев А. Возможности биоэкономики в Балтийском регионе в контексте региональных и глобальных климатических изменений 20

Анохин А. А., Шелест К. Д., Тихонова М. А. Тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа.....36

Развитие приграничных и трансграничных регионов

Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России.....58

Колосов В. А., Себенцов А. Б. Процессы регионализации на Севере Европы и программа «Северное измерение» в отражении российского политического дискурса 76

Костяев А. И. Сельские территории северо-западного российского приграничья: проблемы и пути развития 93

Процессы регионализации

Клемешев А. П., Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Стейкхолдерский подход в реализации «третьей миссии» университетов.....114

Дружинин А. Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации 136

Пономарев О. Б. Предпринимательский капитал региона: понятие, формы проявления, пространственная локализация.....152

Рецензия

Л. Н. Киселёва. Эстонско-русское культурное пространство (Н. М. Межевич, И. Н. Новикова) 167

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей выпуск журнала «Балтийский регион» посвящен значимому и знаменательному событию — 70-летию нашего уважаемого коллеги, высочайшего профессионала, талантливого исследователя и блестящего организатора науки **Геннадия Михайловича Федорова**, профессора, доктора географических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Получив фундаментальное географическое образование в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете, Геннадий Михайлович все последующие годы посвятил научному творчеству, Калининграду и его университету, в котором трудится уже 48 лет, выполняя сложные и ответственные миссии заведующего кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректора по научной работе, ректора, директора Института природопользования, территориального развития и градостроительства и, наконец, в настоящее время — директора Института региональных исследований.

Вклад юбиляра в общественно-географическую науку фундаментален и многогранен. Он включает и полимасштабные геодемографические исследования, и анализ тенденций и приоритетов развития Калининградской области, ставшей с начала 1990-х годов регионом-эксклавом, и работы по изучению трансграничной регионализации на Балтике, особенно актуализированные в результате быстрых геоэкономических и геополитических изменений и реализуемые совместно с географами Польши, Германии, Литвы и ряда других государств Балтийского макрорегиона, и цикл публикаций, посвященных учету проекции «фактора моря» на социально-экономическую динамику территорий. Всего Г. М. Федорову принадлежат более 500 опубликованных работ, в том числе 35 монографий. В 1977 году он защитил кандидатскую диссертацию «Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области», а в 1988 году — докторскую «Научные основы концепции геодемографической обстановки». Труды юбиляра получили не только широкое научное, но и общественное признание: за участие в разработке Территориальной комплексной схемы градостроительного развития территории Калининградской области Геннадий Михайлович в составе коллектива авторов в 2004 году удостоен Первой премии Госстроя РФ.

Отвечая на вызовы меняющихся общественно-географических обстоятельств и креативно выстраивая исследовательскую траекторию возглавляемых им коллективов, профессор Г. М. Федоров последовательно и неустанно развивает оригинальную Калининградскую (Балтийскую) научную школу социально-экономической географии, ныне продуктивно действующую в стенах Балтийского федерального университета им. И. Канта. Геннадий Михайлович подготовил более двух десятков докторов и кандидатов наук, руководил многочисленными проектами, которые были поддержаны международными и отечественными фондами, в том числе РНФ и РФФИ. Созданный Г. М. Федоровым научный коллектив не только уважаем и уважаем, но и обрел статус одного из ключевых в российской социально-эконо-

мической географии, став значимым центром в архитектуре ее международной коммуникации благодаря высокой публикационной активности, регулярному проведению многочисленных научных конференций, созданию диссертационного совета, известного своим взыскательным и одновременно доброжелательным отношением к соискателям. Сам же Геннадий Михайлович, заслужив огромный авторитет в профессиональной среде, успешно выполняет многочисленные статусные обязанности: председателя диссертационного совета, члена Ученого совета и члена Совета регионов Русского географического общества, председателя Калининградского отделения РГО, вице-президента Ассоциации российских географов-обществоведов, главного редактора журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки» (РИНЦ), заместителя главного редактора журналов «Балтийский регион» (Scopus, Web of Science, ВАК) и «Региональные исследования» (ВАК).

Презентуемый выпуск журнала «Балтийский регион» объединил подготовленные ведущими российскими и зарубежными учеными статьи, тематически близкие научным интересам юбиляра и развиваемой им научной школе. Работа *Т. Пальмовского* и *Г. М. Федорова* посвящена формированию российско-польского трансграничного региона и роли Калининградской агломерации и Трехградья (Гданьск — Гдыня — Сопот) в этом процессе. *В. А. Колосов* и *А. Б. Себенцов* сфокусировали свое внимание на процессах регионализации на севере Европы и программе «Северное измерение» в отражении российского политического дискурса. *А. В. Кузнецов* и *О. В. Кузнецова* посвятили свою статью изменению роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России. *А. И. Костяев* рассматривает проблемы и пути развития сельских территорий северо-западного российского приграничья. *А. Г. Дружинин* анализирует факторы и особенности локализации структур крупного бизнеса в приморских зонах России; *А. П. Клемешев*, *Е. В. Кудряшова* и *С. Э. Сорокина* рассматривают стейкхолдерский подход и пути реализации «третьей миссии» университетов. *И. фон Браун* и *А. Мирзабаев* показывают возможности биоэкономики в Балтийском регионе в контексте региональных и глобальных климатических изменений. *А. А. Анохин*, *К. Д. Шелест* и *М. А. Тихонов* раскрывают тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа.

Выражая искреннюю признательность профессору Геннадию Михайловичу Федорову за многолетнее общение и продуктивное профессиональное сотрудничество, от души желаем глубокоуважаемому юбиляру новых и новых творческих «прорывов» и достижений на благо Балтийского федерального университета им. И. Канта и российской общественной географии.

С уважением,

А. Г. Дружинин,

*доктор географических наук, профессор,
президент Ассоциации российских географов-обществоведов*

В. А. Колосов,

*доктор географических наук, профессор,
паст-президент Международного географического союза, вице-президент Русского географического общества*

РАЗВИТИЕ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА И РОЛЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ И ТРЕХГРАДЬЯ (ГДАНЬСК – ГДЫНЯ – СОПОТ) В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Т. Пальмовский^а
Г. М. Федоров^б

^а Гданьский университет,
80–309, Польша, Гданьск, ул. Яна Бажиньского, 8.

^б Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 10.06.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-1

© Пальмовский Т., Федоров Г.М., 2019

На российско-польской границе до 1991 года связи субъектов, расположенных по ее разные стороны, практически отсутствовали, хотя здесь имеются благоприятные физико-географические, экономические, социальные, экитические предпосылки формирования трансграничного региона. С начала 1990-х годов возникли институциональные основы сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований, хозяйствующих субъектов, неправительственных организаций. Важную роль в трансграничном регионообразовании играют еврорегионы и программы приграничного сотрудничества. По обе стороны границы существуют социально-экономические узлы, между которыми возникают оси трансграничного взаимодействия. Наиболее мощной является ось «Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот)» — Калининградская агломерация». На основе системного подхода анализируются разнообразные связи; их отражает картосхема, показывающая многообразие географических направлений сотрудничества. Отражена роль Гданьского университета и Балтийского федерального университета им. И. Канта в развитии российско-польских связей. Отмечается снижение активности трансграничных связей в последние годы вследствие ухудшения политических отношений между Россией и странами Запада, но выражается надежда, что двусторонние социально-экономические выгоды будут способствовать восстановлению и развитию взаимных связей, и формирование трансграничного российско-польского региона продолжится.

Ключевые слова:

трансграничное сотрудничество, трансграничный регион, Калининград, Калининградская агломерация, Трехградье, Гданьск, Гданьский университет, БФУ им. И. Канта

Для цитирования: Пальмовский Т., Федоров Г.М. Формирование российско-польского трансграничного региона и роль Калининградской агломерации и Трехградья (Гданьск – Гдыня – Сопот) в этом процессе // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 6–19. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-1.

Введение

Международное регионообразование — процесс, обусловленный развитием социально-экономических и/или политических связей между странами, регионами разных стран. Взаимодействие стран определяет возникновение транснациональных регионов — международных регионов мега- и макроуровня. Взаимодействующие между собой регионы разных стран в зависимости от иерархического уровня сотрудничества формируют трансграничные мезо- или микрорегионы. Они могут быть комплексными [4; 5; 22; 23] или отраслевыми (например, туристическими [1; 6]). Одной из их наиболее развитых форм, обладающих органами по координации деятельности, являются еврорегионы [11; 23; 29].

Экономические, политические, культурные связи издавна соединяют многие соседние регионы разных стран и народов. Их возникновение и развитие на определенном этапе вело к формированию транснациональных и трансграничных регионов, внутри которых появлялись некоторые общие черты хозяйственной деятельности, культуры, возникали политические союзы и международные хозяйственные системы.

Территория вокруг Балтийского моря традиционно была зоной тесных культурных и экономических связей. Здесь исторически развивались торговля и транспортные перевозки через Балтику. С тех пор осталось чувство соседства и определенные схожие черты населенных пунктов. «Железный занавес», возникший между «капиталистическими» и «социалистическими» странами сразу после окончания Второй мировой войны, стал причиной угасания партнерских связей на этой территории. После распада СССР и возглавлявшегося им «социалистического лагеря» на европейской сцене появилась новая балтийская структура международного сотрудничества под эгидой Совета государств Балтийского моря. В течение нескольких лет страны, расположенные на берегах Балтийского моря, создали плотную сеть многочисленных связей, учреждений и программ правительственного взаимодействия, органов самоуправления и неправительственных организаций. Несмотря на характер и формы ранней интеграции, эти новые международные структуры, организации и союзы усиливали и укрепляли связи между субъектами, составляющими Балтийскую Европу.

Страны Западной и Северной Балтики — это экономически развитые, конкурентоспособные и стабильные рыночные экономики со значительными достижениями в отраслях передовых технологий. В странах же Восточной и Южной Балтики только в начале 1990-х годов начался сложный процесс рыночной трансформации и изменения старых структур при одновременной интеграции в мировую экономику. Эти страны как раньше, так и в настоящее время не только полны решимости сократить существующий разрыв, они также представляют собой близко расположенный привлекательный инвестиционный и потребительский рынок для стран Западной Балтики.

Балтийская Европа в общем смысле может ассоциироваться со стабильностью и пассивностью — чертами, приписываемыми северным народам. В действительности же этот регион в настоящее время представляет собой территорию наиболее динамичных экономических, цивилизационных и геополитических изменений в Европе. Несмотря на периферийное по отношению к традиционному европейскому центру расположение, не очень хорошие климатические условия, низкую плотность населения и большие внешние различия (особенно между западной и восточной частями), объединяющаяся Балтийская Европа является регионом, наиболее открытым для будущего, опережающим во многих отношениях другие части Европы.

Вместе с началом активного развития различных форм сотрудничества и созданием новых связей, обусловленными политическими переменами 90-х годов XX века, стали интенсивно развиваться и приграничные контакты. Их роль очень важна, так как они приводят к разрушению взаимных барьеров и различных предрассудков, создают формальные и неформальные связи, особенно между местными сообществами. Общему историческому наследию часто сопутствует структурная и функциональная схожесть территорий, налаживающих сотрудничество, постепенное, поэтапное ослабление влияния государственных границ, а также активизация экономики приграничных регионов. Приграничные контакты позволяют преодолевать различные барьеры и экономические ограничения, это наблюдается также и в отношении морских границ.

Инициативы сотрудничества на границах европейских стран развиваются на трех уровнях: местном, региональном и государственном. На границах государств — членов ЕС образовались еврорегионы, а также другие структуры приграничного сотрудничества (ассоциации, союзы, товарищества). Совместные инфраструктурные, культурные, образовательные и экологические программы приводятся в соответствие с концепцией пространственного развития данных территорий.

На противоположных сторонах Гданьского залива расположены агломерация Трехградья (на западном берегу) и Калининградская агломерация (на восточном берегу). Гданьский и связанный с ним Калининградский (Вислинский залив), а также соседствующая с ними часть суши разделены государственной границей между Российской Федерацией и Республикой Польшей. Оба центра более пятидесяти лет не поддерживали почти никаких контактов (кроме отдельных обменов делегациями и творческими коллективами), несмотря на то, что находятся всего лишь в 130 километрах друг от друга.

Новая геополитическая ситуация, возникшая в конце XX века, интеграционные европейские процессы, географическая близость, приморское расположение, относительно хорошая коммуникационная инфраструктура, развитие пограничных переходов, как наземных, так и морских, стали предвестниками, указывающими на особые возможности развития приграничного сотрудничества между северо-восточными воеводствами Республики Польша (Поморским и Варминско-Мазурским) и Калининградской областью Российской Федерации. Положительным фактором является также многолетнее, плодотворное развитие контактов между Польшей и Россией на правительственном уровне. С 1991 года, после подписания первых соглашений, началось сотрудничество не только на официальном уровне, но и в более широком смысле: между отдельными гминами и городами, предприятиями и неправительственными организациями.

Цель статьи — показать объективность, особенности и перспективы формирования польско-российского трансграничного региона.

Для этого авторы решают следующие задачи:

- оценить факторы, способствующие и препятствующие развитию многостороннего сотрудничества приграничных регионов Польши и России;
- рассмотреть достигнутый уровень взаимодействий вдоль польско-российской границы;
- установить характер связей Трехградья и Калининградской агломерации как ядер формирования трансграничного региона;
- выявить и оценить тенденции развития взаимных связей.

Методология исследования

Исследование базируется на системном подходе к его объекту (польско-российский трансграничный регион) и предмету (экономические, политические, культур-

ные, туристические и другие связи внутри региона, определяющие его функционирование и развитие как территориальной социально-экономической системы). Выделяются и анализируются виды трансграничных связей и факторов, способствующих или препятствующих формированию польско-российского трансграничного мезорегиона, а также микрорегионов в его составе. Проведен историко-географический анализ развития польско-российских связей в период после распада СССР; охарактеризованы институциональные факторы, влияющие на развитие взаимных связей в различных сферах деятельности.

Аналитическую базу исследования составляют официальные статистические данные, научные публикации по избранной теме, материалы международных научно-исследовательских проектов и прикладных разработок (в первую очередь проектов, реализованных в рамках программ приграничного сотрудничества «Балтийское море» и «Польша — Литва — Россия»). Рассмотренные в статье вопросы обсуждались авторами на многочисленных международных конференциях, посвященных международному сотрудничеству в Балтийском макрорегионе и непосредственно вдоль польско-российской границы.

Институциональная основа сотрудничества

Двустороннее сотрудничество между Калининградской областью и воеводствами Польши с 1990-х годов опирается на два уровня международных законодательных актов:

— межгосударственные договоры, определяющие сотрудничество между Республикой Польшей и Российской Федерацией¹;

— межгосударственные соглашения, касающиеся сотрудничества между приграничными регионами соседних стран. К их числу относится Межправительственное соглашение о сотрудничестве Калининградской области РФ и северо-восточных воеводств Республики Польши, подписанное 22 мая 1992 года². Для обеспечения его реализации создан международный совет. Он состоит из российской и польской национальных частей, формируемых на паритетных началах. В Польше он называется «Польско-российский совет по делам сотрудничества регионов Республики Польши с Калининградской областью», в России — «Российско-польский совет по сотрудничеству Калининградской области Российской Федерации и регионов Республики Польша». Совет включает 11 комиссий, которые охватывают все направления сотрудничества. Обе страны уделяют этому соглашению большое внимание. С российской стороны уполномоченным лицом по вопросам реализации Соглашения и организации работы Совета является губернатор Калининградской области, с польской — первый заместитель министра внутренних дел Республики Польши.

¹ *Договор* между Правительством Республики Польша и Правительством Российской Федерации о трансграничном сотрудничестве (Варшава, 2 октября 1992 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; *Договор* между Республикой Польша и Российской Федерацией о дружественном и добрососедском сотрудничестве (Москва, 22 мая 1992 г. (вступил в силу 8 мая 1993 г.)). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; *Traktat między Rzeczpospolitą Polską a Federacją Rosyjską o przyjaznej i dobrosąsiedzkiej współpracy z dnia 22 maja 1992 roku* // ISAP. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19930610291> (дата обращения: 25.05. 2019).

² *Соглашение* между правительством Российской Федерации и правительством Республики Польша «О сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша» от 22.05.1992 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Заседания проходят с 1994 года (г. Светлогорск Калининградской области) поочередно в России и Польше. Последнее состоялось в 2016 году в Гданьске, следующее планируется провести в Калининграде³;

— межгосударственные акты, касающиеся многостороннего международного сотрудничества между странами, включая отношения ЕС и России, стран Балтийского региона. На межгосударственном уровне образован Совет государств Балтийского моря;

— многосторонние соглашения о сотрудничестве на межмуниципальном уровне. На такой основе, в частности, функционируют еврорегионы — ассоциации муниципальных образований. Российские и польские субъекты вместе представлены в еврорегионах «Балтика», «Неман», «Лына — Лава» и «Шешупе»;

— соглашения, заключаемые непосредственно между отдельными административно-территориальными единицами (Калининградской областью и польскими воеводствами), муниципалитетами, учреждениями и фирмами. Так, в конце 1991 года было подписано соглашение между Калининградской областью и Ольштынским воеводством, а в 1992 году — с Эльблонгским, Сувалкским и Гданьским воеводствами. В рамках этого соглашения предполагалось взаимодействие в области экономики, торговли, сельского хозяйства, банковской деятельности, морского транспорта, международной коммуникации, охраны окружающей среды, культуры, науки, спорта и туризма.

Важную роль в партнерских отношениях с Калининградской областью играют воеводства, образовавшиеся в 1999 году в результате нового административного деления Польши: Поморское и Варминско-Мазурское. О заинтересованности в сотрудничестве с эксклавом свидетельствуют подписанные с Калининградской областью соглашения местных органов самоуправления Варминско-Мазурского (2001), Поморского (2002) воеводств. В соглашении о сотрудничестве Поморского воеводства говорится о развитии партнерских связей в области местного самоуправления, в том числе об обмене опытом в области самоуправления, обмене информацией, о региональном и местном законодательстве, регулирующем основы экономической деятельности, включая торговлю и туризм, инвестирование, а также функционирование свободных экономических зон. В соглашение также были включены совместная организация визитов, обучение служащих местных органов самоуправления и взаимная помощь в создании гражданского общества.

В соглашении между Поморским воеводством и администрацией Калининградской области стороны договорились о сотрудничестве с целью установления и развития хозяйственных и общественно-культурных контактов, а также о создании необходимых условий для поддержки сотрудничества на уровне городов, районов, повятов, гмин, хозяйствующих субъектов, организаций и учреждений. В качестве основных направлений партнерского взаимодействия указаны экономика, в частности промышленность, сельское хозяйство, транспорт, а также пространственное планирование и охрана окружающей среды, здравоохранение и социальная помощь, культура, искусство, образование и наука, спорт, туризм и дальнейшее развитие гражданского общества. Постановлено также обмениваться информацией, связанной с развитием приграничной инфраструктуры, коммунального хозяйства, предупреждением природных катастроф, ликвидацией последствий природных катаклизмов.

³ *Российско-польский совет по сотрудничеству Калининградской области Российской Федерации и регионов Республики Польша.* URL: <https://id.gov39.ru/agency/activities/tips/russia-poland.php> (дата обращения: 12.06.2019).

В 1993 году в Калининграде было открыто Генеральное консульство Республики Польши, а в 1994 году его деятельность была расширена за счет включения в него Торгового-экономического отдела. Генеральное консульство Российской Федерации уже давно существует в Гданьске⁴. С 1993 года началось проведение взаимных визитов, конференций, выставок как в Калининграде, так и в Гданьске, Эльблонге, Ольштыне и Сувалках.

Одним из элементов сотрудничества с Калининградской областью было Представительство Калининградской области в Польше, функционировавшее в Гданьске в 1992—2007 годах. Его деятельность, как отмечают Д.А. Миронюк и К. Женгота, была направлена на поддержку местных связей (в отличие от Консульства, которое выполняет государственную миссию и решает внешнеполитические задачи) [7]. В середине 2019 года появилась информация, что Калининградская область вновь открывает представительство в Гданьске⁵.

В целом можно считать, что к настоящему времени имеется достаточная институциональная основа развития взаимных связей, следствием чего может стать формирование трансграничного российско-польского региона.

Пространственные узлы и географические оси формирования трансграничного российско-польского региона

В своем исследовании мы опираемся на положения формирующейся теории трансграничного регионообразования, которая основывается на изучении возникновения и развития связей между приграничными территориями соседних стран. Их состав, структура и факторы развития, стейкхолдеры и территориальные уровни функционирования начали подробно изучать в конце XX — начале XXI века, когда процессы глобализации стали стимулировать трансграничную регионализацию [3; 5; 13; 16; 17; 19; 27; 30].

Главным фактором формирования трансграничных регионов являются экономические связи: внешняя торговля, иностранные инвестиции и кооперация предприятий. К сожалению, в 2015—2016 годах объемы всех трех перечисленных видов связей сократились, хотя в 2017—2018 годах во взаимной торговле вновь наблюдается определенный рост. Польские предприниматели интересуются калининградским (а через него — и российским) рынком, а российские — польским рынком. Это проявляется в активном участии обеих сторон в международных (как многосторонних, так и двусторонних) конференциях, проходящих в России и Польше, особенно в Калининграде, Светлогорске, Трехградье и Ольштыне.

Приграничные российские и польские регионы активно участвуют в совместных проектах программ приграничного сотрудничества. В настоящее время работает программа приграничного сотрудничества «Балтийское море» и определяются проекты, которые будут реализованы программой «Польша — Россия» на период 2014—2020 годов, цели которой сконцентрированы на вопросах исторического наследия, содействия экономическому развитию (в том числе инновационной эконо-

⁴ 11 июля 2017 г. в Гданьске состоялся торжественный прием по случаю 300-летия Генерального консульства России в Гданьске // Генеральное консульство Российской Федерации в Гданьске. URL: <https://gdansk.mid.ru/istoria-general-nogo-konsul-stva> (дата обращения: 15.06.2019).

⁵ Промо на барках: 5 вопросов об электронных визах в Калининградскую область // Новый Калининград. 27 июня 2019 г. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/politics/23520614-promo-na-barkakh-5-voprosov-ob-elektronnykh-vizakh-v-kaliningradskuyu-oblast.html> (дата обращения: 25.07.2019).

мике), охране окружающей среды, развитию транспорта и туризма. Бюджет программы составляет 62,3 млн евро, что делает ее важным инструментом развития российско-польских отношений⁶.

Важную роль играют трансграничные перемещения населения — шоп-туры, познавательный, оздоровительный и образовательный туризм. Особенно активны они были в период действия Соглашения о местном приграничном передвижении, территория которого охватывала практически весь формирующийся трансграничный регион [14; 24]. Новым положительным фактором стало введение в Калининградской области с 1 июля 2019 года электронных туристических виз. Визы выдаются на 30 дней, в течение которых разрешается пребывать в области до 8 суток⁷.

Трансграничными узлами, создающими и производственные, и социальные связи, являются крупные города приграничных территорий России и Польши: Калининград, Трехградье, Олыштын и Эльблонг (рис.). Их взаимодействие наиболее сильно влияет на формирование трансграничного российско-польского региона (региона мезоуровня, мезорегиона). Немаловажное значение имеют также города, в которых расположены пункты пропуска через российско-польскую границу. Это узлы образования менее мощных осей, вокруг которых создаются трансграничные микрорегионы. Пунктиром на рисунке обозначены перспективные оси, формирование которых возможно в будущем.

Рис. Трансграничные узлы приграничных территорий России и Польши

⁶ Программа приграничного сотрудничества «Польша — Россия» 2014—2020. URL: <https://www.plru.eu/ru/pages/11> (дата обращения: 05.04.2019).

⁷ В Калининград по бесплатной электронной визе. URL: <https://www.kurier.lt/v-kaliningrad-po-besplatnoj-elektronnoj-vize/> (дата обращения: 25.07.2019); Первые обладатели электронных виз приехали в Калининград // Российская газета. 04.07.2019. URL: <https://rg.ru/2019/07/04/reg-szfo/pervyj-obladaatel-elektronnoj-vizy-priehal-v-kaliningradskuii-obl原因.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Калининградская агломерация и Трехградье как социально-экономические узлы, формирующие главную ось российско-польского трансграничного региона

Главные социально-экономические узлы формирующегося российско-польского трансграничного региона — *Трехградье* (польск. *Trójmiasto*) в Польше и *Калининградская агломерация* в России. Связи между ними образуют его главную социально-экономическую ось.

Создание городской агломерации Трехградья характеризуется двумя показателями, говорящими о ее развитии: географическим, который определяется приморским положением, и историческим — относительно независимого развития трех больших городов, составляющих ядро агломерации: Гданьска — исторического, центрального города Поморья, Гдыни — молодого города, образованного в 1926 году в качестве портовой базы и являющегося конкурентным вызовом Гданьску, доминировавшему еще с немецких времен, а также Сопота — небольшого курортного городка, основанного в конце XIX — начале XX века. После Второй мировой войны между тремя городами, расположенными на берегу Гданьского залива, возникли очень тесные связи, в результате чего образовалась их агломерация под названием Трехградье, которая по мере экономического развития Балтийского побережья разрослась, присоединив соседние города. В более широком понятии к региону данной агломерации также принадлежит Эльблонг, непосредственный сосед Калининграда.

Географическое положение Калининграда уникально как с исторической, так и с экономической и геополитической точек зрения. Эту бывшую часть Восточной Пруссии, принадлежащую России, от основной части государства отделяют 600 км. Кроме того, область расположена сравнительно недалеко от высокоразвитых регионов Западной Европы. Распад СССР привел к тому, что регион, до 1991 года полностью изолированный от Запада, начал открываться и налаживать контакты с соседями. Но в то же время после выхода Литвы из СССР область стала советским, а после распада СССР — российским эксклавом на Балтике. При этом ее сухопутные соседи, Польша и Литва, являются членами НАТО и ЕС (Польша вступила в НАТО в 1999 году, Литва — в 2004 году, и после этого в 2004 году обе страны стали членами ЕС).

Калининградская агломерация определяется географическими, историческими и геополитическими факторами, сильно отличающимися, однако, от тех, которые характеризуют Трехградье. Главным городом области является Калининград, в котором сконцентрировано почти половина населения и две трети промышленного потенциала области. Калининград — это исторический город, расположенный над Преголей близко к месту ее впадения в Калининградский (Вислинский) залив. Калининградская агломерация охватывает почти всю западную часть области, где также расположены небольшие приморские и находящиеся недалеко от морских заливов города и поселки. На Балтийском побережье в Светлогорске, Зеленоградске, Пионерском, Ладушкине и Янтарном (центре добычи и обработки янтаря) развиты санаторно-курортная и туристическая базы. Светлый, расположенный на берегу залива, — довольно крупный промышленный и транспортный центр. Балтийск — военно-морская база и морской портопункт. В Багратионовске и Мамонове расположены пункты пропуска через российско-польскую границу. Гурьевск — быстро растущий спутник Калининграда.

Между Калининградом и Трехградьем сейчас существуют главным образом туристические и социальные (культурные, образовательные, научные) связи, а также определенные контакты региональных и муниципальных органов власти.

Проводятся совместные научно-практические конференции, обсуждающие вопросы сотрудничества. Благодаря партнерскому взаимодействию между Гданьском и Калининградом в рамках программы Еврорегиона Балтика стали легче налаживаться не только межличностные контакты, но и произошло сближение молодежи. Сотрудничающие стороны лучше узнали историю и современную жизнь соседей, что способствовало уменьшению исторически сложившихся предубеждений, положительно повлияло на условия жизни людей, живущих в этих районах. Такое взаимодействие оказало влияние также на планирование работ, направленных на достижение устойчивого экономического развития, на сотрудничество в области коммунального хозяйства, охраны окружающей среды на приграничных территориях, создание благоприятных условий для развития сотрудничества в области охраны здоровья, социального обеспечения и борьбы с преступностью.

Имеются предпосылки развития хозяйственных связей, промышленной (в сфере судостроения и судоремонта, добычи и переработки нефти, производстве стройматериалов и др.) и агропромышленной кооперации, координации деятельности морского, железнодорожного, авиационного транспорта. Здесь могут сформироваться международные отраслевые и межотраслевые кластеры. Более того, речь может идти о формировании биполярной социально-экономической и расселенческой системы «Трехграде — Калининград» [8].

Гданьск и Калининград много лет сотрудничали и продолжают взаимодействовать в рамках многих инициатив и балтийских программ, таких как конференция Организации субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря (BSSSC), Союз городов Балтийского моря, VASAB 2010, Ассоциация Балтийских портов (BPO), Балтийская ассоциация учреждений регионального развития (BARDI), в реализации программы Interreg и др.

Одной из форм таких контактов как в прошлом, так и в настоящее время являются научные связи, установленные между Гданьским университетом и Балтийским федеральным университетом им. Иммануила Канта в Калининграде. Первое соглашение о сотрудничестве между обоими университетами было подписано еще во времена СССР в 1990 году. Шестнадцатого декабря 2003 года в Гданьске ректоры двух университетов подписали очередное соглашение. Сотрудничество университетов включает реализацию совместных проектов, научно-исследовательскую деятельность, организацию совместных конференций, семинаров и других научных встреч, расширение взаимодействия между обоими университетами в образовательной деятельности и в сфере культуры, обмен научными и преподавательскими кадрами. Результаты исследований публикуются в совместных научных изданиях. Реальным итогом совместных конференций и семинаров, проводимых университетами, в которых принимают участие и представители местных и региональных органов власти, расположенных по обе стороны границы, стало развитие новых моделей и форм сотрудничества морских и сухопутных сетей вокруг Гданьского залива. Важным результатом совместно проведенной работы является ряд статей и серия публикаций, выпущенных обоими сторонами по проблемам российско-польского сотрудничества [2; 7; 9; 12; 15; 18; 20; 21; 25; 26; 28]. Сотрудничество университетов расширяется путем присоединения все большего числа институтов и кафедр, заинтересованных в развитии научного и образовательного взаимодействия. Значительные возможности имеет сетевое взаимодействие университетов и исследовательских институтов в сфере инноваций [10]. Результаты совместных исследований и выявленные учеными потенциальные сферы дальнейшего взаимодействия, связанные с концепцией развития взаимного сотрудничества, являются важным шагом на пути к успешному развитию весьма непростых польско-российских отношений и построению прочных связей между Европейским союзом и Россией.

Заключение

Приграничное сотрудничество соответствует характерным для эпохи глобализации интеграционным процессам и формированию трансграничных регионов, которые особенно характерны для Европы. Оно способствует размыванию границ между отдельными государствами и облегчает экономический обмен, влияет на возникновение более тесных межличностных, социальных и политических контактов. Таким образом, происходит сближение между государствами и регионами, разделенными государственной границей.

Формированию российско-польского трансграничного региона способствуют отсутствие на границе между странами физико-географических преград в виде гор или пустынь, высокая плотность населения и хорошая экономическая освоенность территории, наличие разветвленной транспортной сети, заинтересованность обеих сторон в трансграничном сотрудничестве в различных социально-экономических сферах и решении экологических проблем. Отрицательно воздействуют субъективные внешнеполитические проблемы, возникающие вопреки объективно существующим факторам развития сотрудничества. Авторы надеются, что такие преграды будут со временем устранены, и процесс трансграничного регионообразования на российско-польской границе ускорится.

Особую роль в формировании трансграничного региона на Юго-Востока Балтики играют польское Трехградье и российский Калининград с сформировавшейся вокруг него агломерацией. Их прибрежное расположение по обе стороны Гданьского залива естественным образом располагает оба трансграничных узла к развитию взаимных контактов и приграничного сотрудничества. Хорошим доказательством этого, несмотря на зачастую сложные политические условия, являются описанные в статье примеры взаимодействия городов и университетов.

Дальнейшее успешное развитие взаимных связей на побережье Гданьского залива возможно при условии развития добрососедских отношений между Европейским союзом и Россией и устранения политической напряженности. Зависит это и от того, смогут ли Калининград и Трехградье воспользоваться благоприятной ситуацией в Балтийской Европе и использовать географические преимущества: близость соседа, общий Калининградский (Вислинский залив), общую Балтийскую (Вислинскую) косу, реку Лыну (Лаву) и Мазурский канал, приграничные лесные массивы, географическую взаимосвязь воеводств Северо-Восточной Польши с Калининградской областью. Существует много проблем, которые потенциально могли бы решаться в приграничном сотрудничестве на благо обеих сторон. Помимо сотрудничества городских агломераций и университетов это может касаться дальнейшего партнерского взаимодействия учреждений культуры, научно-исследовательских институтов, охраны и переоценки культурного наследия, защиты и рационального развития окружающей среды, развития и процветания туризма, молодежных контактов, инициатив самоуправления, сотрудничества неправительственных организаций и др.

Приграничное расположение российско-польского трансграничного региона, в частности его агломерационного ядра — Трехградья и Калининграда, является огромным преимуществом для балтийского и европейского международного сотрудничества на этой территории. Взаимодействие Трехградья и Калининградской агломерации, двух частей трансграничного российско-польского региона в целом, имеет большое международное значение и оказывает серьезное влияние на систему равновесия и безопасности в Европе. Развитие этой международной территориальной системы также способствует стабильному и устойчивому развитию сети

городов, расположенных в южной части Балтики. Готовность обеих сторон к межрегиональному сотрудничеству может стать важным шагом на пути к углублению интеграционных процессов на Балтике.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-05-00083 «Приморский фактор» конкурентного потенциала российского региона-эксклава: стратегии и механизмы реализации в условиях геополитической и геоэкономической турбулентности».

Список литературы

1. Драгилева И. И. Трансграничное сотрудничество в развитии туризма Юго-Восточной Балтики: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.: СПбГУ, 2006.
2. Драгилева И. И., Липатрова В. В. Приграничное и трансграничное сотрудничество в сфере гостеприимства на примере Калининградской области и Республики Польша // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2016. № 5 (3). С. 6—9.
3. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Сер. географическая 1997. № 5. С. 106—113.
4. Корнеевец В. С. Международная регионализация на Балтике. СПб., 2010.
5. Корнеевец В. С., Федоров Г. М. Трансграничная регионализация в условиях глобализации // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 92—102.
6. Кропинова Е. Г. Факторы формирования трансграничного туристско-рекреационного региона «Юго-Восточная Балтика» // Балтийский регион. 2011. № 1. С. 106—114.
7. Миронюк Д. А., Женгота К. К вопросу истории развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши: программный подход // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 156—179.
8. Пальмовский Т. Новая Балтийская биполярная модель межрегионального сотрудничества // Вестник Калининградского государственного университета. 2004. Вып. 6: Сер. Регионоведение. С. 66—75.
9. Плюхин М. Ю. Трансграничное сотрудничество Калининградской области. Проблемы и перспективы // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 77—80.
10. Федоров Г. М. Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. 2013. № 1 (15). С. 7—26.
11. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Еврорегионы — новый формат взаимодействия // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 78—85.
12. Anisiewicz R., Palmowski T. Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji bałtyckiej // Prace i Studia Geograficzne. 2016. 61 (1). P. 13—28.
13. Castanho R., Louresa L., Fernández J., Pozo L. Identifying critical factors for success in Cross Border Cooperation (CBC) development projects // Habitat International. 2018. Vol. 72. P. 92—99.
14. Domaniewski S., Studzińska D. The Small Border traffic Zone between Poland and Kaliningrad Region (Russia): The Impact of a Local Visa-Free Border Regime // Geopolitics. 2016. Vol. 21, is. 3. P. 538—555.
15. Gumenyuk I. S., Studzieniecki T. Current and prospective transport connections between Poland's border voivodeships and Russia's Kaliningrad region // Baltic Region. 2018. Vol. 10, № 2. P. 114—132.
16. Guo R. Cross-Border Resource Management. 3rd ed. Elsevier, 2017.
17. Lewczuk J., Ustinovichius L. The Concept of Multi-Functional Development of Cross-Border Regions: Poland Case // Procedia Engineering. 2015. Vol. 122. P. 65—70. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187705815030970> (дата обращения: 15.05.2019).
18. Mederois E. Cross-border transports and cross-border mobility in EU border regions // Case Studies on Transport Policy. 2019. Vol. 7, iss. 1. P. 1—12.
19. Medeiros E. Territorial Impact Assessment and Cross-Border Cooperation // Reg. Stud. Reg. Sci. 2015. № 2. P. 97—115.
20. Palmowski T. (ed.) Pogranicze Polsko-Rosyjskie, Problemy współpracy z Obwodem Kaliningradzkim. Gdynia ; Pelplin, 2007.

21. *Palmowski T., Fedorov G., Korneevets V. (eds.)* Economic, geopolitical and social problems of co-operation between Kaliningrad and Poland // *Coastal Regions*. Gdynia ; Pelplin, 2003.

22. *Perkmann M., Sum N. (eds.)* Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions. Palgrave Macmillan, UK, 2002.

23. *Reimann K-L.* Euroregions as mechanisms for strengthening cross-border co-operation in the Baltic Sea region // *Trames Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2009. 13 (63/58), 3. P. 265–284.

24. *Sagan I., Studzińska D., Nowicka K. et al.* The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of polish-russian borderland // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91, № 1. С. 95–112.

25. *Sakson A.* Obwód Kaliningradzki w otoczeniu NATO i Unii Europejskiej // *Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego*. 2015. Vol. 9, № 1. P. 44–52.

26. *Sebentsov A. B., Zotova M. V.* The Kaliningrad Region: Challenges of the Exclave Position and the Ways to Offset Them // *Baltic Region*. 2018. Vol. 10, № 1. P. 89–106.

27. *Sousa de L.* Understanding European Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis // *Journal of European Integration*. 2013. Vol. 35, № 6. P. 669–687.

28. *Studzieniecki T., Palmowski T., Korneevets V.* The system of cross-border tourism in the Polish-Russian borderland // *Procedia Economics and Finance*. 2016. № 39. P. 545–552.

29. *Telle S.* Euroregions as soft spaces between consolidation and transformation. European spatial research and policy. 2017. Vol. 24, № 2. P. 93–110.

30. *Żukowski A., Chelminiak M.* Polish-Russian Cross-border Cooperation from the Perspective of Polish Foreign Policy. General View // *Regional Formation and Development Studies*. 2015. Vol. 13, № 3.

Об авторах

Тадеуш Пальмовский, доктор географических наук, профессор, Гданьский университет, Польша.

E-mail: tadeusz.palmowski@ug.edu.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1644-7945>

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1644-7945>

THE DEVELOPMENT OF A RUSSIAN-POLISH CROSS-BORDER REGION: THE ROLE OF THE KALININGRAD AGGLOMERATION AND THE TRI-CITY (GDANSK—GDYNIA—SOPOT)

T. Palmowski^a

G.M. Fedorov^b

^a Gdańsk University
4 Bażyńskiego St., Gdańsk, Poland, 80–952

^b Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 10 June 2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-1

© Palmowski T., Fedorov G. M., 2019

Until 1991 ties between entities located on either side of the Russian-Polish border were virtually non-existent. There were, however, favourable physical, geographical, economic, social, and ecological conditions for the development of a cross-border region. Since the early 1990s, cooperation between administrative units and municipalities, businesses, and non-governmental organisations has been developing on an institutional basis. Euroregions and cross-border cooperation programmes have become major contributors to cross-border region-building. On either side of the border, there are socio-economic nodes between which axes of cross-border interaction are emerging. The most powerful axis is the Tri-City (Gdansk-Gdynia-Sopot) — the Kaliningrad agglomeration. A systemic approach is used to analyse a variety of relationships, reflected in a map showing the diversity of geographical areas of cooperation. The University of Gdansk and the Immanuel Kant Baltic Federal University are playing an important role in the development of Russian—Polish relations. Although the intensity of cross-border ties has decreased in recent years amid tensions between Russia and the West, there is hope that bilateral socio-economic benefits will encourage the restoration and development of collaborations and the Russian—Polish cross-border region will continue to evolve.

Keywords:

cross-border cooperation; cross-border region, Kaliningrad, Kaliningrad agglomeration, Tri-City, Gdansk, University of Gdansk, Immanuel Kant Baltic Federal University

References

1. Dragileva, I.I. 2006, *Transgranichnoye sotrudnichestvo v razvitii turizma Yugo-Vostochnoy Baltiki* [Cross-border cooperation in the development of tourism in the South-East Baltic], PhD Thes., St. Petersburg State University, 19 p. (in Russ.).
2. Dragileva, I.I., Lipatrova, V.V. 2016, Cross-border and cross-border cooperation in the field of hospitality on the example of the Kaliningrad region and the Republic of Poland, *Nauka i turizm: strategii vzaimodeystviya* [Science and Tourism: Interaction Strategies], vol. 5, no. 3, p. 6—9 (in Russ.).
3. Kolosov, V.A., Turovsky, R.F. 1997, Modern state borders: new functions in the context of integration and cross-border cooperation, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Geographical Series], no. 5, p. 106—113 (in Russ.).
4. Korneevets, V.S. 2010, *Mezhdunarodnaya regionalizatsiya na Baltike* [International regionalization in the Baltic], St. Petersburg, 207 p. (in Russ.).
5. Korneevets, V.S., Fedorov, G.M. 2010, Transborder regionalisation in the conditions of globalisation, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 92—102. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-4-10>.
6. Kropinova, Ye.G. 2011, The factors affecting the development of the South-eastern Baltic tourism and recreation region, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 93—100. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2011-1-12>.
7. Mironyuk, D.A., Żęgota, K. 2017, The history of the integration between Russia's Kaliningrad region and Poland's northeastern voivodeships: A programme approach *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 114—129. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-2-9>.
8. Palmowski, T. 2004, The new Baltic bipolar model of interregional cooperation, *Vestnik Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Regionovedeniye* [Bulletin of the Kaliningrad State University. Series of Regional Studies], no. 6, p. 66—75 (in Russ.).
9. Plyukhin, M. 2009, Cross-Border Cooperation in the Kaliningrad region: Problems and Prospects, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 65—67. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-1-7>.
10. Fedorov, G. 2013, Innovations in the Baltic Sea Region and Network Cooperation between Russia and the EU, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 4—18. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-1-1>.
11. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2008, Euroregions — a new format of interaction, *Cosmopolis*, no. 2 (21), p. 78—85 (in Russ.).
12. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2016, Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji bałtyckiej, *Prace i Studia Geograficzne*, no. 61(1), p. 13—28.
13. Castanho, R., Louresa, L., Fernández, J., Pozo, L. 2018, Identifying critical factors for success in Cross Border Cooperation (CBC) development projects, *Habitat International*, no. 72, p. 92—99.

14. Domaniewski, S., Studzińska, D. 2016, The Small Border traffic Zone between Poland and Kaliningrad Region (Russia): The Impact of a Local Visa-Free Border Regime, *Geopolitics*, Vol. 1, no. 3, p. 538—555.
15. Gumenyuk, I.S., Studzieniecki, T. 2018, Current and prospective transport connections between Poland's border voivodeships and Russia's Kaliningrad region. *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 2, p. 114—132. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-8>.
16. Guo, R. 2017, *Cross-Border Resource Management*, 3rd ed., Elsevier, 472 p.
17. Lewczuk, J., Ustinovichius, L. 2015, The Concept of Multi-Functional Development of Cross-Border Regions: Poland Case, *Procedia Engineering*, no. 122, p. 65—70, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877705815030970> (accessed 15.05. 2019).
18. Mederois, E. 2019, Cross-border transports and cross-border mobility in EU border regions, *Case Studies on Transport Policy*, Vol. 7, no. 1, p. 1—12.
19. Medeiros, E. 2015, Territorial Impact Assessment and Cross-Border Cooperation, *Reg. Stud. Reg. Sci.*, no 2, p. 97—115.
20. Palmowski, T. (ed.) 2007, *Pogranicze Polsko-Rosyjskie, Problemy współpracy z Obwodem Kaliningradzkim*, Gdynia — Pelplin, 369 p.
21. Palmowski, T., Fedorov, G., Korneevets, V. (eds.) 2003, Economic, geopolitical and social problems of co-operation between Kaliningrad and Poland. In: *Coastal Regions. University of Gdańsk*, Gdynia-Pelplin, 141 p.
22. Perkmann, M., Sum, N. (eds). 2002, *Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions*, Palgrave Macmillan UK, 266 p.
23. Reimann, K-L. 2009, Euroregions as mechanisms for strengthening cross-border co-operation in the Baltic Sea region, *Trames Journal of the Humanities and Social Sciences*, Vol. 13 (63/58), no. 3, p. 265—284.
24. Sagan, I., Studzińska, D., Nowicka, K., Kolosov, V., Zotova, M., Sebentsov, A. 2018, The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of polish-russian borderland, *Geographia Polonica*, Vol. 91, no. 1, p. 95—112.
25. Sakson, A. 2015, Obwód Kaliningradzki w otoczeniu NATO i Unii Europejskiej, *Rocznik Bezpieczeństwa Międzynarodowego*, Vol.9, no. 1, p. 44—52.
26. Sebentsov, A.B., Zotova, M.V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the Exclave Position and the Ways to Offset Them, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no 1, p. 89—106. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>.
27. Sousa de, L. 2013, Understanding European Cross-border Cooperation: A Framework for Analysis, *Journal of European Integration*, Vol. 35, no 6, p. 669—687.
28. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The system of cross-border tourism in the Polish-Russian borderland, *Procedia Economics and Finance*, no. 39, p. 545—552.
29. Telle, S. 2017, Euroregions as soft spaces between consolidation and transformation, *European spatial research and policy*, Vol. 24, no 2, p. 93—110.
30. Żukowski, A., Chełminiak, M. 2015, Polish-Russian Cross-border Cooperation from the Perspective of Polish Foreign Policy. General View, *Regional Formation and Development Studies*, Vol.13, no 3, p. 181—188.

The authors

Prof Tadeusz Palmowski, Gdansk University, Poland.

E-mail: tadeusz.palmowski@ug.edu.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1644-7945>

Prof Gennady M. Fedorov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

ВОЗМОЖНОСТИ БИОЭКОНОМИКИ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

**Й. фон Браун
А. Мирзабаев**

Боннский университет,
53113, Германия, Бонн, ул. Вальтера Флекса, 3

Поступила в редакцию 17.09.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-2
© Фон Браун Й., Мирзабаев А., 2019

Прогнозируется, что изменение климата окажет глубокое воздействие на функционирование природных экосистем, биоразнообразия и общества в Балтийском регионе и мире в целом, особенно в области сельского хозяйства и продовольственных систем. Балтийский регион обладает огромным потенциалом для развития биоэкономики ввиду наличия возможностей производства биомассы и достижений в области микробиологии, ведущих к появлению инноваций в области использования биомассы. Тем не менее устойчивое развитие биоэкономики в регионе требует гибкой и своевременной адаптации к происходящим климатическим изменениям. Цель статьи — на основе анализа современной научной литературы изучить последствия развития биоэкономики для адаптации к климатическим изменениям и минимизации их последствий в Балтийском регионе. В статье также подробно рассматриваются действия, которые могут способствовать устойчивости биоэкономики в регионе. Делается вывод о том, что для успешной адаптации биоэкономики к изменению климата научные коллаборации, преодолев границы в Балтийском регионе, могут ускоренно генерировать инновации. В свою очередь, устойчивое развитие биоэкономики может предоставить значительные возможности для минимизации последствий изменения климата.

Ключевые слова:

изменение климата, адаптация и минимизация последствий, биоэкономика, география, Балтийский регион, устойчивое развитие

Введение

Последствия изменения климата становятся все более очевидными во всем мире, в том числе в Балтийском регионе. По сравнению с доиндустриальным периодом (1850—1900) средняя температура на Земле (как на суше, так и в океане) выросла на 0,87 °С. При этом средняя температура на суше росла почти вдвое быстрее, и теперь она на 1,53 °С выше, чем в доиндустриальный период [1]. Эти, казалось бы, небольшие изменения средней температуры фактически оказывают глубокое воздействие на функционирование природных экосистем, биоразнообразия и общества, в частности в том, что касается сельского хозяйства и продовольственных систем [1].

Для цитирования: Фон Браун Й., Мирзабаев А. Возможности биоэкономики в Балтийском регионе в контексте региональных и глобальных климатических изменений // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 20—35. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-2.

Прогнозируется, что изменение климата окажет значительное влияние на Балтийский регион, включая повышение температуры суши и моря, изменение частоты и силы экстремальных погодных явлений (таких, как штормы, обильные осадки, периоды аномально жаркой погоды, наводнения), снижение урожайности и вылова рыбы, лесные пожары, а также рост заболеваемости из-за различных инфекций [1–3]. Имеющиеся данные показывают, что температура в Балтийском море повышается в два-четыре раза быстрее, чем в среднем по миру. Только в период с 1982 по 2006 год зарегистрирован рост на 1,35 °C [4–6]. Повышение температуры морской воды приводит к увеличению числа случаев заражения вибрионом, что, в свою очередь, ведет к вспышкам болезней пищевого происхождения [7]. Вместе с тем в период между 1975 и 2000 годами снизилась соленость воды в Балтийском море [4; 8; 9], что имело важные последствия для морских экосистем, поскольку уменьшение уровня фитопланктона негативно повлияло на рыболовство в регионе [10; 11].

Балтийский регион обладает значительным потенциалом для развития биоэкономики благодаря возможностям производства биомассы и быстрому прогрессу микробиологии. Это приводит к появлению инноваций в процессах производства, в том числе продуктов из биомассы. Однако устойчивое развитие биоэкономики в регионе может быть ограничено последствиями изменения климата. Целью данной работы является изучение возможностей развития биоэкономики для экономических преобразований, адаптации к изменению климата и минимизация его последствий в Балтийском регионе на основе анализа новейшей литературы по проблеме. В работе также подробно рассматриваются действия, которые могут способствовать устойчивости биоэкономики в регионе.

Концепция биоэкономики

Изменения в землепользовании и нерациональные методы управления земельными ресурсами привели к деградации от 3 до 43% почв в разных частях Балтийского региона, что выразилось в значительных ежегодных экономических потерях с точки зрения сокращения наземных природных ресурсов [12]. В совокупности изменение климата и деградация земель могут создавать серьезные проблемы для устойчивого развития и функционирования сельского хозяйства, рыболовства и продовольственных систем в Балтийском регионе. Хотя границы в Балтийском регионе, конечно, имеют значение для экономической географии, все же, как уже подчеркивалось Г.М. Федоровым [13], трансграничное сотрудничество, совместные действия в сфере научных исследований пойдут на пользу всем для развития биоэкономики и предотвращения климатических изменений.

В этом контексте развивающаяся биоэкономика быстро охватывает сельскохозяйственные и продовольственные системы как в глобальном масштабе, так и в Балтийском регионе. Биоэкономика — это «производство и использование биологических ресурсов (включая знания) для производства товаров, организации процессов и предоставления услуг во всех секторах торговли и промышленности в рамках устойчивой экономики»¹. Таким образом, биоэкономика направлена на устойчивое производство и использование биологических ресурсов, процессов и принципов. «Биоэкономика» принадлежит к семейству новых терминов и не является синонимом «циркулярной экономики» и «зеленой экономики», следовательно, эти три понятия не должны использоваться взаимозаменяемо [14; 15]. Согласно данному

¹ What is Bioeconomy? // Bioökonomierat. URL: <http://biooekonomierat.de/en/bioeconomy/> (дата обращения: 13.07.2019).

выше определению биоэкономика в основном циркулярна, если она основана на рациональном и долгосрочном использовании природных ресурсов и процессов, внося, таким образом, значительный вклад в «циркулярную экономику», которая также подразумевает повторное использование любых материалов. Как биоэкономика, так и циркулярная экономика должны учитывать внешние экологические факторы (часто упрощенные, такие как экологические следы) процессов и товаров (за пределами их жизненного цикла). Биоэкономика и циркулярная экономика должны способствовать разумному, устойчивому и всеобъемлющему росту, позволяющему перейти к зеленой экономике, которая является более широкой и размытой концепцией, чем биоэкономика и циркулярная экономика. Биоэкономика заключается не только в оптимальном использовании ресурсов, но и в стремлении к социальному преобразованию и «биологизации» промышленных и сельскохозяйственных процессов и экономики для достижения устойчивого развития.

Биоэкономика является ключом к тому, чтобы справиться с изменением климата, и она также становится важным компонентом преобразования экономических систем в направлении устойчивого развития в целом [1;16;17]. С другой стороны, прямое воздействие изменения климата и деградации земель на развитие биоэкономики в регионе может происходить за счет сокращения доступности биомассы и усиления конкуренции между различными видами ее применения. Существует общее понимание (также сформулированное в целях в области устойчивого развития ООН [18]) о том, что при использовании ресурсов необходимо больше полагаться на возобновляемые ресурсы, при этом важную роль должны играть устойчиво производимые и перерабатываемые материалы. Парижское соглашение об изменении климата придает дополнительный импульс инвестициям в устойчивую биоэкономику. Основанная на знаниях и устойчивая биоэкономика противопоставлена неразумному использованию биологических и других природных ресурсов и связанному с ним неблагоприятному воздействию на окружающую среду.

Минимизация последствий и адаптация к изменению климата с помощью биоэкономики

Синергизм и компромиссы развития биоэкономики

Устойчивое развитие биоэкономики дает возможность реагировать на изменение климата путем сокращения выбросов парниковых газов и повышения адаптационной способности к изменению климата. Например, для ограничения роста потепления до 1,5 или до 2 °C требуется минимизация воздействия на окружающую среду на суше и изменение методов землепользования, включая лесовосстановление, облесение, сокращение обезлесения и использование биоэнергии [3]. Облесение и лесовосстановление помогают улавливать углерод, повышать доступность биомассы, а также могут предоставлять широкий спектр экосистемных услуг, хотя для того чтобы добиться этого, обычно требуется время [1]. В этом отношении в Балтийском регионе за последние десятилетия наблюдается впечатляющий рост лесных массивов. С 2001 по 2009 год площадь лесов в Балтийском регионе увеличилась на 5,7 млн га (рост на 18%), в то время как за тот же период площадь пастбищ, лесных и кустарниковых угодий сократились примерно на 60—75% [12].

С другой стороны, широкомасштабное применение наземных методов минимизации последствий климатических изменений в виде облесения, лесовосстановления и расширения производства биотоплива может поставить под угрозу поставки продовольствия и кормов. Устойчивое управление лесами, улучшение управления

пахотными землями и пастбищами создают возможности для сокращения перевода земельных угодий под нужды производства продуктов питания [1]. Устойчивое управление лесами особенно важно для Балтийского региона, где несколько стран, таких как Швеция, Латвия и Эстония, входят в число крупнейших мировых производителей и экспортеров древесных топливных гранул [19]. При этом биоэнергетика составляет важную долю в общем объеме поставок первичных энергоресурсов в этих странах, а также в Финляндии [19]. Точно так же потребность в дальнейшем расширении сельскохозяйственных угодий может быть уменьшена за счет повышения продуктивности сельскохозяйственных культур и животноводства, перехода на преимущественно растительные рационы питания и сокращения количества пищевых отходов и потерь. Кроме того, использование органических отходов для производства биоэнергии может снизить издержки, связанные с развитием биоэнергетики [1]. Биоэкономика помогает адаптироваться к ограниченности ископаемых ресурсов, заменяя их в том числе биоэнергетикой и создавая рынки для использования углерода и других природных ресурсов [20; 21].

Как и в случае реализации любой стратегии по минимизации последствий климатических изменений и адаптации к ним, последствия биоэкономического развития для экономики должны быть тщательно изучены. Безусловно, есть компромисс между целями продовольственной безопасности, экологической устойчивости и энергетической безопасности, которые необходимо учитывать. Широкомасштабное использование биомассы в биоэнергетике может помочь в смягчении последствий изменения климата, но может и снизить производство продуктов питания, а также негативно повлиять на биоразнообразие. Многие вновь созданные человеком леса часто состоят только из нескольких видов деревьев и могут значительно уступать естественным лесам с точки зрения биоразнообразия. С другой стороны, развитие биоэкономики может способствовать росту сельского хозяйства, укреплению энергетической безопасности и созданию новых рабочих мест как в сельских, так и в городских районах, что значительно повышает адаптацию к изменению климата.

Сельскохозяйственное производство и энергетические системы неразрывно связаны. Ископаемые виды топлива используются в сельскохозяйственной деятельности как напрямую (например, для работы сельскохозяйственной техники), так и косвенно (например, для производства химических удобрений, применяемых в растениеводстве) [22]. Биомасса, производимая в сельском хозяйстве, также применяется для производства биоэнергии, причем между производством биотоплива и продуктов питания зачастую идет борьба за использование различных природных ресурсов, например таких, как земля и вода [23; 24]. Было обнаружено, что быстрый рост производства биотоплива вызывает переход волатильности цен от энергетических рынков к сельскохозяйственным [25; 26]. Технологические и институциональные инновации в биоэкономике, которые повышают производительность сельского хозяйства и сокращают количество пищевых отходов и потерь, могут помочь снизить необходимость выбора между использованием биомассы для производства продуктов питания и энергии, при этом зачастую они также сокращают выбросы углекислого газа в атмосферу.

Сокращение пищевых потерь и отходов также требует изменений в потреблении и рационе питания, то есть в социально-экономическом поведении. Политика, влияющая на выбор потребителя посредством предоставления информации, образования и ценовых стимулов, должна быть скоординирована с политикой в области биоэкономики. Конечной целью политики в области биоэкономики является обеспечение долгосрочных стимулов для устойчивого ведения сельского хозяйства, рационального использования биоресурсов и промышленного развития. Содействие общим усилиям на региональном и международном уровнях является приорите-

том, особенно в плане обмена новыми знаниями и передовой практикой в области биоэкономики между Балтийским регионом и остальной частью Европы, а также другими регионами.

Адаптация биоэкономики к мерам по предотвращению климатических изменений

Ключевыми являются элементы, позволяющие биоэкономике вносить вклад в минимизацию последствий изменения климата и адаптацию к ним в Балтийском регионе путем выработки соответствующей политики, создания институтов и систем управления на всех уровнях, а также выработки взаимодополняющей политики в области климата и землепользования. Кроме того, необходимо разработать политику в области продовольствия и энергетических систем и укрепить взаимосвязь между многоуровневым и межсекторальным управлением и гибкой политикой. Конечная цель этих подходов к выработке политики и управлению заключается в стимулировании не причиняющих ущерб климату технологических, социальных и организационных инноваций в области биоэкономики (рис. 1).

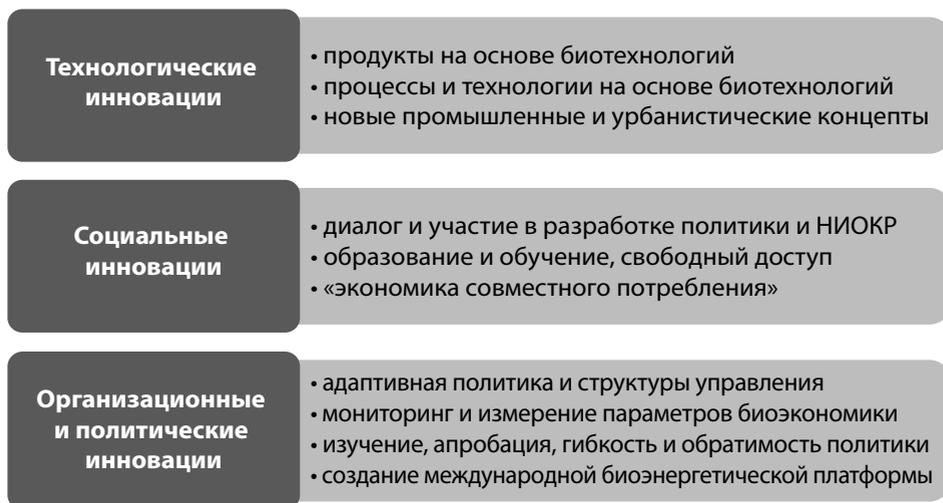

Рис. 1. Инновации для устойчивого развития биоэкономики

Развитие биоэкономики обусловлено необходимостью повышения рационального и долгосрочного использования ресурсов и борьбы с изменением климата. Более того, технологические и научные инновации, изменение потребительских предпочтений и социальные инновации (например, экономика совместного потребления), а также организационные инновации (например, улучшение мониторинга и измерений параметров биоэкономики) в настоящее время способствуют быстрому развитию биоэкономики во многих регионах мира, в том числе в регионе Балтийского моря. Ожидается, что развитие биоэкономики поможет государствам решать такие серьезные экологические проблемы, как утрата биоразнообразия, деградация земель и загрязнение воздуха. Конкретные характеристики развития биоэкономики зависят от местных условий и варьируются от одного региона к другому в зависимости от их сравнительных преимуществ, таких как обеспеченность ресурсами, экономическая специализация и общее состояние развития [27].

В настоящее время биоэкономика развивается более чем в 40 странах мира. Стратегии ее развития направлены на использование потенциала биологических ресурсов для обеспечения экологической устойчивости [28], благоприятного для климата экономического роста и создания рабочих мест. Такие специальные стратегии в области биоэкономики были разработаны также некоторыми странами Балтии, такими как Финляндия, Латвия, Литва, при этом Россия в некоторых своих стратегиях развития имеет элементы, связанные с биоэкономикой. Европейский союз как наднациональная структура опубликовал стратегию биоэкономики в 2012 году [29]. В этом отношении Балтийский регион может иметь связь с соседними Скандинавией и Германией. Россия могла бы получить выгоду от собственной комплексной стратегии биоэкономики. Балтийский регион в целом мог бы использовать совместную трансграничную стратегию биоэкономики, как это делают другие регионы мира. Это соответствовало бы идеям о более глубокой интеграции в регионе [30].

Связи между биоэкономикой и сельским хозяйством

Как показал Специальный доклад МГЭИК об изменении климата и землях, достижение целей по минимизации последствий изменения климата — чрезвычайно сложная задача без всестороннего включения сельского хозяйства и продовольственных систем в стратегии по смягчению этих последствий [1]. Это также верно и для Балтийского региона. Спрос на продукты питания, корма, волокна и энергию растет из-за постоянного роста населения и его доходов. Удовлетворение растущего спроса за счет применения ископаемого топлива больше не является экологически приемлемым и требует перехода на более чистые источники энергии. Использование возобновляемой и устойчивой биомассы играет важную роль в отказе от ископаемого топлива. В 2011 году около 14 % всей биомассы в мире было использовано для производства продовольствия, 58 % — для производства кормов, 10 % — для производства химикатов и материалов на биологической основе, 17 % — для производства топлива, а оставшаяся часть для других целей [31].

Животноводство — один из основных источников выброса парниковых газов в атмосферу. Кроме того, растет потребление продуктов животного происхождения (например, мяса), которые составляют значительную часть биомассы. Таким образом, животноводство должно быть включено в эффективные производственно-технологические связи как часть развития биоэкономики, чтобы снизить выбросы CO₂ от продуктов животноводства.

Достижение гармонии между развитием биоэкономики, снижением воздействия на климат и продовольственной безопасностью в Балтийском регионе требует повышения эффективности и инновационности по всей производственно-технологической цепи, а не по отдельным ее компонентам, таким как растениеводство или животноводство [32]. Примерами такого повышения эффективности могут служить инновационные волокна, созданные с помощью биотехнологий и нашедшие новое применение в промышленности (например, искусственные волокна паутины и волокна на основе молочного белка) [33]; разработки в современной промышленной биотехнологии (использование растительных масел в промышленности путем интеграции жирных кислот, использование растений, содержащих янтарную кислоту², в химической промышленности); инновации, связанные с переработкой лигноцеллюлозных культур в этанол [34]; новые биопластики, синтетическое мясо на биологической основе и т.д.

---

² Янтарная кислота является двупротонной, двуосновной карбоновой кислотой с химической формулой C₄H₆O₄. В последнее время янтарную кислоту производят путем ферментации глюкозы из возобновляемого сырья. Поскольку химическая промышленность переходит от материалов на основе нефти к экологически устойчивым материалам, янтарная кислота становится одним из основных конкурентов биохимикатов.

В основе этих инноваций лежат изменения в производственном процессе, называемые *каскадным* подходом. Это означает, что ресурсы применяются поэтапно для различных продуктов, то есть каскадов, в результате чего сначала используются наиболее ценные вещества, затем промежуточные продукты и только в конце, например, остатки биомассы для производства биотоплива. Также здесь можно упомянуть примеры современных методов деревообработки и деревянного строительства.

В целом биоэкономика, чувствительная к продовольственной безопасности и благоприятная для климата, требует новых типов биомассы с низкими требованиями к ресурсам, каскадных систем повторного использования, а также инноваций в конечных продуктах, даже не связанных с существующим производством биомассы, таких как домашнее выращивание растений с использованием гидропонии.

Биоэкономика и структурные преобразования

На биоэкономику больше не влияют ожидания роста цен на ископаемое топливо, а движущими факторами являются сохранение климата и ресурсов, а также наличие потенциала для биоинноваций [35]. Далее обсуждаются подходы к формированию, моделированию и анализу биоэкономики, ее роли в решении климатических и связанных с ними проблем с глобальной точки зрения, которые также имеют большое значение для Балтийского региона.

Отраслевая перспектива

Биоэкономика является не отраслью промышленности, а фактически частью различных секторов экономики. Традиционный подход к изучению экономических изменений предполагает отраслевую перспективу изменения долей сельского хозяйства, различных отраслей промышленности и сферы услуг в экономике. В настоящее время сельское хозяйство составляет всего около 4% ВВП, и на него приходится 20% всех трудозанятых в мире, доля занятости в этом секторе может включать значительную долю неполной занятости. За исключением наименее развитых стран эта концепция структурных преобразований, основанная на отраслевых изменениях, утратила свою актуальность при отображении экономических изменений. Это связано не только с трудностями при расчете ВВП, но и с самой концепцией секторов, разнообразие которых в основном существует внутри них самих, а не между отдельными секторами. В качестве примера можно привести сельское хозяйство, которое во все большей степени сочетает в себе промышленные и сервисные функции как на уровне фермерских хозяйств, так и в цепочках создания стоимости, связанных с первичным производством. В качестве другого примера можно привести сельское хозяйство, в котором применяются дистанционное зондирование и цифровые технологии, а также комплексные контракты на обслуживание и договоры о сотрудничестве в сфере сбыта продукции. Было бы заманчиво преодолеть проблему неадекватности секторальных подходов путем простого разделения секторов на составные части насколько это возможно и продолжения биоэкономического анализа в рамках концепции сектора. Однако в этом случае его характерная черта, состоящая в охвате всех секторов, будет частично утрачена [36], и для описания инноваций процессов, эффективности переработки и технических изменений в производственных функциях потребуются аппроксимация [32]. В результате отраслевая перспектива даст довольно фрагментированный взгляд на вклад биоэкономики в минимизацию последствий изменения климата и адаптацию к ним.

Перспектива с точки зрения фирмы

Фирмы могут быть полезной единицей для проведения анализа биоэкономики, так как подобный анализ сочетал бы в себе роль спроса, вопросы оптимального размера фирм и преимущества местоположения. Согласно Р.Х. Коузе [37], люди организуют свое производство в фирмах, когда транзакционные издержки координирования производства через обмен на рынке с учетом недостаточной информированности выше, чем внутри фирмы. Эта базовая теория применима к биоэкономике, которая зависит от природы товаров, процессов (таких, например, как вышеупомянутое каскадное использование), цепочек снабжения средствами производства и местоположения конечного потребителя и поставщика средств производства, определяющих размер и локализацию фирм. Спрос на биоэкономику возникает на рынках устойчиво поставляемых продуктов на основе биотехнологий. Эти рынки могут быть сформированы не только спросом домохозяйств, но и спросом государственных секторов на приобретение товаров. Последнее может быть результатом применения политики экологической трансформации, такой как снижение налогов на приобретаемые государственным сектором биопродукты или ценообразование на углеводороды, но также может произойти и перекося из-за погони за рентой со стороны государственных структур или отраслей промышленности.

Ввиду значительного участия властей и новых видов связи между различными отраслями промышленности подходы «промышленной организации» могут быть полезными для направления деловых стратегий и государственной политики [38]. Совместные инновационные усилия компаний по снижению загрязнения окружающей среды, предпринимаемые в последнее время в целлюлозно-бумажной промышленности, являются примером скоординированной промышленной организации [39]. Чтобы реально оценить биоэкономические изменения для эффективности какой-либо отрасли промышленности, применяются обычные критерии, а именно: эффективность локализации, эффективность производства, капитал и технологическая продвинутость [32]. Биоэкономика может быть частью новой промышленной стратегии, в которой учитываются устойчивость и воздействие на климат. Конкурентоспособность отраслей в контексте биоэкономики будет зависеть от инноваций в области производства биопродуктов и развития технологий переработки. Они будут востребованы только в том случае, если будут конкурентоспособны на рынке и будут восприниматься потребителями лучше по сравнению с отраслями, производящими товары без использования биотехнологий.

Системная перспектива

В основе биоэкономики лежит системное мышление с особым вниманием к внешним факторам и транзакционным издержкам. На рисунке 2 представлена системная перспектива биоэкономики с кластерами и взаимосвязанными цепочками создания стоимости. Ключевыми элементами являются первичное производство, здравоохранение и другие услуги, а также преобразование биоиндустриальных кластеров. При этом все кластеры связаны с инновациями в биологии и других сферах и находятся под их влиянием, что отражено в центре системного графика.

При системном анализе движущие силы биоэкономики связаны с изменениями компонентов системы, а воздействие на рост, распределение и экологию определяется в контексте политических вмешательств. Баланс между целями и взаимодополняемостью инструментов должен быть четко смоделирован. При применении такого подхода лучше всего включить в него анализ межотраслевого баланса. Однако также необходимо учитывать обычные ограничения моделирования систем,

например выборочный захват причинных связей, трудности определения границ систем и динамику технологических изменений. Вышеупомянутая перспектива кластеризации в отрасли может быть использована в описательной части моделирования систем биоэкономики и даже включена в нее.

Рис. 2. Развитие биоэкономики: кластеры и связи между ними [40]

Перспективы инновационной экономики

Теоретические основы биоэкономики могут рассматриваться через призму экономики индуцированных инноваций [41], где инновации являются результатом недостаточности факторов и связанных с ними ожидаемых изменений цен (то есть цен на землю, воду, углекислый газ (CO_2) и энергоносители). Согласно [41] ключевую роль в экономической структуре биоэкономики должны играть знания и их эндогенная природа. Здесь уместно вспомнить новый взгляд на инновационные системы. В работе [42] указано на то, что необходимо обеспечить более глубокое понимание динамики инновационных систем. Авторы предлагают структуру, которая фокусируется на ряде процессов, важных для эффективных инновационных систем. Они называют эти процессы «функциями инновационных систем» и предлагают метод для систематического картирования тех процессов, которые происходят в инновационных системах и приводят к технологическим изменениям. Такой анализ процессов и исторических событий также вполне уместен и актуален для инновационных систем биоэкономики.

Сочетание четырех упомянутых выше подходов — секторального, с точки зрения фирмы, системного и инновационного — с *новаторскими идеями* может пролить свет на понимание возможностей биоэкономики и выявить конфликтующие цели, такие как действия по предотвращению изменения климата и более широкое использование природных ресурсов, развитие и продовольственная безопасность. Биоэкономика и ее связь со снижением воздействия на климат ставят перед эко-

номистами новые задачи, требующие выхода за рамки изолированной цепочки создания стоимости, отраслевого и товарного анализа. Требуется, чтобы экономисты узнали больше о гораздо более широком наборе соответствующих технологий, а также о промежуточных и конечных потребностях, связанных с процессами и продуктами на биологической основе. И если они хотят выступать в качестве «биоэкономистов», то существует также необходимость в междисциплинарном подходе с их стороны (питание, экология, биотехнологии, биохимия и т.д.).

Измерение размера, ценности и результатов биоэкономики в Балтийском регионе

Без надлежащих методов измерения параметров биоэкономики оценить ее вклад в предотвращение климатических изменений будет сложно. К таким методам параметров биоэкономики относится измерение устойчивости и последствий действий по предотвращению климатических изменений субъектами экономических отношений: инвесторами, политиками и потребителями. Для измерения параметров биоэкономики можно использовать несколько подходов, но каждый из них должен быть тщательно изучен в отношении того, что и как измеряется [32]. Один широко применяемый подход основан на использовании системы национальных счетов для понимания вклада в региональную или национальную экономику, а также уровня занятости и потребления. Подобный подход, возможно, не дает полного представления о существующих возможностях в будущем. Другие подходы касаются кластеров биоэкономики или появления ключевых технологий и инноваций, а также использования инвестиций в частный и государственный секторы экономики. Кроме того, для обеспечения экологической устойчивости и благосостояния людей биоэкономика должна учитывать влияние на здоровье человека и экологические последствия, а также пространственные измерения, поэтому необходимо применение методов экономической географии. Нам также необходимо усовершенствовать эмпирические методы определения причинно-следственной зависимости (включая возможности использования данных по экологии на обширных территориях), чтобы фактически установить взаимосвязь между объемом, типом и результатами проводимой политики и реализуемых программ в области биоэкономики.

И в целом, и для Балтийского региона в частности желательно принятие мер, ориентированных на достижение конкретного результата, а не проведение секторальных измерений или измерений содержания биологического компонента в продуктах. Результатом будет снижение выбросов углерода, рациональное и долгосрочное использование воды и почвы, повышение уровня биоразнообразия, измеряемое как техническими, так и экономическими методами, включая неценовые подходы к измерению. Кроме того, результатом будет улучшение состояния здоровья людей (например, из-за снижения загрязнения воздуха и действия других экологических факторов) и благоприятное развитие среды их проживания, связанное, например, с появлением экологически чистых городов.

Выводы

Развитие биоэкономики предоставляет новые возможности для реагирования на проблемы, связанные с изменением климата в Балтийском регионе. Генерирование биоэнергии в контексте использования других возобновляемых источников энергии может способствовать снижению выбросов парниковых газов в атмосферу. Биоэкономика, однако, не раскроет свой трансформационный потенциал, если будет развиваться изолированно в отдельных регионах. Балтийский регион как единое целое

мог бы применить совместную трансграничную стратегию биоэкономики, как это уже сделано в других регионах мира. Обмен новыми научными знаниями в области биоэкономики и содействие адаптации к местным условиям являются необходимыми совместными усилиями, особенно в том, что касается шагов по предотвращению климатических изменений. Чтобы успешно адаптировать биоэкономику к изменению климата, научное сообщество в Балтийском регионе должно ускоренно создавать инновации, а политика в сфере защиты ресурсов должна способствовать рациональному и долгосрочному использованию земли и воды, а также повышению биоразнообразия. В свою очередь, устойчивое развитие биоэкономики может предоставить значительные возможности для минимизации последствий изменения климата.

Список литературы

1. *Climate Change and Land: IPCC Special Report on Climate Change, Desertification, Land Degradation, Sustainable Land Management, Food Security, and Greenhouse gas fluxes in Terrestrial Ecosystems. Summary for Policy Makers.* IPCC, 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2019/08/Edited-SPM_Approved_Microsite_FINAL.pdf (дата обращения: 28.08.2019).
2. *Climate Change 2014 Impacts, Adaptation, and Vulnerability / C. B. Field, V. R. Barros, D. J. Dokken [et al.] (eds.).* Cambridge, 2014. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107415379> (дата обращения: 28.08.2019).
3. *Global Warming of 1.5 °C: an IPCC special report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty.* IPCC, 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/download/> (дата обращения: 28.08.2019).
4. *Aleksandrov S. V., Zhigalova N. N., Zezera A. S.* Long-term dynamics of zooplankton in the southeastern Baltic Sea // *Russian Journal of Marine Biology.* 2009. Vol. 35, № 4. P. 296—304.
5. *Belkin I. M.* Rapid warming of large marine ecosystems // *Progress in Oceanography.* 2009. № 81. P. 207—213.
6. *Philippart C. J. M., Anadon R., Danovaro R. et al.* Impacts of climate change on European marine ecosystems: observations, expectations and indicators // *Journal of Experimental Marine Biology and Ecology.* 2011. № 400. P. 52—69.
7. *Baker-Austin C., Trinanes J. A., Taylor N. G. H. et al.* Emerging *Vibrio* risk at high latitudes in response to ocean warming // *Nature Climate Change.* 2013. Vol. 3, № 1. P. 73—77.
8. *Fonselius S., Valderrama J.* One hundred years of hydrographic measurements in the Baltic Sea // *Journal of Sea Research.* 2003. Vol. 49, № 4. P. 229—241.
9. *Möllmann C., Kornilovs G., Fetter M. et al.* The marine copepod, *Pseudocalanus elongatus*, as a mediator between climate variability and fisheries in the Central Baltic Sea // *Fisheries Oceanography.* 2003. Vol. 12, № 4—5. P. 360—368.
10. *Henriksen P.* Long-term changes in phytoplankton in the Kattegat, the Belt Sea, the Sound and the western Baltic Sea // *Journal of Sea Research.* 2009. Vol. 61, № 1—2. P. 114—123.
11. *MacKenzie B. R., Meier H. E. M., Lindegren M. et al.* Impact of climate change on fish population dynamics in the Baltic Sea: a dynamical downscaling investigation // *AMBIO: A Journal of the Human Environment.* 2012. Vol. 41, № 6. P. 626—636.
12. *Браун Й. фон, Мирзабаев А.* Изменение землепользования и экономика деградации земельных ресурсов в Балтийском регионе // *Балтийский регион.* 2016. № 3. С. 45—60. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-3.
13. *Федоров Г. М.* Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // *Балтийский регион.* 2014. № 3. С. 71—82. doi: 10.5922/2074-9848-2014-3-5.
14. *Andersen M. S.* An Introductory note on the environmental economics of the circular economy // *Sustainability Science.* 2006. Vol. 2, № 1. P. 133—140. doi: 10.1007/s11625-006-0013-6.

15. Pearce D. W., Markandya A., Barbier E. *Blueprint for a Green Economy*. L., 1989.
16. *Opportunities for future research and innovation on food and nutrition security and agriculture* The InterAcademy Partnership's global perspective. IAP, 2018. URL: <https://www.interacademies.org/48898/Opportunities-for-future-research-and-innovation-on-food-and-nutrition-security-and-agriculture-The-InterAcademy-Partnerships-global-perspective> (дата обращения: 28.08.2019).
17. *Assessment Report on Land Degradation and Restoration* / L. Montanarella, R. Scholes, A. Brainich (eds.). Bonn, 2018. URL: <https://www.ipbes.net/assessment-reports/ldr> (дата обращения: 28.08.2019).
18. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. N. Y., 2015.
19. Silveira S., Khatiwada D., Leduc S. et al. Opportunities for bioenergy in the Baltic sea region // *Energy Procedia*. 2017. № 128. P. 157—164.
20. Braun J. von. Bioeconomy — Science and Technology Policy to Harmonize Biologization of Economies with Food Security / D. Sahn (ed.). *The Fight Against Hunger and Malnutrition*. Oxford, 2015. P. 240—262.
21. Börner J., K. Baylis E., Corbera D. et al. *Wunder The Effectiveness of Payments for Environmental Services* // *World Development*. 2017. № 96. P. 359—374.
22. Woods J., Williams A., Hughes J.K. et al. Energy and the food system // *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*. 2010. № 365 (1554). P. 2991—3006. doi: 10.1098/rstb.2010.0172.
23. Nigam P., Singh A. Production of Liquid Biofuels from Renewable Resources // *Progress in Energy and Combustion Science*. 2011. Vol. 37, № 1. P. 52—68.
24. Mirzabaev A., Guta D., Goedecke J. et al. Bioenergy, food security and poverty reduction: trade-offs and synergies along the water — energy — food security nexus // *Water International*. 2015. Vol. 40, № 5—6. P. 1—19.
25. Hertel W. T., Beckman J. Commodity Price Volatility in the Biofuel Era: An Examination of the Linkage between Energy and Agricultural Markets // *GTAP Working Paper*. 2010. № 60.
26. Haile M. G., Wossen T., Tesfaye K., von Braun J. Impact of Climate Change, Weather Extremes, and Price Risk on Global Food Supply // *Economics of Disasters and Climate Change*. 2017. May. P. 1—17. doi: 10.1007/s41885-017-0005-2.
27. *Bioeconomy Policy (Part II): Synopsis and analyses of national strategies around the world*. Berlin, 2015.
28. *How sustainability is addressed in official bioeconomy strategies at international, national and regional levels*. Rome, 2016.
29. *Innovating for Sustainable Growth. A Bioeconomy for Europe*. Luxembourg, 2012.
30. Fedorov G. M., Mikhaylov A. S. Regional divergence dynamics in the Baltic region: Towards polarisation or equalization? // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91, № 4. P. 399—411. doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0127>.
31. Piotrowski S., Carus M., Essel R. Global Bioeconomy in the Conflict Between Biomass Supply and Demand // *Industrial Biotechnology*. 2015. Vol. 11, № 6.
32. Wesseler J., von Braun J. Measuring the Bioeconomy: Economics and Policies // *Annual Review of Resource Economics*. 2017. № 9. P. 275—298. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-100516-053701>.
33. *Bioeconomy Policy (Part I): Synopsis and analyses of strategies in the G7*. Berlin, 2014.
34. Bentsen N., Felby L., Thorsen B. Agricultural Residue Production and Potentials for Energy and Materials Services // *Progress in Energy and Combustion Science*. 2014. № 40. P. 59—73.
35. El-Chichakli B., von Braun J., Lang C. et al. Policy: Five cornerstones of a global bioeconomy // *Nature*. 2016. № 535. P. 221—223.
36. Smeets E., Vinyes Pinto C., Tabeau A. et al. Evaluating the macroeconomic impacts of bio-based applications in the EU. Publications Office of the European Union, 2014.
37. Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. № 4 (16). P. 386—405.
38. Schmalensee R. Inter-Industry Studies of Structure and Performance / R. Schmalensee, R. Willig (eds.) *Handbook of Industrial Organization*. Amsterdam, 1989. Vol. 2. P. 951—1009.
39. *The paper industry and climate change: Roll on the green revolution* // *The Economist*. 2013. November. URL: <https://www.economist.com/business/2013/11/30/roll-on-the-green-revolution> (дата обращения: 28.08.2019).

40. *Bioeconomy Policy (Part III): Update Report of National Strategies around the World*. Berlin, 2018.

41. Hayami Y., Ruttan V.W. et al. Factor Prices and Technical Change in Agricultural Development: The United States and Japan, 1880—1860 // *Journal of Political Economy*. 1970. Vol. 78, № 5. P. 1115—1141.

42. Hekkert M.P., Suurs R.A.A., Negro S.O. et al. Functions of innovation systems: A new approach for analysing technological change // *Technological Forecasting and Social Change*. 2007. Vol. 74, № 4. P. 413—432.

Об авторах

Йоахим фон Браун, профессор, Центр по исследованию развития (ZEF), Боннский университет, Германия.

E-mail: jvonbraun@uni-bonn.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6571-4838>

Алишер Мирзабаев, Центр по исследованию развития (ZEF), Боннский университет, Германия.

E-mail: almir@uni-bonn.de

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5223-7160>

THE DEVELOPMENT OF BIOECONOMY OF THE BALTIC REGION IN THE CONTEXT OF REGIONAL AND GLOBAL CLIMATE CHANGE

J. von Braun
A. Mirzaev

University of Bonn
3 Genscherallee, Bonn, Germany, 53113

Received 17 September 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-2
© von Braun J., Mirzaev A., 2019

Climate change is projected to have a profound effect on natural ecosystems, biodiversity, and societies both in the Baltic region and globally, particularly so through agriculture and food systems. The Baltic region has a vast potential for the development of bioeconomy due to the existing opportunities for biomass production and advances in microbiology leading to process- and product innovations in biomass production and utilization. The development of sustainable bioeconomy in the Baltic region, however, requires a flexible and timely adaptation to climate change. Based on an overview of the relevant state-of-the-art literature, the article explores the implications of the development of bioeconomy for the adaptation to and the mitigation of climate change in the Baltic region. The paper elaborates on actions that may facilitate the sustainability of bioeconomy in the region. It concludes that scientific collaboration across borders in the Baltic region can accelerate innovations to successfully adapt bioeconomy to climate change. Sustainable development of bioeconomy can provide considerable opportunities for mitigating consequences of climate change.

Keywords:

climate change, adaptation, mitigation, bioeconomy, geography, Baltic region, sustainable development

---

To cite this article: von Braun, J., Mirzaev, A., 2019, The development of bioeconomy of the Baltic Region in the context of regional and global climate change, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no 4, p. 20—35. doi: 10.5922/2078-8555-2019-4-2.

References

1. IPCC, 2019, IPCC Special Report on Climate Change, Desertification, Land Degradation, Sustainable Land Management, Food Security, and Greenhouse gas fluxes in Terrestrial Ecosystems. Summary for Policy Makers, available at: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2019/08/Edited-SPM_Approved_Microsite_FINAL.pdf (accessed 28.08.2019).
2. Field, C.B., Barros, V.R., Dokken, D.J., Mach, K.J., Mastrandrea, M.D. (eds.) 2014, *Climate Change 2014 Impacts, Adaptation, and Vulnerability*, Cambridge, Cambridge University Press. Doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107415379>.
3. IPCC, 2018, Global Warming of 1.5 °C: an IPCC special report on the impacts of global warming of 1.5 °C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty, available at: <https://www.ipcc.ch/sr15/download/> (accessed 28.08.2019).
4. Aleksandrov, S.V., Zhigalova, N.N., Zezera, A.S. 2009, Long-term dynamics of zooplankton in the southeastern Baltic Sea, *Russian Journal of Marine Biology*, Vol. 35, no. 4, p. 296–304.
5. Belkin, I.M. 2009, Rapid warming of large marine ecosystems, *Progress in Oceanography*, no. 81, p. 207–213.
6. Philippart, C.J.M., Anadon, R., Danovaro, R., Dipper, J.W., Drinkwater, K.F., Hawkins, S.J., Oguz, T., O'Sullivan, G., Reid, P.C. 2011, Impacts of climate change on European marine ecosystems: observations, expectations and indicators, *Journal of Experimental Marine Biology and Ecology*, no. 400, p. 52–69.
7. Baker-Austin, C., Trinanes, J.A., Taylor, N.G.H., Hartnell, R., Siitonen, A., Martinez-Urtaza, J. 2013, Emerging *Vibrio* risk at high latitudes in response to oceanwarming, *Nature Climate Change*, Vol. 3, no. 1, p. 73–77.
8. Fonselius, S. Valderrama, J. 2003, One hundred years of hydrographic measurements in the Baltic Sea, *Journal of Sea Research*, Vol. 49, no. 4, p. 229–241.
9. Möllmann, C., Kornilovs, G., Fetter, M., Köster, F.W., Hinrichsen H.H. 2003, The marine copepod, *Pseudocalanus elongatus*, as a mediator between climate variability and fisheries in the Central Baltic Sea, *Fisheries Oceanography*, Vol. 12, no. 4–5, p. 360–368.
10. Henriksen, P. 2009, Long-term changes in phytoplankton in the Kattegat, the Belt Sea, the Sound and the western Baltic Sea. *Journal of Sea Research*, Vol. 61, no. 1–2, p. 114–125.
11. MacKenzie, B.R., Meier, H.E.M., Lindegren, M., Neuenfeldt, S., Eero, M., Blenckner, T., Tomczak, M.T., Niiranen, S. 2012, Impact of climate change on fish population dynamics in the Baltic Sea: a dynamical downscaling investigation, *AMBIO: A Journal of the Human Environment*, Vol. 41, no. 6, p. 626–636.
12. von Braun, J., Mirzabaev, A. 2016, Land Use Change and Economics of Land Degradation in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 33–44. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-3>.
13. Fedorov, G.M. 2014, Border Position as a Factor of Strategic and Territorial Planning in Russian Regions in the Baltic, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 58–67. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-3-5>.
14. Andersen, M.S. 2006, An Introductory note on the environmental economics of the circular economy, *Sustainability Science*, Vol. 2, no. 1, p. 133–140. Doi: <https://doi.org/10.1007/s11625-006-0013-6>.
15. Pearce, David William, Anil Markandya, Edward Barbier. 1989. *Blueprint for a Green Economy*. Earthscan Publ. London
16. IAP, 2018, Opportunities for future research and innovation on food and nutrition security and agriculture The InterAcademy Partnership's global perspective, available at: <https://www.interacademies.org/48898/Opportunities-for-future-research-and-innovation-on-food-and-nutrition-security-and-agriculture-The-InterAcademy-Partnerships-global-perspective> (accessed 28.08.2019).
17. Montanarella, L., Scholes, R., Brainich, A. (eds.) 2018, *Assessment Report on Land Degradation and Restoration*, IPBES, Bonn, available at: <https://www.ipbes.net/assessment-reports/ldr> (accessed 28.08.2019).
18. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*, 2015, New York.

19. Silveira, S., Khatiwada, D., Leduc, S., Kraxner, F., Venkata, B.K., Tilvikine, V. et al. 2017, Opportunities for bioenergy in the Baltic sea region, *Energy Procedia*, no. 128, p. 157–164.
20. von Braun, J. 2015, Bioeconomy — Science and Technology Policy to Harmonize Biologization of Economies with Food Security. In Sahn, D. (ed.) *The Fight Against Hunger and Malnutrition*, Oxford, Oxford University Press, p. 240–262.
21. Börner, J., Baylis, K., Corbera, E., Ezzine-de-Blas, D., Honey-Rosés, J., Persson, U.M., Wunder, S. 2017, The Effectiveness of Payments for Environmental Services, *World Development*, no. 96, p. 359–374.
22. Woods, J., Williams, A., Hughes, J.K., Black, M., Murphy, R. 2010, Energy and the food system, *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, no. 365 (1554), p. 2991–3006. Doi: <https://doi.org/10.1098/rstb.2010.0172>.
23. Nigam, P., Singh, A. 2011, Production of Liquid Biofuels from Renewable Resources, *Progress in Energy and Combustion Science*, Vol. 37, no. 1, p. 52–68.
24. Mirzabaev, A., Guta, D., Goedecke, J., Gaur, V., Börner, J., Virchow, D., Denich, M., von Braun, J. 2015, Bioenergy, food security and poverty reduction: trade-offs and synergies along the water — energy — food security nexus, *Water International*, Vol. 40, no. 5–6, p. 1–19.
25. Hertel, W.T., Beckman, J. 2010, Commodity Price Volatility in the Biofuel Era: An Examination of the Linkage between Energy and Agricultural Markets, *GTAP Working Paper*, no. 60, Global Trade Analysis Project, Purdue University, West Lafayette, IN.
26. Haile, M.G., Wossen, T., Tesfaye, K., von Braun, J. 2017, Impact of Climate Change, Weather Extremes, and Price Risk on Global Food Supply, *Economics of Disasters and Climate Change*, May 2017, p. 1–17. Doi: <https://doi.org/10.1007/s41885-017-0005-2>.
27. German Bioeconomy Council, 2015, *Bioeconomy Policy (Part II): Synopsis and analyses of national strategies around the world*, Berlin, Office of the Bioeconomy Council.
28. FAO, 2016, *How sustainability is addressed in official bioeconomy strategies at international, national and regional levels*, Rome, FAO.
29. European Commission, 2012, *Innovating for Sustainable Growth. A Bioeconomy for Europe*, Luxembourg, Publications Office of the European Union.
30. Fedorov, G.M., Mikhaylov, A.S. 2018, Regional divergence dynamics in the Baltic region: Towards polarisation or equalization? *Geographia Polonica*, Vol. 91, no. 4, p. 399–411. Doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0127>.
31. Piotrowski, S., Carus, M., Essel, R. 2015, Global Bioeconomy in the Conflict Between Biomass Supply and Demand, *Industrial Biotechnology*, Vol. 11, no. 6, December 2015.
32. Wesseler, J., von Braun, J. 2017, Measuring the Bioeconomy: Economics and Policies, *Annual Review of Resource Economics*, no. 9, October 2017, p. 275–298. Doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-100516-053701>.
33. German Bioeconomy Council, 2014, *Bioeconomy Policy (Part I): Synopsis and analyses of strategies in the G7*, Berlin, Office of the Bioeconomy Council.
34. Bentsen, N., Felby, L., Thorsen, B. 2014, Agricultural Residue Production and Potentials for Energy and Materials Services, *Progress in Energy and Combustion Science*, no. 40, February, p. 59–73.
35. El-Chichakli, B., von Braun, J., Lang, C., Barben, D., Philp, J. 2016, Policy: Five cornerstones of a global bioeconomy, *Nature*, no. 535, p. 221–223.
36. Smeets, E., Vinyes Pinto, C., Tabeau, A., Van Meijl, H., Corjan, B., Prins, A.G. 2014, *Evaluating the macroeconomic impacts of bio-based applications in the EU*, Publications Office of the European Union.
37. Coase, R.H. 1937, The Nature of the Firm, *Economica*, no. 4 (16), p. 386–405
38. Schmalensee, R. 1989, Inter-Industry Studies of Structure and Performance. In: Schmalensee, R., Willig, R. (eds.) *Handbook of Industrial Organization*, Vol. 2, p. 951–1009, Amsterdam, Elsevier.
39. The paper industry and climate change: Roll on the green revolution, 2013, *The Economist*, 30 November, available at: <https://www.economist.com/business/2013/11/30/roll-on-the-green-revolution> (accessed 28.08.2019).
40. German Bioeconomy Council, 2018, Bioeconomy Policy (Part III): Update Report of National Strategies around the World, available at: https://bioekonomierat.de/fileadmin/Publikationen/berichte/GBS_2018_Bioeconomy-Strategies-around-the_World_Part-III.pdf.

41. Hayami, Y., Ruttan, V.W. 1970, Factor Prices and Technical Change in Agricultural Development: The United States and Japan, 1880—1860, *Journal of Political Economy*, Vol. 78, no. 5, p. 1115—1141.

42. Hekkert, M.P., Suurs, R.A.A., Negro, S.O., Kuhlmann, S., Smits, R.E.H.M. 200, Functions of innovation systems: A new approach for analysing technological change, *Technological Forecasting and Social Change*, Vol.74, no. 4, May 2007, p. 413—432.

The author

Prof. Joachim von Braun, University of Bonn, Germany.

E-mail: jvonbraun@uni-bonn.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6571-4838>

Alisher Mirzabaev, University of Bonn, Germany.

E-mail: almir@uni-bonn.de

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5223-7160>

ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

А. А. Анохин
К. Д. Шелест
М. А. Тихонова

Санкт-Петербургский государственный университет,
19903, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 21.11.2018 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-3

© Анохин А. А., Шелест К. Д.,
Тихонова М. А., 2019

Северо-Западный федеральный округ представляет собой макрорегион России и уникальный пример модельной территории, занимающей почти 10 % территории России, на которой проживает 9,5 % ее населения. Целью данного исследования является выявление закономерностей распределения городских поселений по территории региона и определение тенденций устойчивости их социально-экономического развития, а также оценка состояния городов разной людности. Динамика численности населения выступает одним из важных индикаторов конкурентоспособности городов. Рост городов свидетельствует, как правило, о благоприятной экономической обстановке и инвестиционном климате, наличии свободных рабочих мест и более высокой оплате труда. Проведенный в статье анализ выявил существенные различия в динамике численности населения городов СЗФО в 2002—2017 годах. Они обусловлены территориальной неоднородностью социально-экономического развития, резко возросшей в условиях открытого рынка и процессов глобализации. Раскрыты причины и особенности разных темпов роста городов в зависимости от административного статуса, местоположения и специализации хозяйства. Главным индикатором устойчивости развития городов, по мнению авторов, является миграционное поведение населения и их геоэкономическое положение.

Ключевые слова:

города, городское население, Северо-Западный федеральный округ, классификации городов, людность, устойчивость города

Введение

При изучении характера расселения городского населения и динамики его численности за последние десятилетия необходимо учитывать территориальную неоднородность социально-экономических и демографических процессов, происходя-

Для цитирования: Анохин А. А., Шелест К. Д., Тихонова М. А. Тенденции динамики численности населения и устойчивости социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 36–57. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-3.

щих в Российской Федерации. Для анализа на уровне макрорегионов целесообразно использовать геодемографическую типологию и схемы экономического районирования, разработанные еще в советский период [1, с. 32—34; 2—4, С. 92—98]. С момента их разработки для решения задач территориального планирования прошло уже более 30 лет, в течение которых население и экономика России претерпели существенные изменения.

В настоящее время обоснованность выделения макрорегионов (экономических районов), перечень которых приведен в Общероссийском классификаторе экономических регионов¹ в прежних границах, вызывает много критических замечаний, но иных общепринятых и обоснованных вариантов районирования территории Российской Федерации предложено не было. Официально утвержденное в 2000 г. деление территории страны на семь федеральных округов (Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный) было проведено достаточно условно. Однако для данного исследования в качестве объекта было целесообразно взять именно Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) как единый макрорегион, занимающей почти 10 % территории России, на которой проживает около 9,5 % ее населения, и представляющий удачный пример модельной территории.

Современное состояние геодемографической обстановки в городах России, включая субъекты Федерации Северо-Западного федерального округа, вопросы поляризации развития субъектов Федерации были подробно изучены и рассмотрены в публикациях А. А. Анохина, Г. М. Федорова, Д. В. Житина, В. М. Разумовского, С. С. Лачининского, А. Г. Дружинина [5—10]. В данных работах были исследованы современные тенденции динамики численности населения городов России, городов Ленинградской области, приморских городов на Балтике, вопросы поляризации системы расселения и другие аспекты, связанные с демографическими процессами, происходящими в регионах России.

Тенденции геодемографического развития в Балтийском регионе на национальном и региональном уровнях были подробно описаны в работах Т. Ю. Кузнецовой [11; 12]. В них были проанализированы компоненты, определяющие динамику численности населения в различных административно-территориальных единицах, выделены факторы, оказывающие существенное влияние на демографические процессы. Эволюция системы городских поселений и динамика природных и социально-экономических процессов в Российской Арктике рассмотрена в исследовании В. Л. Бабурина и С. П. Земцова [13].

В докладе ООН о перспективах урбанизации в странах мира² отмечено, что проблема оттока населения из крупных, средних и малых городов и роста численности крупнейших городов характерна для большинства стран мира, но особенно актуальна для стран Восточной Европы и стран с низким уровнем доходов, имеющих существенные различия в условиях и уровне жизни населения. Зарубежные исследователи подчеркивают, что основной путь развития городов и сельских насе-

¹ *Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024—95. Утвержден Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640 (ред. от 13.02.2018). Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *World Urbanization Prospects: The 2018 Revision // Population Division of the UN Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (дата обращения: 12.09.2018).*

ленных пунктов — соблюдение принципов устойчивого развития в экономической, социальной сферах и развитии окружающей среды [14; 15]. Разработке показателей оценки устойчивости развития городов посвящено большое количество зарубежных³ и российских исследований [16].

В настоящее время во многих городах мира «устойчивое развитие является доминирующей парадигмой городского развития и является фактором роста конкурентоспособности», в то время как в России «происходит переход от стохастического к стратегическому внедрению подхода устойчивого развития с сохранением формально-имитационных моментов» [17, с. 95].

Шведские исследователи подробно изучали возможности внедрения международных рекомендаций «Повестки дня ООН — Хабитат» в городах Швеции и России в плане разработки и применения индикаторов устойчивого развития в городах с различной численностью населения, учитывая интересы и действия жителей в процессах общественного участия и городского развития [18].

Определенный интерес представляют исследования китайских ученых, посвященные увеличению числа населения в крупнейших городах Китая и возможностям для их устойчивого развития. Быстрый рост и глобализация внутренней экономики резко ускорили урбанизацию в Китае, что привело к значительным экологическим последствиям и вызовам для устойчивого развития. Используя многоступенчатую модель, учитывающую распределительные аспекты возраста, пола, образования и миграции в сельских и городских районах, в работе дается оценка развития процесса урбанизации в Китае до 2030 года и рассматриваются основные вопросы устойчивости городов. Результаты показывают, что по ряду предположений городское население Китая с 2000 по 2030 год почти удвоится; рабочая сила составит большую долю от общей численности населения в городских районах, чем в сельских из-за внутренней миграции молодых работников, особенно в Пекине и Шанхае, что может оказать давление на промышленный структурный переход Китая от сельскохозяйственной экономики к экономике услуг [19].

В Балтийском регионе также наблюдается тенденция роста численности крупнейших городов и сокращение в небольших и малых городах. Рост крупных городов в Прибалтике в основном анализируется в контексте развития городов на постсоветском пространстве в Центральной и Восточной Европе. В последнее время местные исследователи из прибалтийских государств, в основном городские географы и городские планировщики, также проявили интерес к этой теме [20; 21]. Обычно акцент делается на столичных городах и пристольных регионах, которые испытывают серьезные преобразования: Вильнюс, Рига и Таллин. Исследования о современном развитии городов Прибалтики позволяют вести дальнейшие дискуссии о разрастании крупных городов в трех прибалтийских государствах, посвященные выявлению конкретных причин и последствий этого явления с позиции устойчивого развития городских поселений.

Несмотря на большое количество проведенных исследований и выявленные негативные факторы динамики геодемографической обстановки в субъектах Федерации Северо-Западного федерального округа, реализуемые государственные программы на федеральном и региональном уровнях, ситуация в большинстве городов

³ *Indicators for Sustainable Cities*. European Union. 2018. URL: ec.europa.eu/environment/integration/research/newsalert/pdf/indicators_for_sustainable_cities_IR12_en.pdf/ (дата обращения: 24.08.2018).

не меняется: многие города и субъекты Федерации продолжают терять население. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения динамики населения городов России, факторов их развития и ключевых направлений повышения устойчивости.

Цель статьи — выявить закономерности распределения городских поселений по территории региона и определить тенденции устойчивости их социально-экономического развития, а также оценить состояние городов разной людности.

Методы и информационная основа исследования

Для анализа эволюции городских поселений Северо-Запада России был применен метод пространственно-временного анализа процесса возникновения и развития системы городов, а также использованы методы сравнительного, статистического анализа и систематизации. Исследование динамики урбанизации позволило выделить несколько этапов и определить наиболее значимые тенденции урбанизационного процесса, повлиявшие на изменение территориального распределения городов Северо-Запада России. Для определения роли миграции населения в обеспечении устойчивости развития регионов Северо-Запада России был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Информационную основу проведенного исследования составили данные Федеральной службы статистики, ее территориальных подразделений по субъектам Федерации Северо-Западного федерального округа, а также материалы рейтингового агентства SGM, рассчитывающего рейтинг устойчивого развития городов РФ⁴.

Статистические материалы для данного исследования представлены преимущественно в абсолютных показателях, что позволило показать значимость динамики роста населения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также выявить демографические предпосылки для устойчивости развития городов.

Тенденции динамики численности населения городов СЗФО

В настоящее время (на 2019 год) в Северо-Западном федеральном округе официально насчитывается 147 городов, из них:

- 1 город с населением более 1 млн чел.;
- 6 крупных (население от 250 тыс. до 500 тыс. жителей);
- 3 больших (население от 100 тыс. до 250 тыс. жителей);
- 13 средних (население от 50 тыс. до 100 тыс. жителей);
- 124 малых (население менее 50 тыс. жителей)⁵.

В таблице 1 представлено распределение городов по регионам СЗФО и изменение численности и доли городского населения к общей численности населения СЗФО в 2002—2017 годах⁶.

⁴ Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2016 год. Рейтинговое агентство SGM. URL: www.agencysgm.com/projects/sostavlenie-reytinga-gorodov-rossii-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya/ (дата обращения: 12.09.2018)

⁵ Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам : стат. сб. / Росстат. — М.: 2018.

⁶ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года : стат. сб. / Росстат. М., 2018. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 21.10.2018).

Таблица 1

Распределение городов по регионам СЗФО и изменение численности городского населения в общей численности населения СЗФО в 2002 — 2017 годах

Регион СЗФО	Количество городов в 2017 году	Численность населения в 2002 году, тыс. чел.	Численность населения в 2017 году, тыс. чел.	Изменение численности населения в 2002 — 2017 годах, тыс. чел.	Численность городского населения в 2002 году, тыс. чел.	Численность городского населения в 2017 году, тыс. чел.	Изменение численности городского населения в 2002—2017 годах, тыс. чел.	Изменение численности городского населения в 2017 году к 2002 году, %	Доля городского населения в общей численности населения в 2002 году, %	Доля городского населения в общей численности населения в 2017 году	Изменение доли городского населения в общей численности населения в 2002 — 2017 годах
Республика Карелия	13	717	627	-90	538	503	-35	-6,5	75,0	80,2	5,2
Республика Коми	10	1019	850	-169	767	663	-104	-13,6	75,3	78	2,7
Архангельская область	13	1295	1122	-173	973	875	-98	-10,1	75,1	78	2,9
Ненецкий АО	1	41	44	3	26	32	6	23,1	63,4	72,4	9,0
Вологодская область	15	1270	1184	-86	877	854	-23	-2,6	69,1	72,2	3,1
Калининградская область	22	955	986	31	742	767	25	3,4	77,7	77,8	0,1
Ленинградская область	32	1671	1792	121	1110	1148	38	3,4	66,4	64	-2,4
Мурманская область	16	893	757	-136	824	700	-124	-15,0	92,3	92,4	0,1
Новгородская область	10	695	613	-82	485	434	-51	-10,5	69,8	70,8	1,0
Псковская область	14	761	642	-119	503	454	-49	-9,7	66,1	70,7	4,6
Санкт-Петербург	1	4669	5282	613	4669	5282	613	13,1	100	100	0,0
<i>Всего</i>	147	13986	13899	-87	11514	11712	198	1,7	82,3	84,3	2,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (2002 — 2018).

Как следует из данных таблицы 1, по количеству городов лидирующие позиции занимают Ленинградская (32) и Калининградская (22) области. Это объясняется историко-географическими причинами, давностью освоения территории, а также влиянием Санкт-Петербурга на территориальное развитие и рост численности городов в Ленинградской области и особым приграничным положением Калининградской области как эксклава Российской Федерации. Особенность структуры городского расселения Северо-Западного федерального округа — наличие города федерального значения, являющегося субъектом РФ, — Санкт-Петербурга, а также то, что в Ненецком автономном округе находится один город. Самая низкая доля городского населения к общей численности населения наблюдается в Ленинградской области (64 %), что объясняется близостью к Санкт-Петербургу.

С 2002 по 2017 год численность населения субъектов Федерации СЗФО, за исключением Ненецкого АО, Калининградской, Ленинградской областей и Санкт-Петербурга, уменьшилась. Аналогичная динамика наблюдалась и по численности городского населения (рис. 1).

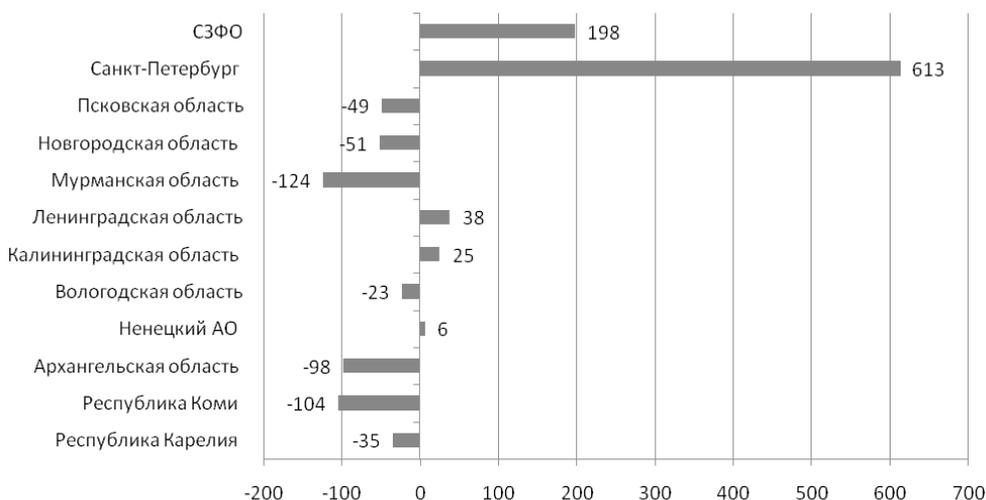

Рис. 1. Изменения численности городского населения в субъектах Федерации СЗФО в 2002—2017 годах, тыс. чел.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата (2002—2018).

Наибольшие масштабы потери городского населения наблюдались в субъектах Федерации, расположенных в северных районах (более 10 % в 2002—2017 годах), а также в Новгородской и Псковской областях.

В рамках данного исследования были проанализированы данные по людности городов СЗФО на 2017 год и составлена их классификация, представленная в таблице 2. Более детально были рассмотрены наиболее многочисленные города с численностью населения менее 50 тыс. чел. Они были разделены на три отдельные подгруппы (небольшие, малые и маленькие). Большие и крупные города представлены единичными промышленными и административными центрами субъектов РФ, они являются опорными узлами системы расселения Северо-Запада.

Таблица 2

Классификация городов СЗФО по численности населения (на 2017 год)

Субъект СЗФО	До 10 тыс. чел. (маленькие)	10—20 тыс. чел. (малые)	20—50 тыс. чел. (небольшие)	50—100 тыс. чел. (средние)	100—500 тыс. чел. (большие)	250—500 тыс. чел. (крупные)
Ленинградская область	<i>Всего — 5</i> Новая Ладога Высоцк Каменногорск Приморск Любань	<i>Всего — 9</i> Ивангород Бокситогорск Волосово Сясьстрой Светогорск Шлиссельбург Лодейное поле Подпорожье Приозерск Кудрово	<i>Всего — 10</i> Пикалево Волхов Коммунар Кингисепп Кировск Отрадное Луга Сланцы Тосно Никольское	<i>Всего — 7</i> Всеволожск Сертолово Выборг Гатчина Кириши Тихвин Сосновый Бор	—	—
Вологодская область	<i>Всего — 8</i> Белозерск Кадников Красавино Кириллов Никольск Тотьма Устюжина Харовск	<i>Всего — 3</i> Бабаево Вытегра Грязовец	<i>Всего — 2</i> Великий Устюг Сокол	—	—	<i>Всего — 2</i> Вологда Череповец
Новгородская область	<i>Всего — 2</i> Сольцы Холм	<i>Всего — 5</i> Окуловка Валдай Малая Вишера Пестово Чудово	<i>Всего — 1</i> Старая Русса	<i>Всего — 1</i> Боровичи	<i>Всего — 1</i> Великий Новгород	—
Псковская область	<i>Всего — 8</i> Гдов Дно Новоржев Новосокольники Порхов Пустошка Пыталово Себеж	<i>Всего — 3</i> Невель Опочка Печеры	<i>Всего — 1</i> Остров	<i>Всего — 1</i> Великие Луки	<i>Всего — 1</i> Псков	—
Калининградская область	<i>Всего — 10</i> Ладушкин Мамоново Озерск Краснознаменск Правдинск Славск Багратионовск Приморск Нестеров Полесск	<i>Всего — 6</i> Гвардейск Гурьевск Зеленоградск Пионерский Светлогорск Неман	<i>Всего — 5</i> Гусев Светлый Советск Балтийск Черняховск	—	—	<i>Всего — 1</i> Калининград

Окончание таблицы 2

Субъекты СЗФО	До 10 тыс. чел. (маленькие)	10—20 тыс. чел. (малые)	20—50 тыс. чел. (небольшие)	50—100 тыс. чел. (средние)	100—500 тыс. чел. (большие)	250—500 тыс. чел. (крупные)
Республика Карелия	<i>Всего — 4</i> Лахденпохья Олонец Пудож Суоярви	<i>Всего — 5</i> Кемь Медвежье-горск Сортавала Беломорск Питкяранта	<i>Всего — 3</i> Костомукша Кондопога Сегежа	—	—	<i>Всего — 1</i> Петрозаводск
Республика Коми	<i>Всего — 1</i> Микунь	<i>Всего — 2</i> Емва Вуктыл	<i>Всего — 4</i> Инта Усинск Печора Сосногорск	<i>Всего — 2</i> Воркута Ухта	<i>Всего — 1</i> Сыктывкар	—
Ненецкий АО	—	—	<i>Всего — 1</i> Нарьян-Мар	—	—	—
Архангельская область	<i>Всего — 3</i> Сольвычегодск Мезень Шенкурск	<i>Всего — 2</i> Онега Каргополь	<i>Всего — 5</i> Коряжма Мирный Новодвинск Вельск Няндомы	<i>Всего — 1</i> Котлас	<i>Всего — 1</i> Северодвинск	<i>Всего — 1</i> Архангельск
Мурманская область	<i>Всего — 3</i> Заозерск Островной Колас	<i>Всего — 6</i> Полярные Зори Ковдор Полярный Гаджиево Снежногорск Заполярный	<i>Всего — 4</i> Кировск Мончегорск Оленегорск Кандалакша	<i>Всего — 2</i> Апатиты Североморск	—	<i>Всего — 1</i> Мурманск
<i>Всего</i>	44	42	36	14	4	6

Источник: составлено на основе данных Росстата (2002—2018).

Изучение эволюции городских поселений Северо-Запада России основано на применении методики пространственно-временного анализа процесса возникновения и развития системы городов. Анализ динамики урбанизации Северо-Запада России позволил выделить два этапа. К середине XIX века возникла опорная сеть «исторических городов» — центров систем расселения доиндустриального периода в пределах Европейской части России. Начало периода индустриализации привело к возникновению классической тенденции освоения новых территорий с образованием городов преимущественно сырьевой специализации.

Значимыми тенденциями урбанизационного процесса, влияющими на изменение территориального распределения городов Северо-Запада России, являются следующие.

Санкт-Петербург доминирует как город федерального значения и центр макрорегиона во всех сферах социально-экономической деятельности (промышленность и сфера обслуживания, транспорт, инновации, финансово-кредитная и научно-культурная).

Важное место в системе расселения округа занимают центры республик и областей с населением свыше 100 тыс. чел. Самый крупный региональный центр — Калининград с численностью населения 459 тыс. чел. аккумулирует 50 % населения области. Одним из крупнейших и старейших опорных узлов на Севере является Архангельская агломерация, на которую приходится 25 % всего городского населения российской Арктики. Мурманск, второй по численности (14 %), в период экономической активности обошел Архангельск, но с началом кризиса 1990-х годов оказался лидером по потерям населения и производственного потенциала. Крупные города Вологодской области — два промышленных центра Вологда и Череповец — имеют численность населения более 300 тыс. чел. в каждом. Также необходимо выделить такие города, как Петрозаводск (277 тыс. чел.) и Сыктывкар (243 тыс. чел.), являющиеся центрами Республики Карелия и Республики Коми и имеющие важное региональное значение в СЗФО. Город Северодвинск отражает третий этап освоения российской Арктики и концентрирует около 8 % ее городского населения.

Далее следует группа городских поселений с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел. Крупнейшими здесь вновь являются города Европейского Севера, для которых характерен наибольший спад количества населения в постсоветский период. Это прежде всего моногорода с преобладающей горнодобывающей и металлургической специализацией (Воркута — уголь, Ухта — добыча нефти и газа, Апатиты — апатиты и нефелиновое сырье) [22].

Наиболее многочисленную группу городских поселений составляют города с населением от 10 до 20 тыс. чел. В этой группе оказываются исторические поселения Севера России, например Кемь, Анадьрь, Кола, Беломорск, а также поселения при крупных объектах промышленности (Полярные Зори — АЭС, Ковдор — добыча железной руды. В Мурманской области большинство из них являются закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАТО), т. е. имеющими органы местного самоуправления, с расположенными в них военными и иными объектами, для которых устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан. Примеры ЗАТО, принадлежащих Министерству обороны, — военно-морские базы подводных лодок ВМФ России в Мурманской области: г. Заозерск (10 тыс. чел.), ЗАТО Александровск, состоящий из трех городов — г. Гаджиево (12,9 тыс. чел.), г. Полярного (17,5 тыс. чел.), г. Снежногорска (12,7 тыс. чел.). Самый крупный ЗАТО в Мурманской области — г. Североморск (51,2 тыс. чел.), где располагается база надводных кораблей Северного флота. Самый маленький — г. Островной (1876 чел.), стремительно теряющий численность за последнее десятилетие. С 1996 года его население сократилось примерно в 8 раз. Здесь находится военно-морская база Северного флота Гремиха, и сейчас это один из самых маленьких городов России.

Еще меньшую численность имеют города, формально относящиеся к малым, но потерявшие более половины своего населения, с количеством жителей менее 10 тыс. чел. В основной массе это моноспециализированные поселения и районные центры, расположенные в сложных транспортно-географических условиях. Такие города составляют самую многочисленную группу на Северо-Западе России, больше всего их в Калининградской (10), Вологодской (8) и Псковской (8) областях. В большинстве своем это наиболее уязвимые города с точки зрения устойчивости их социально-экономического развития. Однако среди них есть динамично развивающиеся города с крупными портовыми комплексами, например Приморск и Высок в Ленинградской области.

С опорой на исследования факторов и условий экономической дифференциации городских поселений и выявлении степени их взаимосвязи с размещением производительных сил в исследовании [23] разработана структурно-функциональная типология городских и сельских населенных пунктов Северо-Западного экономического района. В данной работе были проанализированы городские поселения Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

Пространственная неоднородность регионов Северо-Запада России выражается в формировании обширной периферии с устойчивыми процессами стагнации населения и производства. В качестве внешнего фактора выступает г. Санкт-Петербург. Являясь крупнейшим социально-экономическим и научно-техническим центром Северо-Запада, он оказывает устойчивое влияние на развитие городов в пригородных районах Ленинградской области, которые формируют современные границы Санкт-Петербургской агломерации. Также г. Санкт-Петербург косвенно влияет на городские поселения Новгородской и Псковской областей в производственной сфере, так как представляет собой крупнейший рынок сбыта реализуемой продукции Северо-Запада.

К внутренним факторам, усиливающим поляризованное развитие регионов СЗФО, относятся слабодиверсифицированная отраслевая структура экономики Новгородской и Псковской областей, чрезмерная концентрация промышленного производства в областных центрах, низкое качество материально-технической и научно-технической баз и недостаточный уровень развития инженерной, социальной и транспортной инфраструктур на периферии, сосредоточение квалифицированных трудовых ресурсов в крупных городах и снижение доли экономически активного населения на периферийных территориях, монопрофильная структура экономики и слабые организационно-хозяйственные связи большинства районных центров Новгородской и Псковской областей.

С целью исследования факторов и условий экономической дифференциации городских поселений и выявления степени их взаимосвязи с размещением производительных сил была разработана структурно-функциональная типология городских поселений Ленинградской, Калининградской, Новгородской, Псковской областей, а также областных и республиканских центров СЗФО. Она представлена в таблице 3 вместе с показателями динамики численности населения за 2002—2017 годы.

Под влиянием мощного экономического ядра г. Санкт-Петербурга благополучные территории с высоким инвестиционно-промышленным потенциалом, развитой транспортной инфраструктурой и достаточными трудовыми ресурсами сформировались в пригородных районах Санкт-Петербургской агломерации, районах с развивающимся портовым хозяйством и близких к международным транспортным коридорам (Кингисепп, Приморск, Выборг, Высоцк), а также в старопромышленных районах (Кириши, Тихвин, Волхов).

Для Новгородской и Псковской областей характерна высокая концентрация промышленного производства в региональных центрах (Новгород, Псков, Великие Луки), а ключевыми «точками роста» второго порядка выступают многоотраслевые промышленные узлы (Боровичи, Старая Русса, Чудово) и города с развитой экономической специализацией (Малая Вишера, Пестово, Валдай, Окуловка, Остров, Невель, Порхов, Дно).

Таблица 3

**Структурно-функциональная типология городов СЗФО и динамика
численности населения за 2002—2017 годы**

Структурно-функциональный тип	Примеры городов	Численность населения, тыс. чел. (2002)	Численность населения, тыс. чел. (2017)	Изменение численности населения, %
Город федерального значения	Санкт-Петербург	4 661,2	5 281,6	+ 13,3
Центры регионов / субъектов РФ — многофункциональные промышленные узлы с развитой отраслевой специализацией	Архангельск	356,0	351,5	- 1,3
	Великий Новгород	216,8	222,6	+ 2,6
	Вологда	293,0	313,0	+ 6,8
	Калининград	430,0	467,3	+ 8,7
	Мурманск	336,1	298,1	- 11,3
	Нарьян-Мар	18,6	24,6	+ 32,5
	Псков	202,8	209,8	+ 3,5
Центры административных районов — многофункциональные промышленные узлы с индустриально-хозяйственными функциями	Петрозаводск	266,1	278,5	+ 4,6
	Сыктывкар	230,0	244,6	+ 6,3
	Гатчина	88,4	95,2	+ 7,6
	Выборг	79,2	78,4	- 0,9
	Всеволожск	45,3	70,3	+ 55,1
Центры административных районов — города с диверсифицированной структурой экономики с индустриально-хозяйственными функциями	Боровичи	57,7	50,9	- 11,9
	Кириши	55,6	51,9	- 6,6
	Тосно	38,7	37,9	- 2,1
	Старая Русса	35,5	29,0	- 18,3
	Черняховск	44,3	36,4	- 17,8
	Сосновый Бор	66,1	68,0	+ 2,9
	Тихвин	63,3	57,9	- 8,6
	Кингисепп	50,3	47,3	- 5,9
	Волхов	46,6	45,2	- 3,0
	Луга	40,4	35,8	- 11,5
Центры административных районов — города — локальные центры с экономическими и рекреационными функциями	Кировск	24,4	25,9	+ 6,6
	Чудово	17,4	14,7	- 15,5
	Балтийск	33,3	33,2	- 0,2
	Гусев	28,5	28,3	- 0,7
	Советск	43,2	36,4	- 17,8
	Пионерский	11,8	11,3	- 3,9
	Светлый	21,7	22,1	+ 1,8
	Сланцы	37,4	32,8	- 12,1
	Остров	25,1	20,6	- 18,0
	Лодейное поле	22,8	19,7	- 13,8
Центры административных районов — города — локальные центры с экономическими и рекреационными функциями	Приозерск	20,5	18,6	- 9,2
	Подпорожье	20,3	17,7	- 13,0
	Бокситогорск	18,1	15,4	- 15,0
	Пестово	16,0	15,5	- 3,3
	Валдай	18,7	14,4	- 23,1
	Невель	18,5	15,1	- 18,4
	Волосово	11,6	12,1	+ 4,2
	Малая Вишера	14,2	11,0	- 22,3
	Окуловка	14,5	10,5	- 27,6
	Порхов	12,3	8,9	- 27,2
	Дно	10,0	7,8	- 21,8
	Гвардейск	14,6	13,2	- 9,5
	Зеленоградск	12,5	15,5	+ 23,8
	Неман	12,7	10,9	- 14,0
Светлогорск	10,9	13,0	+ 19,0	

Окончание таблицы 3

Структурно-функциональный тип	Примеры городов	Численность населения, тыс. чел. (2002)	Численность населения, тыс. чел. (2017)	Изменение численности населения, %
Центры административных районов — города с доминирующей ролью обрабатывающей промышленности	Опочка	14,0	10,3	- 26,2
	Печоры	13,0	10,0	- 23,1
	Сольцы	11,2	9,0	- 20,1
	Гурьевск	10,9	16,3	+ 49,5
	Правдинск	4,5	4,2	- 6,9
Центры административных районов — монопрофильные города с административно-хозяйственными функциями	Новосокольники	9,7	7,4	- 24,4
	Себеж	7,1	5,4	- 23,6
	Гдов	5,2	3,5	- 31,5
	Новоржев	4,1	3,3	- 20,1
	Холм	4,3	3,4	- 20,3
	Пыталово	6,8	5,3	- 21,6
	Пустошка	5,5	4,0	- 25,9
	Багратионовск	7,2	6,4	- 11,2
	Краснознаменск	3,7	3,2	- 13,7
	Нестеров	5,0	4,0	- 19,0
	Озерск	5,8	4,1	- 29,2
Местные промышленные центры и монопрофильные города	Полесск	7,7	7,0	- 8,3
	Славск	5,1	4,1	- 19,8
	Сертолово	38,4	51,3	+ 33,5
	Отрадное	21,6	25,3	+ 17,5
	Пикалево	23,3	20,4	- 12,9
	Никольское	17,3	21,9	+ 26,5
	Коммунар	17,2	21,9	+ 28,0
	Светогорск	15,7	15,7	+ 0,1
	Сясьстрой	14,0	13,0	- 6,9
	Ивангород	11,2	10,5	- 5,9
	Новая Ладога	9,9	8,4	- 15,2
	Каменногорск	6,0	6,7	+ 10,0
	Шлиссельбург	12,4	14,7	+ 19,0
	Любань	4,6	4,6	- 0,1
	Приморск (Ленинградская область)	5,3	5,7	+ 7,6
	Высоцк	1,6	1,1	- 33,0
	Ладушкин	3,8	4,0	+ 5,5
Мамоново	7,4	8,0	+ 9,0	
Приморск (Калининградская область)	2,1	1,9	- 8,8	

Источник: рассчитано на основе данных Росстата (2002—2018).

В Новгородской области территориальная дифференциация экономического развития выглядит более рассредоточенной. К ключевым территориям, обладающим достаточным потенциалом для экономического роста и сбалансированного развития региона в целом, относятся областной центр Великий Новгород, а также промышленные узлы с развитым машиностроением (Старая Русса), деревообработкой (Чудово, Малая Вишера) и производством огнеупоров и строительных материалов (Боровичи). В Псковской области к благополучным территориям можно отнести многоотраслевые центры экономической активности — Псков, Великие Луки и Остров, специализирующиеся на выпуске продукции машиностроения.

В Калининградской области среди городов с численностью населения менее 50 тыс. чел. имеются административные центры, специализирующиеся на машиностроении, рыбоперерабатывающей и пищевой промышленности, судоремонте и выполняющие портовые функции (например, Балтийск, Светлый). Помимо промышленных функций ряд городов выполняет рекреационные функции, это города-курорты (Светлогорск, Зеленоградск).

Главным индикатором устойчивости развития городов СЗФО, по мнению авторов, является миграционное поведение населения и геоэкономическое развитие. Если проследить общие итоги миграции населения по субъектам СЗФО в 2016 и 2017 годах (табл. 4.), то можно отметить наличие существенного миграционного прироста в таких регионах, как Калининградская область (9,9 и 9,8 тыс. чел. соответственно), Ленинградская область (21,6 и 30,8 тыс. чел) и г. Санкт-Петербург (44,7 и 64,5 тыс. чел)⁷.

Таблица 4

Общие итоги миграции населения по субъектам СЗФО на 2016–2017 годы

Регион СЗФО	Миграционный прирост, чел.		В результате передвижений в пределах по России, чел.		В результате миграционного обмена населением с зарубежными странами, чел.	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Республика Карелия	-1008	-1916	-1247	-1584	239	-332
Республика Коми	-6932	-9470	-7618	-8977	686	-493
Архангельская область	-6266	-8045	-7245	-8410	979	365
Ненецкий АО	-320	-231	-393	-279	73	48
Вологодская область	-1742	-3660	-2373	-3432	631	-228
Калининградская область	9926	9839	3670	4635	6256	5204
Ленинградская область	21 659	30 859	17 536	23 463	4123	7396
Мурманская область	-4 343	-3 503	-5149	-4383	806	880
Новгородская область	362	-1 871	-1240	-1842	1602	-29
Псковская область	177	-548	-1162	-1375	1339	827
Санкт-Петербург	44 709	64 546	43 758	46 977	951	17 569
<i>Всего</i>	56 222	76 231	38 537	45 072	17 685	31 159

Источник: база данных Росстата (2016–2017).

⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году // База данных Росстата. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращения: 15.10.2018); Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году // База данных Росстата. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения: 17.08.2018).

Эти регионы лидируют по показателю передвижений из других регионов России, демонстрируя положительную динамику, в то время как остальные регионы теряют население за счет внутренних миграций. В 2016 году незначительную положительную динамику показали Новгородская и Псковская области. Положительное сальдо миграции достигалось в результате больших региональных миграционных квот обмена населением с зарубежными странами, в том числе за счет беженцев из Украины, которые получают вид на жительство и гражданство РФ, а затем переезжают в Санкт-Петербург. В 2017 году наблюдался отток населения из этих областей в другие регионы, сальдо миграции было отрицательным в обеих областях. Остальные регионы СЗФО в 2016—2017 годах имели значительный отток населения в другие регионы России, не сопоставимый с небольшим приростом за счет зарубежных мигрантов. Такая динамика хорошо объясняет ситуацию с изменением численности городского населения в городах СЗФО на региональном уровне.

Устойчивость социально-экономического развития городов СЗФО

Устойчивость социально-экономического развития современного города — это исключительно актуальная задача, которая должна решаться всеми его жителями и руководством, чтобы обеспечить высокое качество городской среды, жизни, равновесие города и природной среды. Устойчивое развитие города должно удовлетворять потребности и его жителей [24]. Сравнительно недавно, в конце XX века, началось движение городов мира к устойчивому развитию. В системе ООН созданы структуры, призванные помогать этому процессу (НАВИТАТ– Центр ООН по городским поселениям, UEF– Форум по городской среде, UNEP — Программа ООН по окружающей среде и др.) [25].

С разработкой и принятием программ устойчивого развития города связаны надежды на достижение длительного устойчивого развития городских поселений. Их отличие от любых известных программ состоит в том, что они построены на центральной идее обеспечения устойчивости, которой подчинены все другие вопросы. Это позволяет видеть в комплексе проблему обеспечения устойчивого развития и своевременно купировать негативные тенденции эволюции города.

Устойчивость городов требует минимизации потребления пространства и ресурсов, оптимизации городской формы для облегчения городских потоков, защиты как экосистемы, так и здоровья человека, обеспечения равного доступа к ресурсам и услугам и поддержания культурного и социального разнообразия и целостности городской среды. «Самое замечательное в городах то, что даже при городском разрастании они занимают всего лишь 3 % земной поверхности, но вмещают более половины мирового населения. Города имеют более низкие затраты “percapita” на обеспечение чистой водой, санитарией, электричеством, сбором отходов и телекоммуникациями, а также предлагают лучший доступ к образованию, рабочим местам, здравоохранению и социальным услугам» [26, с. 2].

Как правило, социально-экономические программы развития городов рассматривают социальные, экономические, производственные, энергетические, сельскохозяйственные, налоговые, транспортные и другие проблемы отдельно и в отрыве от экологических факторов. В мировой практике в наши дни получила широкое развитие разработка стратегий и программ устойчивого развития, одобренная и рекомендованная конференцией ООН «Рио-92» для правительств и народов всех стран. В Российской Федерации в 1995 году также была одобрена Концепция перехода России к устойчивому развитию. Стратегии и программы устойчивого развития — наиболее совершенные документы, в которых впервые объединена в единое целое вся политика в социальной, экономической, экологической и других сферах

общества. Правительства должны содействовать разработке законодательства по устойчивому развитию, основанному на разумных экономических, социальных и природоохранных принципах.

В 1994 году участниками Европейской конференции по проблеме устойчивого развития больших и малых городов (Ольборг, Дания) была принята Хартия устойчивого развития европейских городов. Аспектами устойчивости социально-экономического развития городов, изложенными в Хартии, являются:

- устойчивое развитие как творческий процесс поиска баланса, происходящий на уровне города;
- направленность городской экономики на устойчивое развитие;
- социальное равенство для устойчивого городского развития;
- планирование устойчивого землепользования;
- разумное планирование транспортной системы и передвижения по городу;
- местное самоуправление как необходимое предварительное условие перехода к устойчивости и др.

В 2015 году государствами — членами ООН была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года⁸, в которой обозначены 17 целей и 169 задач по обеспечению устойчивого развития. Цель № 11 направлена на обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов и предусматривает к 2020 году «значительно увеличить число городов и населенных пунктов, принявших и осуществляющих комплексные стратегии и планы, направленные на устранение социальных барьеров, повышение эффективности использования ресурсов»⁹.

Во многих правовых документах и докладах Европейской комиссии и международных программ ООН говорится о необходимости устойчивого городского развития и формирования «политики устойчивой урбанизации»¹⁰. Обеспечение устойчивого развития городских поселений требует активной, целенаправленной собственной политики городских властей, и она должна быть одновременно реалистичной и эффективной¹¹.

По мнению российских исследователей, «основные препятствия внедрения принципов устойчивого развития в российских городах: сложность восприятия темы устойчивого развития, недостаточность опыта и экспертизы и низкая квалификация кадров у муниципалитетов, краткосрочность горизонтов планирования» [28, с. 80].

На пути к устойчивому развитию городу необходимо сделать следующий стратегический выбор:

- 1) уход от промышленного производства и развитие креативных технологий;
- 2) диверсификация существующего промышленного кластера;
- 3) создание нового промышленного кластера, отвечающего современным требованиям экономики [29, с. 298].

Одна стратегия не исключает другой, но важно выбрать ключевую стратегию,

⁸ *The Sustainable Development Goals*. URL: www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 17.10.2018).

⁹ *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. URL: undocs.org/en/A/RES/70/1 (дата обращения: 14.10.2018).

¹⁰ *Sustainable urbanization policy brief: Proliferation of urban centres, their impact on the world's environment and the potential role of the GEF*. Report to the 5th GEF Assembly, México May 2014. URL: http://www.thegef.org/sites/default/files/publications/Sustainable-Urbanization-Policy-Brief_2.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

¹¹ *Promoting sustainable urban development in Europe: Achievements and opportunities* // European Commission, 2009. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/urban2009/urban2009_en.pdf (дата обращения: 14.10.2018).

опираясь на имеющиеся у города конкурентные преимущества. В 2018 году Министерство экономического развития РФ разработало новую систему оценки российских городов — индекс городского развития. Он должен стать унифицированным инструментом для определения проблем и приоритетов в развитии всех типов городов. Индекс нужен для стратегии пространственного развития, в нем крупнейшие города рассматриваются в качестве центров социально-экономического роста [30; 31].

Большое значение имеет также выбор индикаторов устойчивого развития, которые можно включать в стратегии и государственные программы развития субъектов Федерации, а также стратегии и программы муниципалитетов.

При обширной территории СЗФО и низкой по сравнению со странами Западной Европы плотности населения, а также несовершенстве транспортных путей города всегда были узловыми элементами связи между аграрными зонами и промышленными центрами, обеспечивающими развитие региональной экономики и сохранение культурно-исторического наследия. Чтобы сохранить эту роль городов в условиях открытой рыночной экономики и продолжающихся процессов глобализации, необходимо создавать комфортную привлекательную среду проживания в каждом городе независимо от того, к какой категории он относится. Основным индикатором привлекательности города является миграционное поведение населения. Простейший расчет взаимосвязи устойчивости развития регионального центра в соответствии с данными ежегодного рейтинга устойчивости городов РФ¹² и коэффициента миграционного прироста на 1000 чел. населения в субъекте Федерации¹³ на основе расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) указывает на наличие достаточно высокой зависимости между этими показателями ($r_s = 0,6$) (табл. 5).

Таблица 5

Место регионального центра субъекта Федерации по индексу устойчивого развития и коэффициента миграционного прироста на 1000 чел.

Регион СЗФО	Место регионального центра субъекта Федерации по индексу устойчивого развития в 2016 году	Коэффициенты миграционного прироста на 1000 чел. в 2016 году	Место субъекта Федерации по значению миграционного прироста на 1000 чел. в 2016 году
Калининградская область	1 (Калининград)	101	1
Вологодская область	2 (Вологда)	- 15	4
Новгородская область	3 (Великий Новгород)	6	2
Республика Коми	4 (Сыктывкар)	- 81	8
Мурманская область	5 (Мурманск)	- 57	7
Республика Карелия	6 (Петрозаводск)	- 16	5
Псковская область	7 (Псков)	3	3
Архангельская область	8 (Архангельск)	- 56	6

Источник: составлено по данным Росстата (2016—2017) и рейтингового агентства SGM (2017).

¹² *Рейтинг* устойчивого развития городов РФ за 2016 год // Рейтинговое агентство SGM, 2017. URL: www.agencysgm.com/projects/sostavlenie-reytinga-gorodov-rossii-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya/ (дата обращения: 12.09.2018).

¹³ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017* : стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Однако в рейтинге устойчивого развития городов, составляемом рейтинговым агентством SGM, проанализированы данные по городам с населением более 100 тыс. чел. Как следует из данных, приведенных в таблице 3, ситуация в этой категории городов СЗФО наиболее благополучная, основной отток населения наблюдается в средних и малых городах, именно они вносят наибольший вклад в отрицательные значения коэффициента миграционного прироста большинства субъектов Федерации СЗФО.

Заключение

Северо-Западный федеральный округ относится к числу высокоурбанизированных регионов страны, что обусловлено давностью освоения территории и возникновением здесь городов, прежде всего Санкт-Петербурга, эволюционирующего в крупную агломерацию и оказывающего разностороннее влияние на социально-экономическое развитие не только пригородной зоны, но и более отдаленных территорий. Тенденция повышения урбанизированности региона сохраняется и в настоящее время, но доля городского населения в общей численности растет незначительно. Вместе с тем сохраняются и, скорее всего, будут усиливаться различия в динамике численности населения как областей и республик, так и городских поселений. Теряют население северные районы (исключение составляет Ненецкий АО) и старопромышленные области (Новгородская и Псковская). Сокращается население в результате естественной убыли, особенно велико значение этого фактора в южных областях, где в составе населения велика доля старшего поколения, а также растет миграция трудоспособного населения в другие регионы. Увеличивается численность населения в Калининградской и Ленинградской областях. При этом в Ленинградской области сложилась своеобразная ситуация: доля городского населения не увеличилась, как в других регионах Северо-Запада, а сократилась с 2002 по 2017 год с 66,4 до 64%. Причина этого явления заключается в том, что привлекательными для мигрантов оказываются не только городские поселения, но и сельские населенные пункты, расположенные в субурбанизированной зоне Санкт-Петербурга. Похожая ситуация, но в более смягченной форме, сложилась в Калининградской области.

Особо следует выделить Санкт-Петербург, население которого за 2002—2017 годы увеличилось на 613 тыс. чел. После провальных 1990-х годов город смог не только восстановить прежнюю численность жителей, но и повысить ее. Важно отметить активизацию агломерационных связей города.

Среди центров регионов — субъектов РФ сокращение численности населения произошло только в Архангельске и Мурманске, которые находятся в Арктической зоне. Исключение составляет Нарьян-Мар, население которого возросло на 32,5%, что в реальности означает рост на 6,0 тыс. чел.

Существенные различия в динамике численности населения демонстрируют города, занимающие более низкий административный статус или не имеющие такового. Самую высокую динамику показали Всеволожск, Сертолово, Коммунар, Никольское, Отрадное и Шлиссельбург. Все они входят в состав Санкт-Петербургской агломерации. Темпы их роста колеблются от 17 до 55%. Аналогичную динамику показывают города Калининградской области: Гурьевск, Зеленоградск и Светлогорск. Остальные города, как следует из приведенного исследования, или имеют небольшой прирост населения, или отрицательную динамику. Второе явно преобладает.

Данные о динамике городского населения позволяют сделать следующие выводы: усиливается поляризация по направлению «юг — север», арктические территории теряют население, вместе с тем имеет место дальнейшая его концентрация

в пределах агломерации Санкт-Петербурга и на территории эксклава Калининградской области. Динамика численности населения четко фиксирует характер устойчивого развития городов Северо-Западного федерального округа.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-02-00069/17-ОГОН от 20.04.2017.

Список литературы

1. Анохин А. А. О региональном изучении демографической обстановки // Материалы V съезда ГО СССР. Л., 1970. С. 32—34.
2. Федоров Г. М. Геодемографическая обстановка. Л., 1984.
3. Федоров Г. М. Геодемографическая типология. Л., 1985.
4. Анохин А. А., Федоров Г. М. Различия социально-демографической обстановки в мезорайонах СССР // Вестник Ленинградского университета. Сер. 7. Геология, география. 1981. №2. С. 92—98.
5. Анохин А. А., Житин Д. В. География населения с основами демографии. М., 2017.
6. Анохин А. А., Житин Д. В., Краснов А. И., Лачининский С. С. Современные тенденции динамики численности населения городов России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География. 2014. №4. С. 167—179.
7. Житин Д. В., Шендрик А. В. Динамика численности населения городов Ленинградской области: влияние кризиса 2014—2016 гг. // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149, вып. 6. С. 24—43.
8. Федоров Г. М., Разумовский В. М., Кузнецова Т. Ю., Гуменюк Л. Г. Размещение и динамика численности населения приморских городов на Балтике // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 146, №6. С. 14—24.
9. Анохин А. А., Федоров Г. М. О соотношении процессов поляризации и выравнивания уровня социально-демографического развития субъектов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2017. Т. 62, вып. 4. С. 327—342.
10. Дружинин А. Г., Лачининский С. С., Краснов А. И., Сорокин И. С. Поляризация системы расселения в приморской зоне Ленинградской области в 1989—2015 годах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Естественные науки. №3 (191). 2016. С. 58—65.
11. Кузнецова Т. Ю. Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макрорегиона: проблемы и перспективы : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2009.
12. Kuznetsova T. Y. Population change in the neighbouring regions of Russia and the European Union countries // Baltic Region. 2018. Vol. 10, №3. P. 41—57. doi:10.5922/2079-8555-2018-3-3.
13. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Эволюция системы городских поселений и динамика природных и социально-экономических процессов в Российской Арктике // Региональные исследования. 2015. №4(50). С. 76—83.
14. Bridge G., Watson S. The New Blackwell Companion to the City. Wiley-Blackwell, 2011.
15. Berg P. G. Sustainability resources in Swedish townscape neighbourhoods: Results from the model project Håga by and comparisons with three common residential areas // Landscape and Urban Planning. 2004. Vol. 68, is. 1. P. 29—52.
16. Долгих Е. И., Антонов Е. В. Рейтинг устойчивого развития российских городов // Демоскоп Weekly. 2015. №631—632. URL: demoscope.ru/weekly/2015/0631/demoscope631.pdf (дата обращения: 15.10.2008).
17. Соловьёва И. А. Стратегирование крупных городов на основе модели устойчивого развития: мировые тенденции и российская специфика // Вопросы экономики и права. 2016. №4. С. 93—96.
18. Granvik M., Berg P. G., Berglund U. Implementation of the Habitat-agenda — Residents' interstandactions in citizen-participation processes — A comparison of residential areas in Sweden and Russia // European Journal of Spatial Development. 2008. Is. 29.

19. *Cao G. Y., Chen G., Pang L. H. et al.* Urbangrowth in China: past, prospect and its impact // *Population and Environment*. 2012. Vol. 33, is. 137. P. 137—160.
20. *Cirtautas M.* Urban Sprawl of Major Cities in the Baltic States // *Architecture and Urban Planning*. 2013. Vol. 7. P. 72—79.
21. *Tammaru T., Leetmaa K., Silm S., Ahas R.* Temporal and Spatial Dynamics of the New Residential Areas around Tallinn // *European Planning Studies*. 2009. Vol. 17, is. 3. P. 423—439.
22. *Бакланов П. Я., Мошков А. В.* Пространственная дифференциация структуры экономики регионов арктической зоны России // *Экономика региона*. 2015. № 1. С. 53—63.
23. *Соболев А. В.* Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района // *Балтийский регион*. 2015. № 1(23). С. 143—158.
24. *Шелест К. Д.* Формирование идеи устойчивых городских поселений в исторической перспективе // *Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований* : сб. матер. междунар. конф. СПб., 2015. С. 100—104.
25. *Тетиор А. Н.* Устойчивое развитие города. М., 1999.
26. *Wu J.* Urban sustainability: an inevitable goal of landscape research // *Landscape Ecology*. 2010. Vol. 25. P. 1—4.
27. *Spiekermann K., Wegener M.* Modelling urban sustainability // *Urban Science*. 2003. Vol. 7. P. 47—64.
28. *Бычков А.* Устойчивое развитие регионов и городов России // *Стратегия*. 2016. № 3 (24). С. 78—83.
29. *Никоноров С. М., Папенов К. В.* Стратегии устойчивого развития городов России // *Экономика устойчивого развития*. 2016. № 3 (27). С. 296—300.
30. *Богомолова И. В., Машенцова Л. С., Сазонов С. П.* Устойчивое развитие крупных городов с позиций оценки конкурентоспособности территории // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9. С. 2506—2510.
31. *Адамчук О.* Минэкономразвития предлагает оценить сильные и слабые стороны городов // *Ведомости*. 2018. 12 авг. URL: www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/08/13/777962-otsenit-storoni-gorodov (дата обращения: 18.10.2018).

Об авторах

Анатолий Александрович Анохин, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: a.anokhin@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4850-5388>

Ксения Дмитриевна Шелест, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: k.shelest@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0957-5615>

Марина Александровна Тихонова, аспирант кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

=====

TRENDS IN POPULATION CHANGE AND THE SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF CITIES IN NORTH-WEST RUSSIA

A. A. Anokhin

K. D. Shelest

M. A. Tikhonova

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

Received 21 November 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-3

© Anokhin A. A., Shelest K. D.,
Tikhonova M. A., 2019

The Northwestern Federal District is a Russian macro-region that is a unique example of a model region. It accounts for 10 % of the country's total area and 9.5 % of its population. This article aims to trace the patterns of city distribution across the region, to assess the conditions of differently populated cities and towns, and to identify sustainability trends in their socio-economic development. Population change is a reliable indicator of the competitiveness of a city. As a rule, a growing city performs well economically and has a favourable investment climate and high-paid jobs. The analysis revealed that population change occurred at different rates across the federal district in 2002–2017. A result of uneven socio-economic development, this irregularity became more serious as globalisation and open market advanced. The study links the causes and features of growth-related differences to the administrative status, location, and economic specialisation of northwestern cities. The migration behaviour of the population and the geo-economic position are shown to be the main indicators of the sustainable development of a city.

Keywords:

cities, urban population, Northwestern Federal District, city classification, population, city sustainability

References

1. Anokhin, A.A. 1970, About the regional study of the demographic situation, *Materials of V Congress of the GS of USSR*, Leningrad, p. 32–34 (in Russ.).
2. Fedorov, G.M. 1984, *Geodemograficheskaya obstanovka* [Geodemographic situation], Leningrad, (in Russ.).
3. Fedorov, G.M. 1985, *Geodemograficheskayatiptologiya* [Geodemographic typology], Leningrad, (in Russ.).
4. Anokhin, A.A., Fiodorov, G.M. 1981, Differences in the social-demographic situation in the mesoregions of the USSR, *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya, geografiya* [Bulletin of the Leningrad University. Series 7. Geology, geography], no. 12, p. 92–98 (in Russ.).
5. Anokhin, A.A., Zhitin, D.V. 2017, *Geografiya naseleniya s osnovami demografii* [Geography of the population with the basics of demography], Moscow, 279 p. (in Russ.).
6. Anokhin, A.A., Zhitin, D.V., Krasnov, A.I., Lachininskiy, S.S. 2014, Current trends in the population dynamics of Russian cities, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 7. Geology, geography], no. 4, p. 167–179 (in Russ.).

7. Gitin, D.V., Shendrik A.V., 2017, Dynamics of the population of the cities of the Leningrad region: the impact of the crisis of 2014—2016, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Russian Geographical Society], Vol. 149, no. 6, p. 24—43 (in Russ.).
8. Fedorov, G.M., Razumovsky, V.M., Kuznetsova, T.Y., Gumenyuk, L.G. 2017, Location and population dynamics of coastal cities in the Baltic, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Russian Geographical Society], Vol. 146, no. 6, p. 14—24 (in Russ.).
9. Anokhin, A.A., Fedorov, G.M. 2017, The correlation of the processes of polarization and alignment of the level of social and economic development in the subjects of Russian Federation, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Earth Sciences], Vol. 62, no. 4, p. 327—342 (in Russ.).
10. Druzhinin, A.G., Lachininskiy, S.S., Krasnov, A.I., Sorokin, I.S. 2016, Polarization of the settlement system in the seaside zone of the Leningrad Region in 1989—2015, *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Ser.: Estestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. North Caucasus region. Natural sciences], Vol. 191, no. 3, p. 58—65 (in Russ.).
11. Kuznetsova, T.Y. 2009, *Geodemograficheskaya obstanovka v stranah Baltijskogo makroregiona: problem i perspektivy* [Geodemographic situation in the Baltic macroregion countries: problems and prospects], Kaliningrad (in Russ.).
12. Kuznetsova, T.Y. 2018, Population change in the neighbouring regions of Russia and the European Union countries, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 41—57. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-3>.
13. Baburin, V.L., Zemtsov, S.P. 2015, Evolution of the system of urban settlements and the dynamics of natural and socio-economic processes in the Russian Arctic, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], Vol. 50, no. 4, p. 76—83 (in Russ.).
14. Bridge, G., Watson, S. 2011, *The New Blackwell Companion to the City*, Wiley-Blackwell.
15. Berg, P.G. 2004, Sustainability resources in Swedish townscape neighbourhoods Results from the model project Hågabý and comparisons with three common residential areas, *Landscape and Urban Planning*, Vol. 68, no. 1, p. 29—52. Doi: [https://doi.org/10.1016/S0169-2046\(03\)00117-8](https://doi.org/10.1016/S0169-2046(03)00117-8).
16. Dolgih, E.I., Erlich, V.A., Kuznetsova, P.O. 2018, Rating of sustainable development of cities in Russia, *Demoskop Weekly*, no. 765—766, available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0765/barom01.php> (accessed 12.09.2018).
17. Solovyova, I.A. 2016, Strategizing of large cities based on the model of sustainable development: global trends and Russian specifics, *Voprosy ekonomiki i prava* [Questions of economics and law], no. 4, p. 93—96 (in Russ.).
18. Granvik, M., Berg, P.G., Berglund, U. 2008, Implementation of the Habitat-agenda — Residents' interest and actions in citizen-participation processes — A comparison of residential areas in Sweden and Russia, *European Journal of Spatial Development*, no. 29.
19. Cao, G.Y., Chen, G., Pang, L.H. et al. 2012, Urban grow thin China: past, prospect and its impact, *Population and Environment*, Vol. 33, no. 137, p. 137—160.
20. Cirtautas, M. 2013, Urban Sprawl of Major Cities in the Baltic States, *Architecture and Urban Planning*, Vol. 7, p. 72—79.
21. Tammaru, T., Leetmaa, K., Silm, S., Ahas, R. 2009, Temporal and Spatial Dynamics of the New Residential Areas around Tallinn, *European Planning Studies*, Vol. 17, no. 3, p. 423—439.
22. Baklanov, P.Ya., Moshkov, A.V. 2015, Spatial differentiation of the structure of the economy of the regions of the Arctic zone of Russia, *Ekonomika regiona* [Economy of Region], no. 1, p. 53—63 (in Russ.).
23. Sobolev, A.V. 2015, Structural and Functional Characteristics of the Spatial Development of Rural and Urban Areas in the Northwestern Economic District, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 108—119. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-1-9> (in Russ.).

24. Shelest, K.D. 2015, Forming the idea of sustainable urban settlements in historical perspective. In: *IstoricheskayageografiyaRossii: retrospektiva I sovremennost' kompleksnyhregional'nyhissledovaniy* [The historical geography of Russia: a retrospective and the present of complex regional studies], Materials of the international conference, 18—21 May, St. Petersburg (in Russ.).
25. Tetior, A.N. 1999, *Ustojchivoe razvitie goroda* [Sustainable city development], Moscow (in Russ.).
26. Wu, J. 2010, Urban sustainability: an inevitable goal of landscape research, *Landscape Ecology*, Vol. 25, no. 1, p. 1—4. Doi: <https://doi.org/10.1007/s10980-009-9444-7>.
27. Spiekermann, K, Wegener, M. 2003, Modelling Urban Sustainability, *International Journal of Urban Sciences*, Vol. 7, no. 1, p. 47—64. Doi: <https://10.1080/12265934.2003.9693522>.
28. Bychkov, A. 2016, Sustainable development of regions and cities of Russia, *Strategiya* [Strategy], Vol. 24, no. 3, p. 78—83 (in Russ.).
29. Nikonorov, S.M., Papenov, K.V. 2016, Strategies for sustainable urban development in Russia, *Ekonomika ustojchivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development], Vol. 27, no. 3, p. 296—300 (in Russ.).
30. Bogomolova, I.V., Mashentsova, L.S., Sazonov, S.P. 2014, Sustainable development of large cities from the standpoint of assessing the competitiveness of the territory, *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research], no. 3, p. 2506—2510 (in Russ.).
31. Adamchuk, O. 2018, Ministry of Economic Development proposes to assess the strengths and weaknesses of cities, *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/08/13/777962-otsenit-storoni-gorodov> (accessed 18.10.2018) (in Russ.).

The authors

Prof. Anatoly A. Anokhin, Head of the Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: a.anokhin@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4850-5388>

Dr Ksenia D. Shelest, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: k.shelest@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0957-5615>

Marina A. Tikhonova, PhD student, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ЕС И РОССИИ

А. В. Кузнецов^{а, б}

О. В. Кузнецова^{в, г}

^а МГИМО МИД России,
119574, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

^б ИНИОН РАН,
117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

^в Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН, 117312,
Россия, Москва, просп. 60-летия Октября, 9

^г МГУ им. М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 04.10.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-4

© Кузнецов А.В., Кузнецова О.В., 2019

Статья посвящена анализу трансформации роли приграничных регионов в региональной политике европейских стран и России с начала 1990-х годов. Цель исследования — оценить качество российской федеральной политики поддержки приграничных регионов (ее проработанность, направленность на решение актуальных проблем и др.), в том числе в сравнении с европейскими странами. Основой для анализа стали публикации по опыту стран ЕС и ранее проведенные российские исследования, федеральные нормативно-правовые акты, статистика распределения по регионам инвестиций в основной капитал за счет средств федерального бюджета. Показано, что федеральная политика в отношении приграничных регионов во многом является отражением особенностей и проблем региональной политики в России в целом. В настоящее время поддержка приграничного сотрудничества связывается прежде всего с обеспечением национальной безопасности страны, а не с использованием его потенциала для обеспечения экономического роста; приграничное сотрудничество перестало рассматриваться как часть региональной политики. Вместе с тем приграничные регионы отличаются повышенной долей в федеральных инвестициях, имеющей в последние годы тенденцию к возрастанию, в том числе в связи с присоединением Крыма. Предлагается обеспечить координацию разных направлений федеральной социально-экономической политики в отношении приграничных регионов, усилить внимание к проработке вопросов внешнеэкономических связей приграничных регионов, в том числе в ходе реализации Стратегии пространственного развития РФ.

Ключевые слова:

приграничные регионы, приморские регионы, региональная политика, ЕС, Россия, еврорегионы, приграничное сотрудничество, Стратегия пространственного развития

Для цитирования: Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 58–75. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.

Введение. Постановка проблемы

Приграничные регионы России и зарубежных стран нередко становятся объектами научных публикаций, в том числе монографий [1—3], сборников статей [4; 5]. Основное внимание в таких работах уделяется влиянию приграничного положения на социально-экономическое развитие регионов (включая оценку контактной и барьерной функций границ) и вопросам приграничного сотрудничества. Кроме того, есть немалый пласт работ, в которых рассматриваются особенности и проблемы социально-экономического развития приграничных регионов, но не только в связи с их приграничностью, а в более широком контексте (например, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Калининградской области, Крыма).

Недостаточно разработанная, на наш взгляд, проблемой — оценка места приграничных регионов в региональной политике стран мира (одним из немногочисленных примеров работ, посвященных этой теме, является [6])¹. Поддержка приграничного сотрудничества со стороны национальных правительств может осуществляться не только в рамках региональной политики, но и, например, внешнеэкономической. В такой ситуации могут возникать проблемы несоординированности разных направлений госрегулирования экономики в приграничных регионах, некорректных оценок их роли в госполитике регионального развития. Другая ситуация — не во всех приграничных регионах есть возможности для активного развития приграничного сотрудничества, и такие регионы, чаще всего проблемные из-за своего периферийного положения, требуют иных направлений поддержки их социально-экономического развития со стороны национальных правительств. При этом такая поддержка может мотивироваться и как непосредственно приграничным положением, и реальными проблемами экономики и социальной сферы приграничных регионов (отражающимися соответствующими статистическими показателями). Иначе говоря, важно понимать, в какой мере поддержка экономической составляющей приграничного сотрудничества (которое в целом, конечно, выходит за рамки только экономики и развивается в значительной степени силами региональных и муниципальных властей) используется национальными властями для создания дополнительных условий для обеспечения экономического роста в приграничных регионах, как решаются проблемы (если таковые существуют) приграничных регионов в рамках региональной политики.

В данной статье рассматривается европейский и российский опыт включения (или исключения) приграничных регионов в региональную политику в качестве самостоятельных ее объектов, мотивы и инструментарий поддержки приграничных регионов со стороны национальных властей (в России федеральных, в ЕС еще и наднациональных). Важно понять, является ли господдержка приграничных регионов хорошо проработанной, учитывающей актуальные особенности развития таких территорий, уделяется ли приграничным регионам должное внимание в рамках деятельности национальных правительств.

Опыт стран ЕС

Историческое развитие Европы предопределило серьезный потенциал для трансграничного сотрудничества — при феодальной раздробленности на протяже-

¹ В данной статье речь идет о региональной политике в классическом ее понимании: имеется в виду региональная экономическая политика национальных (центральных, федеральных) органов власти (или наднациональных в случае ЕС), целью которой является сокращение диспропорций в уровне социально-экономического развития регионов (см., напр. [7; 8]).

нии многих веков политические границы были почти прозрачными, а в процессе формирования национальных государств из-за бесконечных войн политические границы так часто пересматривались, что в итоге сформировалось большое количество разделенных общностей людей [9]. В условиях длительного мирного развития после завершения в 1945 году Второй мировой войны это не могло не привести к значительному числу инициатив по экономическому и гуманитарному взаимодействию приграничных территорий. В Западной Европе с 1950-х годов эти процессы усилило развитие успешной региональной интеграции, причем по окончании холодной войны в интеграционный проект, оформившийся как Европейский союз, были включены и страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ).

Наиболее значимым элементом трансграничного сотрудничества в Европе стали проекты еврорегионов. Еще в 1958 году на границе ФРГ и Нидерландов возник первый еврорегион — Гронау, а к настоящему времени их число превысило сотню, причем правовой статус таких объединений сильно различается. В широком смысле еврорегион — любой вид добровольной средне- и долгосрочной трансграничной кооперации с участием муниципальных образований или целых районов соседних стран, юридическое оформление которой базируется на принципах Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (подписана в 1980 году) [10].

Заметим, что формат еврорегионов давно перестал быть привязан только к государствам — членам ЕС или кандидатам на присоединение к данному интеграционному проекту. Более того, в наднациональную региональную политику ЕС еврорегионы были интегрированы лишь в конце 1980-х годов. До этого приграничные территории были объектом внимания в рамках региональной политики лишь на уровне отдельных западноевропейских стран, причем соседство с другими государствами рассматривалось больше как недостаток (сказывалась ярко выраженная барьерная функция границы между странами Запада и социалистическим лагерем). Самым показательным примером служила ФРГ, где специальную поддержку получали все приграничные с ГДР и Чехословакией районы безотносительно к их уровню развития. Во многих странах (даже таких благополучных, как Нидерланды) приграничные районы рассматривались как наиболее вероятные кандидаты на помощь в развитии из-за периферийного положения, неразвитой инфраструктуры и неблагоприятной отраслевой структуры, однако специальных программ в рамках региональной политики для них не предусматривалось [11].

Повышение внимания в наднациональной региональной политике ЕС (позже получившей название «политики сплочения») к трансграничному сотрудничеству в конце 1980-х годов не случайно. Именно в то время, вследствие реформ Ж. Делора, было принято решение ускорить построение в рамках европейских сообществ того периода 12 стран — членом Общего рынка, а затем экономического и валютного союза, что требовало не просто устранения барьеров на границах для движения товаров, услуг, людей и капитала, но формирования подлинно единого экономического организма в рамках ЕС. На идеологическом уровне процесс в 1990-е годы подкреплялся большой популярностью идеи «Европы регионов». Правда, позднее стало ясно, что национальные государства не хотят исчезать, а в институциональной структуре ЕС даже самая маленькая страна-член имеет больше веса, нежели такие крупные регионы, как Бавария или Каталония, несмотря на их экономический потенциал и наличие ярко выраженной региональной идентичности.

Тем не менее 1990-е годы стали бумом сотрудничества в рамках еврорегионов и периодом повышенного внимания к приграничному сотрудничеству в рамках наднациональной региональной политики ЕС. В 1989 году было принято решение о создании специальной инициативы «Интеррег» для репрофилирования отрас-

левых структур приграничных территорий по мере создания единого внутреннего рынка ЕС (бюджет на 4 года составил 1,1 млрд ЭКЮ). На период 1994—1999 годов инициатива была продлена, а в 2000—2006 годах, несмотря на продолжавшееся сокращение специальных инициатив в рамках наднациональной региональной политики ЕС (уже с 13 до 4), появилась «Интеррег-III». Ее бюджет составил 5,3 млрд евро, или 2 % общих ассигнований ЕС на «политику сплочения» за 7 лет. К числу первых успехов инициативы «Интеррег» относились инфраструктурные проекты, например мост через р. Гвадиана на испано-португальской границе и современные пункты пропуска для грузовиков в районе схождения границ Бельгии, Франции и Люксембурга².

В 1990-е годы программа «Интеррег-II» состояла фактически из трех частей: трансграничное сотрудничество (А), энергетические сети (В) и кооперация в сфере регионального планирования (С). В 2000-е годы «Интеррег-III» получила новое членение: трансграничное (А), транснациональное (В) и межрегиональное сотрудничество (С). В 2007—2013 годах эти формы сотрудничества получили «повышение» статуса, став самостоятельной основной целью наднациональной политики ЕС (причем к тому моменту число целей, т. е. ключевых направлений, сократилось с 6 до 3). На нее было выделено уже 8,7 млрд евро, или 2,5 % общего бюджета «политики сплочения», на 7 лет. Правда, сформированное «европейское территориальное сотрудничество» уже не было в узком смысле приграничным, включив не просто трансграничные проекты, но и партнерство субрегионального уровня как в Европе (включая Россию), так и в других частях света, где имеются заморские территории стран-членов ЕС [12]. Безусловно, внеевропейские проекты транснациональной кооперации были продуктом лоббизма приатлантических и южноевропейских членов ЕС, по мнению многих экспертов, не в полной мере соответствуя духу принятой в 1999 году Европейской перспективы пространственного развития [13]. Однако на соответствующие проекты пошел лишь 21 % средств «Интеррег-III», так что в целом специфика данного направления «политики сплочения» ЕС сохранилась.

Среди особенностей поддержки приграничного и иного трансграничного сотрудничества в ЕС в 1990—2000-е годы можно особо отметить иной масштаб выделения границ поддерживаемых ареалов. Так, если средства, относящиеся к первым двум целям, распределяются в рамках программ, определенных в границах регионов уровня NUTS-2, то «европейское территориальное сотрудничество» связали с финансированием в регионах уровня NUTS-3 в пределах 150-километровой приграничной и приморской зон (там жило 37,5 % населения ЕС), а также в пределах 13 масштабных ареалов транснациональной кооперации. Более того, эта цель стала единственной из трех, в рамках которой финансирование «политики сплочения» получали все страны — члены ЕС [12].

Более того, к концу 1990-х годов по крайней мере страны ЦВЕ, готовившиеся к вступлению в ЕС, стали рассматривать программы «Интеррег» и сами еврорегионы как важный инструмент региональной экономической политики в ее узком смысле. Прежде всего необходимо отметить, что средства «Интеррег» в тот момент оказались существенным вкладом в региональное развитие стран-кандидатов, где собственная национальная региональная экономическая политика была слабой, а их вовлечение в реализацию основных целей «политики сплочения» ЕС до официального присоединения к интеграционному проекту не предусматривалось. К тому же участие регионов уровня NUTS-3 позволило быстрее обеспечить вовлеченность

² *EU Cohesion Policy 1988—2008: Investing in Europe's future* // Inforegio Panorama. 2008. No. 26. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/panorama/pdf/mag26/mag26_en.pdf. (дата обращения: 10.09.2019).

относительно низовых уровней власти бывших социалистических стран (с их изначально высокой степенью централизации властных полномочий) в принятие решений по развитию территорий, что является одним из важных условий повышения экономической эффективности государственной (или наднациональной) региональной политики [14].

В рамках текущего этапа наднациональной региональной политики ЕС значение «европейского территориального сотрудничества» повысилось, но все же оно получит в 2014—2020 годах лишь 3 % ассигнований «политики сплочения». Важным трендом в процессе изменения структуры расходов стал рост значения проектов, связанных с экологией, — на обеспечение устойчивого роста пойдет 41 % средств из Европейского фонда регионального развития (ЕФРР) в рамках «европейского территориального сотрудничества», а на развитие транспорта — лишь 10 %³ (при этом из других структурных фондов ЕС приграничное сотрудничество не финансируется, чем цель «европейское территориальное сотрудничество» в организационном плане выгодно отличается от других целей «политики сплочения»).

По мере завершения текущего десятилетия в ЕС уже появились документы, которые определяют основные черты «политики сплочения» на 2021—2027 годы⁴. Предусмотрено много мер по де бюрократизации, определенные новации в механизмах подачи заявок на помощь для регионального развития и инструментах их получения, однако в данной статье важно отметить, что трансграничное сотрудничество не исчезает из повестки наднациональной региональной политики ЕС. При этом среди новаций «Интеррег» можно выделить повышенное внимание к кластерным инициативам. В то же время доля в ассигнованиях на «политику сплочения» вновь сократится до 2,5 %, или 8,43 млрд евро.

В целом, несмотря на некоторое разочарование в ЕС результатами приграничного сотрудничества в социально-политической сфере (например, так и не возникло ни одного трансграничного социума с более ярко выраженной идентичностью по сравнению со степенью консолидации ранее существовавших в приграничных областях общностей людей), экономические результаты налицо. Особенно это проявилось при реализации крупных трансграничных инфраструктурных проектов. С этого начинался «Интеррег», это же стало его визитной карточкой впоследствии. По сути, успешными стали в основном те еврорегионы, где в основе лежал масштабный транспортный проект, который нельзя было реализовать без трансграничной кооперации и который при этом изменил все экономические связи приграничных территорий. Яркой иллюстрацией служит построенный в 1995—2000 годах совмещенный мост-туннель через пролив Эресунн, не просто соединивший шведский Мальмё и датский Копенгаген, но превративший их в части единой городской агломерации. Даже теперь, после установления выборочного паспортного контроля на границе из-за наплыва ближневосточных мигрантов, Мальмё входит в единый транспортный союз с Копенгагеном и его пригородами, а многие жители участвуют в маятниковых трудовых миграциях. При этом более сложные экономические оценки всего комплекса мероприятий «политики сплочения», в том числе

³ *Annex I: European Territorial Cooperation/INTERREG // Communication from the Commission. Investing in jobs and growth — maximising the contribution of European Structural and Investment Funds. Brussels, 2015.*

⁴ *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund Plus, the Cohesion Fund, and the European Maritime and Fisheries Fund and financial rules for those and for the Asylum and Migration Fund, the Internal Security Fund and the Border Management and Visa Instrument // COM/2018/375final-2018/0196 (COD). Strasbourg, 2018.*

применительно к трансграничному сотрудничеству, постоянно вызывают критику экспертов и предложения по совершенствованию методов для получения адекватных результатов [15].

Российский опыт

Сложившиеся особенности и трансформация роли приграничных регионов в региональной политике России во многом определяются спецификой и историей развития самой региональной политики (подробно рассмотренной в [16]). Если очень коротко охарактеризовать развитие региональной политики в стране, то можно выделить следующие ее ключевые вехи (периоды):

— в первой половине — середине 1990-х годов предпринимались попытки внедрения региональной политики по ее лучшим западным образцам, которые в конечном итоге не удались, но вылились в подписание президентского указа от 3 июня 1996 года № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации»; в этот же период создавались специальные министерства, отвечающие за проведение региональной политики, но долго не работавшие⁵, появились федеральные целевые программы социально-экономического развития регионов как основной инструмент региональной политики;

— в конце 1990-х — начале 2000-х годов в федеральных органах власти стали явно доминировать либеральные взгляды, в рамках которых отрицалась необходимость реализации региональной политики: специальных министерств по региональным вопросам не было, в общих стратегиях и программах социально-экономического развития страны региональная проблематика сводилась исключительно к межбюджетным отношениям; вместе с тем федеральные целевые программы регионального развития продолжали реализовываться, причем произошел процесс их упорядочения;

— ближе к середине 2000-х годов внимание к региональной проблематике возросло: в 2004 году было создано Министерство регионального развития РФ, в утвержденной в 2008 году Стратегии-2020⁶ появился отдельный довольно крупный раздел «Региональное развитие», были внедрены инструменты инвестиционной политики с четкой территориальной привязкой (особые экономические зоны, Инвестиционный фонд РФ), однако нормативно-правовая база и программная основа региональной политики как таковой оказались несформированными;

— современный этап региональной политики (2010-е годы) характеризуется, с одной стороны, ликвидацией Министерства регионального развития РФ (в 2014 году), с другой — возрастающим вниманием к региональной проблематике, прежде всего в рамках становления системы стратегического планирования. Подписан указ президента РФ от 16 января 2017 года № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития на период до 2025 года», утверждена Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года⁷ (далее —

⁵ Непосредственно Министерство региональной политики РФ просуществовало в стране менее полугода: было создано Указом президента РФ от 22 сентября 1998 г. № 1145 и ликвидировано Указом президента РФ от 25 мая 1999 г. № 651.

⁶ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

СПР). Появились отдельные направления федеральной политики в отношении Дальнего Востока, моногородов, Крыма; расширился инструментарий федеральной поддержки инвестиций в регионах.

С приграничными регионами ситуация, в том числе в уже упомянутых нормативно-правовых актах, оказалась следующей. В президентском указе 1996 года, как это и следует из лучших зарубежных практик, приграничные регионы оказались одним из объектов региональной политики. Так, среди задач региональной экономической политики была названа «разработка и реализация научно обоснованной политики в отношении регионов со сложными условиями хозяйствования, требующими специальных методов регулирования (районы Арктики и Крайнего Севера, Дальний Восток, приграничные регионы и другие)». Упомянулось также «содействии развитию экономически обоснованных и технологически обусловленных производственных связей между предприятиями приграничных областей России и соседних государств, включенных в единые производственно-технологические системы». Однако, как известно, названный указ остался преимущественно декларациями о намерениях и реально практически не реализовывался. Очевидного ответственного федерального ведомства за развитие приграничного сотрудничества не было (в 1990-е годы структура федеральных министерств была заметно сложнее нынешней, существовали отдельные министерства по внешнеэкономическим связям, сотрудничеству со странами СНГ).

Приграничное сотрудничество формально стало составляющей региональной политики с созданием Министерства регионального развития РФ, что было закреплено в положении о Министерстве⁸. Однако как не удалось сформировать региональную политику в целом, так не появилось и сколько-нибудь хорошо проработанной политики в отношении приграничных регионов. Деятельность соответствующего департамента в Министерстве была в значительной степени оторванной от всей остальной деятельности ведомства. А в деятельности других департаментов, ответственных за региональное развитие, приграничным территориям должного внимания не уделялось [17]. Неудивительно поэтому, что в Стратегии-2020 развитие приграничных территорий упоминалось в разделах по развитию внешнеэкономических связей, а не регионов.

Нынешний противоречивый этап становления региональной политики отличается и противоречивостью ситуации с ролью в ней приграничных регионов. С одной стороны, в СПР появился особый тип территорий, которым будет уделено повышенное внимание в государственной политике, — «приграничные геостратегические территории Российской Федерации». В их список включены субъекты РФ, которые являются приграничными, но при этом не попали в число «приоритетных геостратегических территорий Российской Федерации». Приоритетными выступают эксклавы (Республика Крым и Севастополь, Калининградская область), регионы Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов, а также Арктической зоны РФ, т.е. в подавляющем большинстве своем приграничные и приморские⁹.

С другой стороны, федеральная поддержка приграничного сотрудничества в целом на сегодняшний день не может рассматриваться как часть региональной политики, это составляющая внешнеэкономической политики. С ликвидацией Минре-

⁸ *Положение* о Министерстве регионального развития Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26 января 2005 г. №40. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹ В президентском указе 2017 года о госрегулировании регионального развития вопросы приграничного сотрудничества не упоминаются.

гиона России вопросы и регионального развития, и приграничного сотрудничества были переданы в ведение Минэкономразвития России¹⁰. Однако курируются они разными заместителями министра, а приграничное сотрудничество входит в сферу ведения Департамента развития и регулирования внешнеэкономической деятельности (тогда как вопросы региональной политики — Департаментов планирования территориального развития и регионального развития).

Конечно, вопрос о том, чем является федеральная поддержка приграничного сотрудничества — частью внешнеэкономической политики или региональной — неоднозначный. У приграничных внешнеэкономических связей есть своя специфика [18], и вопросы ее регулирования, скорее всего, действительно, целесообразно прорабатывать специалистами в этой сфере. Вместе с тем приграничное положение оказывает существенное, причем разноплановое, влияние на экономику и социальную сферу приграничных территорий [19], а развитие приграничного сотрудничества может вносить значительный вклад в обеспечение экономического роста приграничных регионов. Поэтому, на наш взгляд, приграничные территории должны быть прежде всего объектами региональной политики, а федеральная поддержка развития приграничного сотрудничества — одним из направлений реализации такой политики.

В то же время одна из особенностей федеральной политики в России — вывод федеральной поддержки Дальнего Востока во многом в самостоятельное направление деятельности федеральных властей, поскольку курируется она специально созданным для этого Минвостокразвития России¹¹, которое к тому же постаралось взять на себя реализацию на Дальнем Востоке некоторых полномочий других министерств. За последние годы появилось множество новых инструментов федеральной поддержки социально-экономического развития дальневосточных регионов, и среди всей совокупности принятых решений можно также назвать Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа¹².

Еще одна важная особенность региональной политики в России (по крайней мере до последнего времени) — наличие федеральной поддержки тех или иных территорий даже в условиях отсутствия нормативно-правовой (или программной) базы региональной политики. Поэтому наряду с рассмотренными выше вопросами включения приграничных территорий и приграничного сотрудничества в региональную политику — наделения соответствующими полномочиями профильных федеральных министерств и упоминания в нормативно-правовых актах по региональной политике — необходимо также проанализировать реальные шаги, предпринимавшиеся федеральными властями для социально-экономического развития приграничных территорий. Начнем с тех мер региональной политики, внедрение которых мотивировалось именно приграничностью территорий (т. е. можно говорить об осознанных решениях по поддержке таковых).

¹⁰ Об упразднении Министерства регионального развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 8 сентября 2014 г. № 612. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹¹ Изначально — Министерством по развитию Дальнего Востока РФ, в настоящее время — Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики РФ. Существует также Министерство по делам Северного Кавказа РФ, однако степень его активности гораздо ниже, а инструментарий федеральной поддержки Северо-Кавказского региона существенно уже, чем дальневосточных.

¹² Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2015 года № 2193-р (<http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/71139078/>).

Первым сформировавшимся в России инструментом региональной политики, как уже было сказано выше, стали федеральные целевые программы (ФЦП) социально-экономического развития регионов. В 1990-е годы процесс принятия таких программ носил во многом стихийный характер (подробнее см. [16]), отбор территорий для разработки ФЦП происходил без особого обоснования. В итоге в общем массиве ФЦП регионального развития появилась программа «Комплексное развитие приграничного поселка Забайкальск Читинской области»¹³.

Другим примером такого же единичного решения является правительственное постановление от 12 октября 1995 года № 1000 «О неотложных мерах по стабилизации социально-политической ситуации и экономического положения в южных приграничных районах Российской Федерации в пределах Республики Дагестан». Формально оно не по ФЦП (в тот момент они только начали появляться), но по сути касается того же вопроса — федеральных инвестиций в «строительство и реконструкцию объектов производственного назначения и социальной сферы».

В начале 2000-х годов произошло упорядочение ФЦП регионального развития, заметное уменьшение их числа. Новым важным документом стала программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002 — 2010 годы и до 2015 года)»¹⁴. В этой программе были обозначены три приоритетных направления: поддержка социальных проектов, строительство объектов инженерной инфраструктуры и проектов в приграничных субъектах РФ. Соответственно, были составлены три перечня регионов: нуждающихся в развитии социальной и инженерной инфраструктуры и приграничных, при этом субъект РФ мог быть включен только в один перечень.

Особое место в федеральной региональной политике еще с начала 1990-х годов занимает Калининградская область в силу своего уникального эксклавного положения. Вопросам социально-экономического развития этого региона, в том числе в контексте приграничности, посвящено немало работ [20; 21]. Правда, в случае с Калининградской областью основным мотивом ее федеральной поддержки является все-таки именно эксклавность, а не приграничность как таковая, однако они теснейшим образом связаны друг с другом. Отметим также, что относительно Калининградской области уникальной оказалась и постановка цели ее федеральной поддержки: обеспечение уровня жизни и темпов экономического роста в Калининградской области, сопоставимых (или выше) с показателями в приграничных странах Европейского союза. Такие формулировки присутствуют в СПР, ранее они были и в ФЦП социально-экономического развития Калининградской области¹⁵.

В контексте Калининградской области, но не только, важно проанализировать мотивы федерального интереса к приграничным регионам. Как следует из зарубежного опыта, таковыми выступают возможности использования приграничных связей для ускорения экономического роста (в случае контактной функции границы) и необходимость поддержки периферийных территорий (в случае барьерной функции границы). В России фактически сформировался третий мотив — необхо-

¹³ Утверждена постановлением Правительства РФ от 8 января 1998 года № 17 (<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051118>).

¹⁴ Данная программа, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 года № 717, была во многом выстроена в соответствии с зарубежным опытом региональной политики, однако в силу многочисленных недостатков досрочно прекратила существование — в 2007 году уже не финансировалась [16].

¹⁵ О федеральной целевой программе развития Калининградской области на период до 2020 года : постановление Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. № 866. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

димность обеспечения национальной безопасности. В соответствии с СПР «целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны». При этом приграничное сотрудничество рассматривается в первую очередь не как способ решения экономических проблем, а как направление обеспечения национальной безопасности страны: «Для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации за счет социально-экономического развития геостратегических территорий Российской Федерации предлагается:

обеспечить усиление приграничного сотрудничества приграничных субъектов Российской Федерации с сопредельными странами...»

Наглядной иллюстрацией этого тезиса является ФЦП «Развитие Республики Карелия на период до 2020 года»¹⁶. Карелия не самый проблемный по уровню своего социально-экономического развития субъект РФ, тем не менее по нему разработана отдельная ФЦП (такая ФЦП помимо Карелии в последние годы существовала только по Калининградской области). В тексте программы говорится о том, что «Республика Карелия, являясь приграничным периферийным регионом, имеет важное стратегическое значение для Российской Федерации с точки зрения обеспечения национальной безопасности. По ее территории проходит самая протяженная граница с Европейским союзом — почти 800 км».

Ставя во главу угла интересы обеспечения национальной безопасности, к направлениям социально-экономического развития приграничных территорий федеральные власти подходят по-разному. Одновременно речь идет и о развитии приграничного сотрудничества (т. е. об использовании потенциала приграничного положения), и о никак не связанных с приграничностью мерах поддержки экономики и социальной сферы приграничных территорий. Стоит также добавить, что в СПР вопросам встраивания российских регионов в мировую экономику, их внешнеэкономическим связям отдельное внимание не уделяется. Аналогичная ситуация сохраняется и на уровне самих субъектов РФ: использованию своего приграничного положения региональные власти не придают должного значения [22].

Является ли такая позиция федеральных властей оправданной? Отчасти да. Исследователи в последние годы говорят о возрастании барьерности границ [23], очевидной в связи с антироссийскими санкциями, обострением российско-украинских отношений. В научных исследованиях тоже поднимаются вопросы геостратегических интересов России [24], экономической безопасности [25]. Однако, на наш взгляд, экономической составляющей приграничного сотрудничества в федеральной региональной политике должно уделяться гораздо больше внимания, в научных исследованиях такого рода вопросы прорабатываются. Наряду с уже называвшимися выше исследованиями, можно отметить концептуальные работы [26; 27], исследования, посвященные анализу специфики развития разных типов приграничных территорий [28—30], разнообразным формам и механизмам приграничного сотрудничества в экономической сфере [31].

Уточним, что как в официальных документах федеральных властей, так и в научных исследованиях не сложилось однозначных подходов к определению границ приграничных регионов или территорий. В одних случаях (например, в СПР) приграничными регионами являются приграничные субъекты РФ, в других (например,

¹⁶ Утверждена Постановлением Правительства РФ от 9 июня 2015 года № 570 (garant.ru/products/ipo/prime/doc/70978216/).

в Концепции развития дальневосточных приграничных территорий) — приграничные муниципальные образования. Это тоже отражение общих особенностей региональной политики в России: основными ее объектами были, да и продолжают оставаться, субъекты РФ, однако в последние годы все же появляется немало примеров работы с муниципальными образованиями (прежде всего в рамках федеральной поддержки моногородов).

Совершенствованию федеральной политики в отношении приграничных регионов могло бы способствовать решение еще одной, также общей для всей федеральной социально-экономической политики России проблемы — координации разных направлений федерального регулирования экономики в региональном разрезе. Исследователи уже много лет говорят о необходимости публикации статистических данных об исполнении федерального бюджета в региональном разрезе (всей открытой части расходов федерального бюджета, а не только межбюджетных трансфертов), о необходимости мониторинга так называемых региональных последствий нерегиональных решений [8, с. 32], однако на практике такой координации до сих пор нет. Даже в отношении приграничных территорий действуют, похоже, никак не скоординированные друг с другом государственные программы их социально-экономического развития (таковые есть по Дальнему Востоку, Арктике, Северному Кавказу, Крыму, Калининградской области) и программы непосредственно приграничного сотрудничества, реализуемые в рамках подписываемых Россией международных соглашений.

По оценке Минэкономразвития России «европейское направление приграничного сотрудничества Российской Федерации сохраняет статус самого передового и прогрессивного»¹⁷. Масштабы этого сотрудничества не такие уж маленькие: по данным того же Минэкономразвития, в рамках программ Россия — ЕС «Эстония — Латвия — Россия», «Литва — Польша — Россия», «Карелия», «Коларктик», «Юго-Восточная Финляндия — Россия» на период 2007—2013 годов реализовано более 200 совместных проектов, направленных на стимулирование малого и среднего предпринимательства, поддержку местных культур и обычаев, повышение уровня жизни населения приграничных регионов; завершена работа над более чем пятьюдесятью крупномасштабными инфраструктурными проектами в таких областях, как обустройство государственной границы, экология, развитие транспортной инфраструктуры. С 2014 года ведется работа по реализации семи программ приграничного сотрудничества Россия — ЕС на период 2014—2020 годов: «Карелия», «Коларктик», «Россия — Латвия», «Россия — Литва», «Россия — Польша», «Россия — Эстония» и «Россия — Юго-Восточная Финляндия»¹⁸.

Некоторая информация о распределении федеральных средств по территории страны все же есть, можно оценить изменение роли приграничных регионов в осуществлявшихся инвестициях в основной капитал за счет средств федерального бюджета (такие данные есть начиная с 2005 года — таблица). При этом будем отдельно рассматривать приграничные и приморские регионы — приморское положение считается разновидностью приграничного, однако все же имеет некоторую специфику [33]. В таблице представлены регионы, доля которых в федеральных инвестициях в основной капитал превышала 4 % (эта граница по большинству лет

¹⁷ Программы приграничного сотрудничества Россия — ЕС // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/programs> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁸ Там же.

является «естественным разрывом»). Для сравнения: доля приграничных регионов в численности постоянного населения России сначала сокращалась — с 41,6 % в 2005 году до 41,4 % в 2012—2013 годах, но в 2014—2018 годах в результате присоединения Крыма достигала 42 %. Доля приморских регионов в постоянном российском населении стабильно росла: с 7,8 % в 2005—2010 годах до 7,9 % в 2011—2013 годах, с присоединением Крыма достигла 8,1 %, а в 2016—2018 годах увеличилась до 8,2 %. В итоге с 2014 года в приграничных и приморских регионах России живет больше половины постоянного населения¹⁹.

**Распределение инвестиций в основной капитал
за счет средств федерального бюджета по регионам России**

Год	Доля в федеральных инвестициях, %			Регионы-лидеры по доле в федеральных инвестициях (в скобках — доля в%)
	при- граничных регионов	при- морских регионов	приграничных и приморских регионов	
2005	38,2	18,5	56,8	Санкт-Петербург (13,8), Москва (11,6), Республика Татарстан (5,8)
2006	41,7	17,0	58,7	Санкт-Петербург (11,7), Москва (10,8), Краснодарский край (5,6), Ленинградская область (4,4), Чеченская Республика (4,1)
2007	42,2	21,3	63,5	Санкт-Петербург (16,4), Москва (8,0), Чеченская Республика (6,6), Краснодарский край (4,6)
2008	47,5	16,6	64,1	Санкт-Петербург (8,4), Москва (5,4), Чеченская Республика (5,4), Краснодарский край (5,4), Ростовская область (4,2)
2009	47,3	14,9	62,2	Санкт-Петербург (6,6), Москва (6,3), Приморский край (5,6), Краснодарский край (4,8), Красноярский край (4,0)
2010	51,1	15,4	66,4	Приморский край (11,1), Москва (7,7), Краснодарский край (7,0), Санкт-Петербург (6,8), Воронежская область (4,5)
2011	52,2	14,1	66,2	Приморский край (13,1), Краснодарский край (8,8), Москва (8,6)
2012	49,9	12,5	62,4	Краснодарский край (12,6), Москва (6,4), Приморский край (4,4), Ленинградская область (4,3), Московская область (4,2)
2013	49,5	11,1	60,6	Краснодарский край (14,0), Москва (9,8), Московская область (6,2), Амурская область (4,5)
2014	41,7	11,8	53,4	Москва (15,6), Московская область (5,8), Воронежская область (4,2), Краснодарский край (4,2), Приморский край (4,0)
2015	48,2	9,6	57,8	Москва (12,8), Краснодарский край (4,8), Воронежская область (4,5), Московская область (4,4), Санкт-Петербург (4,3)
2016	48,9	9,4	58,3	Москва (10,0), Краснодарский край (7,9), Ростовская область (5,4)
2017	52,5	12,1	64,6	Республика Крым (8,2), Краснодарский край (7,2), Ростовская область (6,8), Москва (6,0)
2018	55,5	11,2	66,7	Республика Крым (12,9), Краснодарский край (8,4), Московская область (7,4), Москва (6,5)

Источник: расчеты авторов по данным Росстата (fedstat.ru).

¹⁹ Приведенные данные — расчеты автором по данным Росстата.

Как видим, за исключением 2005 и 2014 годов доля приходящихся на приграничные регионы федеральных инвестиций в основной капитал превышала долю этих регионов в населении, по приморским регионам такое превышение было постоянным, особенно в докризисный период. Видно также, что распределение федеральных инвестиций по территории страны не отличается стабильностью, доли приграничных и приморских субъектов РФ заметно изменялись, менялись и отдельные регионы-лидеры по вложенным в них средствам федерального бюджета, среди которых немало приграничных и приморских регионов. Вместе с тем можно отметить наметившийся с 2015 года тренд по возрастанию роли приграничных регионов в федеральных инвестициях, в 2018 году показатель достиг максимума за весь рассматриваемый период. Является ли этот тренд долгосрочным — вопрос пока открытый, возможно, это связано преимущественно с вхождением Крыма в состав России. Однако есть и очевидный вывод из приведенных данных: они лишь раз доказывают, что распределение средств федерального бюджета по территории страны складывается зачастую в результате не обдуманной политики федерального регулирования регионального развития, а отдельно взятых решений.

Выводы

Таким образом, как было показано выше, основными особенностями европейского опыта является осознание необходимости специальной поддержки приграничных регионов, среди которых много отсталых регионов, но при этом довольно позднее внедрение инструментов, нацеленных на использование контактной функции государственных границ — фактически для развития внешних связей стран ЕС в рамках построения общего рынка. При этом в 1990-е годы основной акцент делался на финансирование инфраструктурных проектов, тогда как в настоящее время внимание уделяется самым разным инициативам, в том числе, например, в сфере экологии (ведь и в области охраны окружающей среды очень важно трансграничное сотрудничество). Расширение ЕС на Восток и открытость для участия территорий третьих стран в проектах, финансируемых программой «Интеррег» в рамках наднациональной региональной политики ЕС, позволили активизировать и российское участие в приграничном сотрудничестве в Европе (в последние годы, однако, больше институционально при российских ассигнованиях на российских территориях).

В России ситуация с ролью приграничных регионов в федеральной региональной политике во многом является отражением общих ее проблем, включая нестабильность как распределения полномочий между министерствами в сфере госрегулирования территориального развития, так и собственно подходов к этому регулированию, отсутствие прозрачности и координации разных направлений федеральной социально-экономической политики в региональном разрезе, выбор в качестве объектов региональной политики преимущественно субъектов РФ, а не муниципальных образований.

Так, в период существования в 2004—2014 годах Минрегиона России приграничное сотрудничество входило в сферу ведения этого ведомства и тем самым хотя бы формально могло рассматриваться как часть региональной политики. С ликвидацией Минрегиона вопросы регионального развития и приграничного сотрудничества находятся в ведении Минэкономразвития России, однако являются совершенно разными направлениями деятельности министерства. На наш взгляд, необходима гораздо более тесная координация и взаимная увязка вопросов регионального развития и приграничного сотрудничества. Это может способствовать и собственно развитию приграничных регионов, и постепенному становлению системы мониторинга и координации региональных аспектов разных направлений федеральной политики.

Важная особенность российской федеральной политики в отношении приграничных регионов — регулирование их социально-экономического развития исходя не столько ради соображений экономической целесообразности, сколько из обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности. Это формирует основу для повышенной федеральной поддержки приграничных территорий, однако несет в себе риски недоиспользования потенциала развития внешнеэкономических связей. В частности, в Стратегии пространственного развития России аспект встраивания российских регионов в глобальную экономику отдельно не рассматривается, и в дальнейшем этот недостаток должен быть преодолен.

Вместе с тем важно отметить тот факт, что в СПР приграничным регионам уделено повышенное внимание по сравнению с предшествующими документами (в частности, появился такой тип регионов, как «приграничные геостратегические территории РФ»). Об усилении федерального внимания к приграничным регионам свидетельствует и повышение их доли в общем объеме федеральных инвестиций в основной капитал с 2015 года, достижение максимального значения этого показателя в 2018 году за весь период с начала 2005 года.

Список литературы

1. Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009.
2. Котилко В. В., Пашенных Ф. С., Джантаев Х. М. Приграничные регионы России и опыт развития приграничных районов за рубежом. М., 2016.
3. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М., 2018.
4. Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы / под ред. В. А. Колосова и А. Б. Володина. М., 2016.
5. Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / под ред. Л. И. Попковой, Ц. Мадры, Л. Б. Вардомского. Курск, 2018.
6. Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии. Киев, 2010. С. 14—26.
7. Артоболевский С. С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 3 (18). С. 3—16.
8. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. М., 2015.
9. Blatter J., Clement N. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15, № 1. P. 15—53.
10. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48—59.
11. Nijkamp P. Border regions and infrastructure networks in the European integration process // Environment and Planning C: Government and Policy. 1993. Vol. 11, is. 4, P. 431—446. doi: 10.1068/c110431.
12. Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А. В. Кузнецов. М., 2009.
13. Waterhout B., Stead D. Mixed messages: How the ESDP's concepts have been applied in INTERREG IIIB programmes, priorities and projects // Planning Practice and Research. 2007. Vol. 22, № 3. P. 395—415. doi: 10.1080/02697450701775216.
14. Turnock D. Cross-border cooperation: a major element in regional policy in the new East Central Europe // Scottish Geographical Journal. 2002. Vol. 118, is. 1. P. 19—40. doi: 10.1080/00369220218737134.
15. Medeiros E. Territorial Impact Assessment and Cross-Border Cooperation // Regional Studies, Regional Science. 2015. Vol. 2, № 1. P. 97—115. doi: 10.1080/21681376.2014.999108.
16. Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М., 2013.
17. Федоров Г. М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 71—82. doi: 10.5922/2074-9848-2014-3-5.

18. *Покровская В. В.* Приграничная торговля как составляющая внешнеэкономической политики государства // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2013. № 3. С. 28—46.
19. *Прокопьев Е. А., Курило А. Е.* Оценка влияния приграничного положения на социально-экономическое развитие региона (обзор отечественной литературы) // *Псковский региональный журнал*. 2016. № 4 (28). С. 3—14.
20. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы. 2-е изд., доп. и перераб. Калининград, 2013.
21. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // *Балтийский регион*. 2010. № 2 (4). С. 5—15. doi: 10.5922/2074-9848-2010-2-1.
22. *Шишкин А. А.* Стратегическое планирование в приграничных регионах России // *Экономика и управление*. 2015. № 5 (115). С. 28—33.
23. *Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б.* Барьерная функция российских границ // *Известия РАН. Сер. географическая*. 2016. № 5. С. 8—20.
24. *Дружинин А. Г.* Приморские территории в условиях смены геостратегического вектора России: общественно-географический аспект // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология*. 2017. Т. 3 (69), № 3, ч. 1. С. 43—55.
25. *Лачининский С. С.* Оценка влияния программ приграничного сотрудничества на экономическую безопасность регионов Западного побережья России // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2018. Т. 4 (14), вып. 2. С. 117—127.
26. *Савельев Ю. В.* Региональная экономическая политика в приграничном регионе: постановка исследовательских задач // *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 13 (148). С. 25—29.
27. *Черная И. П., Шинковский М. Ю.* Приграничный регион в условиях глокализации: теоретико-концептуальные подходы // *Пространственная экономика*. 2005. № 2. С. 46—60.
28. *Дружинин П. В.* Особенности развития приграничных регионов // *Регионоведение*. 2017. Т. 25, № 2 (99). С. 200—216.
29. *Осмоловская Л. Г.* Типология российских приграничных регионов по степени развития трансграничных связей // *Региональные исследования*. 2016. № 1 (51). С. 126—135.
30. *Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона* / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова. Петрозаводск, 2014.
31. *Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации* / под ред. А. Г. Дружинина. М., 2018.
32. *Федеральный бюджет и регионы: структура финансовых потоков* / Институт «Восток-Запад». М., 2001.
33. *Федоров Г. М.* Приморские субъекты Российской Федерации как особый тип приграничных регионов // *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика*. Смоленск, 2016. С. 364—369.

Об авторах

Алексей Владимирович Кузнецов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, МГИМО МИД России, Россия; врио директора, ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: kuznetsov@inion.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5172-9924>

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление РАН», Россия; профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

THE CHANGING ROLE OF BORDER REGIONS IN THE REGIONAL POLICIES OF THE EU AND RUSSIA

A. V. Kuznetsova ^{a, b}

O. V. Kuznetsova ^{c, d}

^a MGIMO-University
76 Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119574

^b Institute of Scientific Information for Social Sciences
51/21 Nakhimovskiy Ave., Moscow, Russia, 117997

^c Federal Research Center Informatics and Management
of the Russian Academy of Sciences
9 60-letiya Oktyabrya Ave., Moscow, Russia, 117312

^d Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, Russia, 1119991

Received 04 October 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-4

© Kuznetsov A. V., Kuznetsova O. V., 2019

This article analyses how the role of border regions has changed in the regional policies of Russia and European countries since the early 1990s. The study aims to estimate the efficiency of Russia's regional policy with regard to border regions (its completeness, a focus on actual problems, etc.) and to compare it with that of European counterparts. The article relies on publications on the experience of EU countries, earlier contributions from Russian researchers, federal regulations, and statistics on the regional distribution of federal investment in fixed assets. It is shown that the federal border region policy is largely a reflection of the features and problems of Russia's regional policy as a whole. Currently, the development of cross-border cooperation is affected more strongly by national security concerns than by economic growth considerations. Cross-border cooperation is no longer part of the regional policy. Border regions, however, have received an increasing proportion of federal investments in recent years, particularly, amid the reunification with the Crimea. The study calls for better coordination between different areas of the federal socio-economic policy on border regions and closer attention to border regions' foreign economic ties, particularly, within the implementation of the Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation.

Keywords:

border regions, coastal regions, regional policy, EU, Russia, Euroregions, cross-border cooperation, spatial development strategy

References

1. Vardomskii, L.B. 2009, *Rossiiskoe porubezh'e v usloviyakh globalizatsii* [The Russian frontier in the conditions of globalization], Moscow, 216 p. (In Russ.).
2. Kotilko, V.V., Pashennykh, F.S., Dzhantaev, Kh.M. 2016, *Prigranichnye regiony Rossii i opyt razvitiya prigranichnykh raionov za rubezhom* [Border regions of Russia and experience of development of border areas abroad], Moscow, 235 p. (In Russ.).
3. Kolosov, V.A. (ed.) 2018, *Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva* [Russian borderlands: the challenges of neighbourhood], Moscow, 562 p. (In Russ.).
4. Kolosov, V.A., Volodin, A.B. (ed.) 2016, *Rossiiskoe pogranich'e: sotsial'no-politicheskie i infrastrukturnye problemy* [Russian borderlands: socio-political and infrastructural problems], Moscow, 188 p. (In Russ.).

5. Popkova, L.I., Madra, Ts., Vardomskii, L.B. (ed.) 2018, *Strategiya razvitiya prigranichnykh territorii: traditsii i innovatsii* [Development strategy of border areas: traditions and innovations], Kursk, 129 p. (In Russ.).
6. Artobolevskii, S.S., Vardomskii, L.B. 2010, Border areas and regional policy in the Russian Federation. In: *Problemy obshchestvennoi geografii* [Problems of public geography], Kiev, p. 14—26. (In Russ.).
7. Artobolevskii, S.S. 2018, Western experience of regional policy implementation: opportunities and limitations of practical use, *Regional'nye issledovaniya* [Regional research], no. 3 (18), p. 3—16. (In Russ.).
8. Kuznetsov, A.V., Kuznetsova, O.V. (ed.) 2015, *Regional'naya politika: zarubezhnyi opyt i rossiiskie realii* [Regional policy: foreign experience and Russian realities], Moscow, 137 p. (In Russ.).
9. Blatter, J., Clement, N. 2000, Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America, *Journal of Boderlands Studies*, Vol. 15, no. 1, p. 15—53.
10. Kuznetsov, A.V. 2008, Euroregions: half century of “small” integration, *Contemporary Europe*, no. 2, p. 48—59 (in Russ.).
11. Nijkamp, P. 1993, Border regions and infrastructure networks in the European integration process, *Environment and Planning C: Government and Policy*, Vol. 11, no. 4, p. 431—446. doi: <https://doi.org/10.1068/c110431>.
12. Kuznetsov, A.V. (ed.) 2009, *Regional'naya politika stran ES* [Regional policy of EU countries], Moscow, 230 p. (in Russ.).
13. Waterhout, B., Stead, D. 2007, Mixed messages: How the ESPD's concepts have been applied in INTERREG IIIB programmes, priorities and projects, *Planning Practice and Research*, Vol. 22, no. 3, p. 395—415. doi: <https://doi.org/10.1080/02697450701775216>.
14. Turnock, D. 2002, Cross-border cooperation: a major element in regional policy in the new East Central Europe, *Scottish Geographical Journal*, Vol. 118, no. 1, p. 19—40. doi: <https://doi.org/10.1080/00369220218737134>.
15. Medeiros, E. 2015, Territorial Impact Assessment and Cross-Border Cooperation, *Regional Studies, Regional Science*, Vol. 2, no. 1, p. 97—115. doi: <https://doi.org/10.1080/21681376.2014.999108>.
16. Kuznetsova, O.V. 2013, *Regional'naya politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Russia's regional policy: 20 years of reforms and new opportunities], Moscow, 392 p. (In Russ.).
17. Fedorov, G.M. 2014, Border Position as a Factor of Strategic and Territorial Planning in Russian Regions in the Baltic, *Balt. Reg.*, no. 3, pp. 58—67. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-3-5>.
18. Pokrovskaya, V.V. 2013, Cross-border trade as a component of the foreign economic policy of the state, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian foreign economic bulletin], no. 3, p. 28—46 (In Russ.).
19. Prokop'ev, E.A., Kurilo, A.E. 2016, Assessment of border location impact on socio-economic development of the region (Russian literature review), *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], no. 4 (28), p. 3—14 (In Russ.).
20. Fedorov, G.M., Zverev, Yu.M., Korneevets, V.S. 2013, *Rossiya na Baltike: 1990—2012 gody* [Russia in the Baltic: 1990—2012], Kaliningrad, 252 p. (In Russ.).
21. Fedorov, G.M. 2010, The Kaliningrad dilemma: a ‘development corridor’ or a ‘double periphery’? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-1>.
22. Shishkin, A.A. 2014, Strategic planning in the border regions of Russia, *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], no. 5 (115), p. 28—33 (In Russ.).
23. Kolosov, V.A., Zotova, M.V., Sebentsov, A.B. 2016, Barrier function of Russian borders, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestia RAS. Series geographic], no. 5, p. 8—20 (In Russ.).
24. Druzhinin, A.G. 2017, Coastal areas in the conditions of changing geo-strategic vector of Russia: socio-geographical aspect, *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Geography. Geology], vol. 3 (69), no. 3., part 1, p. 43—55 (In Russ.).

25. Lachininskii, S.S. 2018, The Assessment of the impact of cross-border cooperation programmers on the economic security of the regions of the Russian Western contiguous, *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitika i ekogeodinamika regionov], vol. 4 (14), no. 2, p. 117—127 (In Russ.).

26. Savel'ev, Yu.V. 2010, Regional economic policy in the border region: setting research objectives, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], no. 13 (148), p. 23—29 (In Russ.).

27. Chernaya, I.P., Shinkovskii, M.Yu. 2005, Border region in the conditions of globalization: theoretical and conceptual approaches, *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], no. 2, p. 46—60 (In Russ.).

28. Druzhinin, P.V. 2017, Features of development of the near-border regions, *Regionologiya* [Regionology], vol. 25, no. 2 (99), p. 200—216 (In Russ.).

29. Osmolovskaya, L.G. 2016, Typology of russian border regions according to the degree of development of cross-border relations, *Regional'nye issledovaniya* [Regional research], no. 1 (51), p. 126—135 (In Russ.).

30. Savel'ev, Yu.V., Tolstoguzov, Yu.V. (ed.) 2014, *Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i modernizatsii prigranichnogo regiona* [Features of socio-economic development and modernization of the border region], Petrozavodsk, 490 p. (In Russ.).

31. Druzhinin, A.G. (ed.) *Primorskie zony Rossii na Baltike: faktory, osobennosti, perspektivy i strategii transgranichnoi klasterizatsii* [The coastal zone of Russia on the Baltic: factors, peculiarities, perspectives and strategies for cross-border clustering], Moscow, 216 p. (In Russ.).

32. *The Federal Budget and the Regions: Structure of Financial Flows*, 2002, East-West Institute, Moscow, 324 p. (In Russ.).

33. Federov, G.M. 2016, Coastal subjects of the Russian Federation as a special type of border regions. In: *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socio-economic geography: history, theory, methods, practice], Smolensk, p. 364—369 (In Russ.).

The authors

Prof. Alexey V. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, MGIMO-University, Russia; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russia.

E-mail: kuznetsov@ionion.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5172-9924>

Prof. Olga V. Kuznetsova, Federal Research Center Informatics and Management, Russia; Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ И ПРОГРАММА «СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В. А. Колосов ^{а, б}

А. Б. Себенцов ^а

^а Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29.

^б Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 30.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-5

© Колосов В.А., Себенцов А.Б., 2019

Ход и устойчивость процессов формирования трансграничных регионов — актуальная тема для России, граничащей с 16 зарубежными странами. В начале 2000-х годов эти процессы особенно активно протекали на Северо-Западе Европы при участии России. Трансграничные районы возникают как «естественным путем», на основе разнообразных связей, так и в результате политических решений. В этом случае одним из важных факторов успешного регионального строительства становится политический дискурс. Программа «Северное измерение» (СИ), запущенная в 1997 году, была задумана как воплощение принципов деполитизированного сотрудничества — европейского «нового регионализма». Цель статьи — оценка Программы СИ в федеральном и региональном политическом дискурсе 1997—2016 годов, ее места среди других проектов трансграничного сотрудничества, изменений в понимании ее задач. Данные информационного агентства «Интегрум» послужили информационной базой исследования, содержащей наиболее полные электронные архивы федеральных и региональных печатных и электронных СМИ. Дискурс о Программе СИ в федеральных СМИ отражал сложный комплекс отношений между Россией и ЕС. Представление о нынешнем кризисе Программы порождено несоответствием между сформированными дискурсом ожиданиями и результатами сотрудничества. Показаны изменения в дискурсе о Программе СИ почти за 20 лет и глубокие различия между федеральным и региональным дискурсами.

Ключевые слова:

наднациональные регионы, Россия, ЕС, Программа «Северное измерение», политический дискурс

Введение

Одной из основных идей, пронизывающих работы Г.М. Федорова, его учеников и последователей, стало представление о формировании международных регионов разного уровня (регионализации) как проявлении глобализации [1; 2]. Простран-

Для цитирования: Колосов В. А., Себенцов А. Б. Процессы регионализации на Севере Европы и программа «Северное измерение» в отражении российского политического дискурса // Балтийский регион. Т. 11, № 4. С. 76–92. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-5.

ство глобального мира состоит из совокупности регионов, формирование которых стало ответом на вызовы международной конкуренции, требующей укрупнения рынков, трансграничной кооперации и новых подходов к территориальной организации хозяйства. Необходимость сопряжения усилий по решению назревших трансграничных проблем, масштабы которых превосходят возможности отдельных государств, также стимулировала процессы регионализации.

Анализ регионализации приобрел для российских ученых-обществоведов высокую актуальность. Россия — самая крупная по территории страна, протяженность только сухопутных границ которой составляет более 22 тыс. км, она имеет и наибольшее в мире число государств-соседей (с учетом признания независимости Абхазии и Южной Осетии — 16). Вполне естественно, что на межгосударственном уровне Российская Федерация вовлечена в деятельность многих региональных организаций. Особенно активно формировались трансграничные регионы в Европе. Участие в этих процессах — важная часть отношений России как с ЕС в целом, так и с отдельными его членами. На Северо-Западе Европы РФ и ее регионы — участники ряда международных организаций: Совета Баренц-Евроарктического региона (СБЕР), Совета государств Балтийского моря (СГБМ), Арктического совета, Совета министров Северных стран (СМСС), программы «Северное измерение» (СИ). Ареалы их деятельности накладываются друг на друга, а сферы широко пересекаются. Региональные проекты с участием России и в Москве, и в европейских столицах первоначально рассматривали как деполитизированное сотрудничество, построенное на базе «общих интересов».

Европейская практика регионализации была основана на «мягкой силе» [3] и известном принципе облегчения пограничных формальностей на внутренних границах при резком усилении барьерных функций на внешних, что глубоко противоречило процессам регионализации, включавшим третьи страны. В политической географии это противоречие интерпретировалось как «ретерриториализация», т.е. дифференциация функций политических и социально-культурных границ на разных пространственных уровнях в соответствии с определенными критериями: идентичностью, разделением соседей на друзей, партнеров и геополитических соперников, эгоистическими экономическими интересами, обеспечением безопасности [4; 5]. Такому пониманию регионализации противопоставляли «новый регионализм», опирающийся на четкую нормативную и институциональную основу, многостороннее и взаимовыгодное сотрудничество (co-development).

Важнейший принцип «нового регионализма» — децентрализация компетенций (multilevel governance), подразумевающая передачу всех возможных полномочий от центральных властей на субнациональный и наднациональный уровни. Предполагается, что применение этого принципа значительно расширяет круг участников сотрудничества, который включает международные финансовые и неправительственные организации, партнерства, правительственные учреждения стран-членов, региональные администрации, неправительственные организации и др. При этом повестка дня распределяется в созданной системе акторов таким образом, что каждый ее элемент соответствует компетенции институтов того или иного уровня. Кроме того, если каждый из акторов реализует сравнительно узкий набор функций, то в совокупности они могут развивать достаточный потенциал взаимодействия для сглаживания межстрановых противоречий, сохраняя дух сотрудничества даже в ситуации политической конфронтации [6]. Невозможность договориться по какому-либо вопросу не становится препятствием для решений по другим пунктам повестки дня, распределенной между множеством акторов, чем достигается относительная автономия региональной организации от «высокой политики» [7].

Программа «Северное измерение», существующая уже более двух десятилетий, была призвана стать инновационным форматом сотрудничества — воплощением европейского «нового регионализма». Эта инициатива занимает особое место среди программ регионального сотрудничества между Россией и странами ЕС. В научном дискурсе СИ рассматривалось на определенных этапах в качестве успешной модели, которую можно было бы перенести на весь комплекс отношений между Россией и Евросоюзом. В то же время и неудачи программы не раз признавались типичными, т.е. детерминированными общими проблемами взаимодействия с ЕС.

Подходы к анализу регионализации в общественной географии

Традиционный для общественной географии подход к оценке хода и результатов регионализации — функциональный: изучение интенсивности и структуры разнообразных связей между различными акторами. Этот подход успешно применялся Г. М. Федоровым и учеными его научной школы, исследовавшими процессы трансграничной регионализации на основе статистики внешней торговли, инвестиций, соглашений между разного рода партнерами. Предложена «таксономия» когерентных (внутренне связанных) трансграничных регионов [1]. Функциональный подход использовали для выявления «неформальных», т.е. не закрепленных какими-либо политическими и юридическими актами регионов многие зарубежные ученые (см., напр. [8]).

Существуют и иные подходы к изучению регионализации — например, институциональный, нацеленный на анализ внутренней организации и «связности» региональных ассоциаций, и геополитический. Одна из его задач — изучение состава, конфигурации и динамичных рубежей наднациональных регионов, зависящих от интересов партнеров и соотношения их политических и экономических потенциалов, сдвигов в режиме и функциях внутренних и внешних границ, соотношения регионообразования с интенсивностью приграничного сотрудничества. Геополитический подход направлен также на исследование путей и способов формирования трансграничных регионов.

Опыт показал, что процессы регионализации развиваются не только в силу «объективных» причин — иными словами, складываются из взаимодействий многих акторов, руководствующихся своими экономическими или политическими интересами, возникающими в том числе под влиянием культурной, исторической, языковой и конфессиональной общности. Регионализация может быть «запущена сверху» — инициирована политическими решениями, а уже под эти решения подыскивают экономические, культурные и иные основания. В интерпретации противоречивой истории двух- или многосторонних отношений делается акцент на периодах успешного взаимодействия между партнерами.

В изучении регионализации «сверху» эффективна концепция критической геополитики, рассматривающей создание этих смыслов в процессе общественной практики и в ходе политического дискурса. «Регионы, как и идентичность, не задаются раз и навсегда: они конструируются и меняются», — писала профессор Оксфордского университета Л. Фоусетт [9, р. 26]. Ключевую роль в успешном региональном строительстве играют территориальные идентичности, также трансформируемые геополитическим дискурсом и общественной практикой [10].

Под геополитическим дискурсом понимается дискурсивная практика, в ходе которой вопросы международных отношений ассоциируются с определенными этнокультурными общностями, точками, ареалами и другими элементами политического пространства, происходившими там историческими событиями [11]. Концепции и смыслы, лежащие в основе внешнеполитических акций, определяются

взаимодействием между дискурсами, инициируемыми и развиваемыми разными политическими силами и социальными группами. Их возможности повлиять на результаты такого взаимодействия различны и зависят от властных отношений, политических и социально-культурных ресурсов разных групп и общественной практики [12]. Формирующееся в ходе дискурса воображаемое политическое пространство становится важнее пространства реального. В научной литературе не раз показано, что его мифологизация часто становится причиной острых противоречий между отдельными странами и регионами [13–15].

Анализ элементов дискурса, содержащихся в заявлениях, речах и интервью лидеров, публикациях экспертов, материалах электронных и печатных СМИ, а также в художественных произведениях, кино, рекламе, карикатурах, в том числе используемого в них языка, помогает понять этот процесс, соотнести его с политической практикой [16], общественным мнением и представлениями разных социальных групп, отражающимися в социологических опросах [17]. В результате развития средств коммуникации внешнеполитическая деятельность и в целом геополитическое видение мира правящими кругами во все большей степени нуждаются в легитимизации в глазах общественного мнения, что также является задачей политического дискурса.

Цель настоящей работы — оценка СИ как одного из модельных направлений трансграничного сотрудничества в федеральном и региональном дискурсе. Насколько важен этот формат сотрудничества для России и граничащих с Европой регионов Северо-Запада? Какое место занимает СИ в ряду других проектов трансграничного сотрудничества? Как менялись, а самое главное, как понимались цели и задачи проекта? Ответ на эти вопросы существенен для оценки перспектив СИ и возможности его активизации в современных условиях.

Методика исследования

Работа основана на количественном и качественном анализе российского дискурса о СИ в 1997–2016 годах. Данные информационного агентства «Интегрум» составили информационную базу исследования, которая содержит наиболее полные электронные архивы федеральных и региональных печатных и электронных СМИ.

Федеральные СМИ обычно концентрируются на освещении наиболее значимых событий. Для более детального анализа нами были отобраны пять общественно-политических изданий, нацеленных на различные группы российского общества. «Независимая газета» («НГ») позиционирует себя как «качественная» «газету независимых мнений», достаточно полно освещающая отношения России с внешним миром. «Российская газета» («РГ») — официальный орган российского правительства. «Завтра» представляет «национально-патриотическую» часть политического спектра. «Советская Россия» известна как неофициальное издание КПРФ. «Новая газета» критикует внутреннюю и внешнюю политику властей с либеральных и европейских позиций.

Региональные СМИ обычно уделяют мало внимания внешней политике и сфокусированы только на тех аспектах внешних политических и экономических связей, которые имеют прямое отношение к местным проблемам. Для изучения региональных дискурсов использованы материалы наиболее популярных печатных СМИ регионов Северо-Западного федерального округа, отобранных на основе рейтингов компании «Медиалогия». Недостаточная полнота электронных архивов ряда региональных газет привела к необходимости дополнить собранную базу данных материалами других региональных СМИ, в том числе и региональных информационных агентств.

Для количественных оценок использован сервис «Сравнительная упоминаемость» базы «Интегрум». Расчет упоминаемости проведен для всего массива федеральных СМИ (201 издание), «Независимой газеты», а также 19 региональных СМИ Северо-Запада. Это позволило установить долю документов, в которых упомянут исследуемый объект, в общем числе документов, содержащихся в «Интегруме» за каждый год. Документы учитывались только один раз вне зависимости от числа упоминаний в них искомых слов. В статьях «НГ» и «РГ», в которых было упомянуто СИ, учтено число, контекст и тональность упоминаний отдельных стран.

«Северное измерение» как инновационный формат сотрудничества

Инициатива СИ была выдвинута премьер-министром Финляндии Пааво Липпоненом в сентябре 1997 года и призвана стать «неотъемлемой частью отношений ЕС с Россией и другими странами региона». В июне 2000 года Европейский совет принял первый «План действий для СИ во внешней и трансграничной политике Европейского союза на 2001 — 2003 гг.», который предусматривал совместные меры по развитию инфраструктуры, образования и науки, здравоохранения, приграничного сотрудничества и торговли, охране окружающей среды, обеспечению ядерной безопасности и борьбе с трансграничной преступностью. Однако согласование конкретных проектов оказалось непосильной задачей для обеих сторон. Россию не устраивал формат взаимодействий с ЕС: она представляла объектом политики ЕС и была ограничена в праве формировать общую повестку дня [18—21]. Практически единственным существенным достижением начального этапа программы стало создание в 2001 году Природоохранного партнерства «Северного измерения» (ПОПСИ) — наиболее известного из существующих сегодня его институтов.

Второй План действий, одобренный в 2003 году, был нацелен на конкретизацию заявленных ранее направлений взаимодействия: были выделены пять областей сотрудничества (экономика, человеческий капитал, окружающая среда, приграничное сотрудничество, безопасность и правосудие), определены перспективные проекты, выделены две особые территории сотрудничества — Арктика и Калининградская область. Однако большинство российских предложений не было принято, поэтому Россия фактически не участвовала в его реализации. В 2003 году было создано Партнерство в области здравоохранения и социального благополучия, которое сосредоточилось, в частности, на сотрудничестве в борьбе с опасными инфекционными заболеваниями.

В 2006 году формат программы по финской инициативе и при поддержке российской стороны коренным образом изменился. СИ превратилось из политики ЕС на Севере Европы в совместную политику Европейского союза, России, Норвегии и Исландии. Россия выразила готовность принять участие в финансировании программы, что позволило сделать сотрудничество равноправным. Были созданы новые партнерства: в 2009 году — в области транспорта и логистики, в 2010-м — в области культуры.

Тем не менее активное институциональное строительство и использование передового европейского опыта не привели к прорыву в сотрудничестве в рамках СИ. Во многих работах это объясняется отсутствием единых механизмов финансирования и управления программой. Изначально предполагалась, что при реализации программы будут применены уже существующие финансовые инструменты (TACIS, PHARE, INTERREG, SAPARD, ENPI и др.) [22]. На деле же использовалось преимущественно кредитное финансирование по линии Европейского банка реконструкции и развития, Северного инвестиционного банка, Северной экологической финансовой корпорации.

Вторая часто отмечаемая проблема — дублирование форматов сотрудничества на Севере Европы (СГБМ, СБЕР, Арктический совет, СМСС). Согласно первоначальному замыслу СИ должно было создать «добавленную стоимость» в рамках этих форматов, за которыми формально была закреплена роль акторов в рамках данной программы. Однако в реальности СИ в известной мере конкурировала с ними [21], превращаясь в своего рода «зонтик, под который искусственно вставлялись уже реализуемые в рамках других форматов проекты». [23] В результате власти приграничных регионов Северо-Запада более активно участвовали в работе тех институтов сотрудничества, которые получили надежный источник финансирования в виде программ соседства.

Третьей проблемой стала избыточная сфокусированность СИ на России, что вызывало недовольство стран Балтии и Польши [21]. Они лоббировали появление чисто европейского инструмента, который работал бы прежде всего на поддержку инициатив новых членов ЕС. В 2009 году таким инструментом стала Стратегия ЕС для региона Балтийского моря (СРБМ), которая рассматривалась ими как долгожданная возможность вывести Россию за скобки при решении «внутриевропейских вопросов» на Балтике [24]. При этом СИ все чаще воспринималась странами Балтии как своего рода внешняя опора этой стратегии, что не устраивало как российскую, так и финскую стороны [25].

Осознание накопленных проблем позволяло оценить сложившееся положение дел в СИ как кризисное [26]. После событий 2014 года ситуация стала еще сложнее. Хотя санкции ЕС против России сравнительно мало коснулись регионального и приграничного сотрудничества, из-за позиции стран Балтии не возобновлены регулярные встречи министров иностранных дел стран-участниц СИ, из-за чего намного сузились возможности стратегического планирования и разработки перспектив программы. Ограничены возможности финансирования входящих в нее проектов международными институтами. Переговоры с партнерами протекают трудно. Имеются сложности и в координации действий между российскими участниками: задача МИДа — обеспечить политические условия сотрудничества, но сами проекты должны быть предложены и реализованы экспертами соответствующих ведомств, которые не всегда проявляют в этом заинтересованность.

Тем не менее программа действует и приносит конкретные плоды. Принято решение о том, что российские средства, ассигнованные на участие в СИ, тратятся на территории России. Почти все проекты ПОПСИ реализованы в России и были направлены на охрану бассейна Балтийского моря путем строительства и реконструкции очистных сооружений и их элементов в крупнейших городах Северо-Запада: Сыктывкаре, Мурманске, Вологде, Новгороде, Калининграде и др. Самые крупные проекты осуществлены в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (Юго-Западные очистные сооружения, комплекс защитных сооружений от наводнений и др.). Довольно успешно идет сотрудничество в Партнерстве в области здравоохранения и социального благополучия и в Партнерстве в области культуры. Таким образом, налицо несовпадение между результатами сотрудничества и сложившимся в СМИ негативным имиджем СИ.

Федеральный дискурс: национальные интересы и «европейские ценности»

Характерные особенности и структура федерального медиадискурса о СИ во многом вытекают из наиболее существенных черт программы. Поскольку СИ — лишь одно из проявлений сложного комплекса отношений России и ЕС, оно рассматривается прежде всего в контексте общих отношений с Европейским союзом и имеет низкие показатели упоминаемости (рис.).

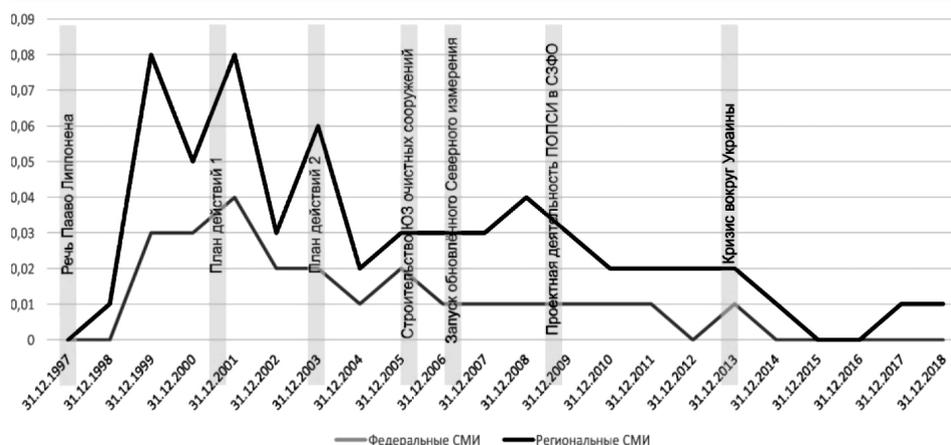

Рис. Относительная упоминаемость политики СИ в федеральной и региональной прессе, %

Другая особенность дискурса состоит в его относительно невысокой политизированности. Поэтому традиционное членение дискурса на коммунистический, национал-патриотический, либеральный и официальный в случае СИ выражено слабо. Программа упоминается лишь в нескольких статьях «Новой газеты» и «Советской России» и вообще не отражена в «национал-патриотической» «Завтра». Эти издания изначально ориентированы на хорошо известные для широкого читателя сюжеты. В «РГ» и «НГ» проекту уделялось куда больше внимания: соответственно 47 и 36 статей. «Российская газета» подавала информацию о СИ в формате репортажей с официальных мероприятий или интервью с официальными лицами. В «НГ» наряду с репортажами и интервью были помещены статьи экспертов, но дискурс большей частью совпадал с официальным, представленным в «РГ».

Изменение числа упоминаний о СИ в федеральной прессе коррелировало с основными этапами и событиями-«маркерами» в развитии проекта. На первом этапе, с 1997 по 2005 год включительно, когда СИ представляло собой политику ЕС на Севере Европы, можно выделить три таких события: запуск проекта в 1997 году, принятие первого (2000) и второго (2003) планов действий. На этот период пришелся пик интереса к СИ.

Второй этап (с 2005 года по настоящее время) связан с запуском «обновленного» СИ, ставшего общей программой России, ЕС, Норвегии и Исландии для Севера Европы. На этом этапе единственным значительным событием-«маркером» стало подписание Рамочного документа и Политической декларации в 2006 году. Интерес к проекту постепенно снижался (рис.).

Дискурсивные события и их меняющийся контекст создавали две основные сюжетные линии репрезентации и интерпретации СИ. Главная из них основывалась на широкой трактовке целей и задач программы, которая первоначально представлялась как проект полномасштабного сотрудничества между Россией и ЕС. В ее рамках СИ виделась одновременно и в контексте отношений России и ЕС, и как «инновационная альтернатива» им. В рамках другой сюжетной линии СИ рассматривалась как частный формат сотрудничества, позволяющий решать различные вопросы субрегионального уровня на Севере Европы и в сопредельных ей регионах Северо-Запада России.

На первом этапе главная сюжетная линия доминировала и в официальном, и в медиадискурсе особенно заметно. При этом цели проекта воспринимались в фе-

деральной прессе с позиций его значения для России: СИ направлено на «развитие экономических отношений с Россией прежде всего в области инфраструктуры, энергетики, экологии»¹. Несомненные достоинства нового формата виделись в его ориентированности на конкретный результат и в проектном подходе, что позволяло рассматривать СИ в качестве альтернативы сложившейся практике сотрудничества, зависимой от геополитической конъюнктуры, вне связи с обсуждением соответствия России «европейским ценностям» и «стандартам» демократии. Укрепление экономических основ интеграции с Европейским союзом позволяло надеяться на появление у СИ и политической составляющей².

Территориальная ограниченность программы Севером Европы и российским Северо-Западом не противоречила ее интерпретации в качестве канала широкоформатного диалога с ЕС. Наоборот, подчеркивалась историческая роль Северо-Запада России, который вновь должен был выполнить функцию «окна в Европу»³ в условиях, когда отношения с «ближайшими соседями в Восточной Европе — Украиной, Польшей и прибалтийскими государствами — складывались весьма противоречиво»⁴. Среди одиннадцати регионов Северо-Запада в контексте СИ наиболее часто упоминались Карелия и Калининградская область (свыше 70 % упоминаний российских территорий, вовлеченных в сотрудничество). Первый регион рассматривался как «калитка в Европу» и территория, важная для сотрудничества с Финляндией, второй — как потенциальная «лаборатория сотрудничества» между Россией и ЕС. На Санкт-Петербург приходилось не более 15 % упоминаний. В результате СИ представляла своего рода «новым Ганзейским союзом», который должен был сыграть «роль инструмента развития всего Северо-Запада»⁵ страны, способствуя более глубокой интеграции России с Европейским союзом.

В структуре дискурса о СИ важное значение имели и соседние страны Северной Европы (40 % упоминаний зарубежных территорий, вовлеченных в сотрудничество). При этом преимущественно позитивная оценка их вклада в сотрудничество определялась, во-первых, высоким уровнем жизни и специфической моделью социально-экономической организации общества, которая во многом считалась в России образцовой, во-вторых, приписываемой им ролью источника инноваций для модернизации России⁶, в-третьих, имиджем потенциального инвестора в экономику Северо-Западного и Арктического регионов России⁷ и потребителя их продукции. Наиболее заметной фигурой в дискурсе была Финляндия — непосредственный инициатор проекта, главный проводник для России «на пути в Европу». «Надежность» этого проводника объяснялась позитивным опытом деполитизированных контактов в советское время и ролью «эксперта по России», которую Финляндия могла бы играть в ЕС.

Однако с самого начала позитивные оценки программы соседствовали с резко критическими. Основой такой критики стала извечная двойственность отношений с Европой, что иллюстрировалось актуальной в те годы повесткой дня — бомбар-

¹ Десять лет не прошли даром // Независимая газета. 2003. № 195.

² Ветры перемен на Севере Европы // Независимая газета. 2001. № 5.

³ Партнерство с Финляндией открывает нам еще одно «окно в Европу» // Независимая газета. 2001. № 86.

⁴ Ветры перемен на Севере Европы // Независимая газета. 2001. № 5.

⁵ Страны Балтии нуждаются в России // Независимая газета. 2003. № 157.

⁶ Партнерство с Финляндией открывает нам еще одно «окно в Европу» // Независимая газета. 2001. № 86.

⁷ Опыт Севера // Независимая газета. 2001. № 44.

дивовками Югославии, поддержкой сепаратизма в Чечне, трудностями в ведении энергодиалога. Это определило и центральную идею критических материалов — недоверие декларируемым целям и задачам СИ. Серьезные опасения вызывала возможность полной или частичной утраты российского суверенитета над отдельными территориями Северо-Запада, которые в результате реализации программы потенциально все больше ориентировались бы на соседние страны ЕС. Некоторые критики СИ предполагали ослабление связей регионов с федеральным центром, что в дальней перспективе поставило бы под угрозу территориальную целостность страны⁸. Другие считали возможным выдвигание прямых территориальных претензий к России или же активизацию сепаратизма в отдельных регионах Северо-Запада. Так, «карельский вопрос» стал темой первой же статьи, посвященной СИ в «НГ»⁹. Предполагалось также, что на первых порах СИ могло способствовать созданию «в приграничной полосе некоей достаточно благополучной буферной зоны», которая в перспективе может получить статус «самоуправляемой территории по типу Аландских островов». В таком контексте даже совместный с Финляндией проект по созданию земельного кадастра Карелии представал подготовкой ее возможной аннексии¹⁰. В случае Калининграда СИ также впервые упоминалось в связи с опасениями утраты российского суверенитета над этой территорией¹¹.

Другим направлением критики было отсутствие конкретных результатов. На страницах газет вначале это объяснялось, во-первых, несопадением интересов ключевых участников по большинству составляющих проекта (см. табл. 1), а во-вторых, противодействием стран Балтии и Польши, готовившихся к вступлению в ЕС. Констатировалось, что даже по ключевой для всех участников программы энергетической тематике сотрудничество практически не двигалось. Освоение нефтегазовых месторождений упиралось в отсутствие европейских инвесторов, а проекты по развитию транспортной инфраструктуры (прежде всего Северо-европейский газопровод) не находили поддержки части членов ЕС¹².

К началу 2002 года в преддверии принятия второго Плана действий причины неудач СИ усматривали уже не в частных вопросах технического характера, а в фундаментальных основах отношений между Россией и ЕС. Во-первых, отмечалась возрастающая зависимость программы от политических претензий. Некоторые из них граничили с вмешательством во внутренние дела России. Так, «чеченский фактор» был «рычагом давления на переговорах с Москвой не только по экономическому будущему Калининградской области, но и превратился в препятствие для реализации СИ»¹³. Само же оно все меньше отличалось от других форматов отношений с ЕС, которые «внешне похожи на розы, на ощупь — шипы». Поэтому СИ «понекому затухало, сводясь все более к решению локальных экологических проблем»¹⁴.

Во-вторых, эксперты выражали беспокойство тем, что «результаты этой инициативы гораздо слабее, чем ожидалось»¹⁵. Отсутствие конкретных организацион-

⁸ Из Абердина видно лучше // Независимая газета. 1999. № 4.

⁹ Приладожье — земля раздора // Независимая газета. 1998. № 19.

¹⁰ По шкале Северного измерения // Независимая газета. 1999. № 77.

¹¹ См. например: Калининград интегрируют в ЕС // Независимая газета. 2001. № 29; Евронат на Калининград // Независимая газета. 2001. № 12.

¹² Где ляжет труба «Газпрома»? // Российская газета. 1999. № 249.

¹³ Дания играет с огнем? // Российская газета. 2002. № 205.

¹⁴ Нам мягко стелют, да жестко спать // Независимая газета. 2002. № 213.

¹⁵ Северное измерение нам поможет // Независимая газета. 2003. № 27.

ных и финансовых механизмов реализации намеченных планов приводило к тому, что «особого практического движения в рамках СИ не наблюдалось, и этот термин оставался больше политическим лозунгом, нежели руководством к действию»¹⁶.

На втором этапе СИ все больше представляло в качестве одного из элементов субрегионального сотрудничества на Севере Европы, прежде всего в Баренцевом регионе и регионе Балтийского моря. Эта тенденция наиболее заметна в «РГ», где почти половина статей этого периода посвящена частным проблемам: организации и финансированию партнерств, реализации наиболее успешных проектов¹⁷. Наблюдается «регионализация» дискурса: много статей посвящено строительству очистных сооружений в городах бассейна Балтийского моря (Санкт-Петербурге, Калининграде, Пскове и Вологде)¹⁸; «атомным» проектам в бассейне Баренцева моря. Новая репрезентация программы как субрегиональной объясняет общее снижение числа статей, полностью или частично посвященных СИ. В «НГ» обновленное СИ также рассматривалось как несомненный успех. Однако отмечалось, что превращение в региональную проекцию четырех общих с ЕС пространств придало СИ новый статус, но не сформировало для него стратегическую перспективу и конкретную повестку дня. Неопределенность конечных целей «дорожных карт» по формированию общих пространств сделала их своего рода инвентарным списком возможных направлений сотрудничества¹⁹.

Другим важным вопросом оставалась роль «ценностного фактора» в отношениях между Россией и ЕС²⁰. «Общие ценности» были одной из основных тем диалога между Москвой и Брюсселем, в отличие от двустороннего диалога между Россией и отдельными странами ЕС. Большинство авторов признавало, что трактовка в России прав и свобод граждан действительно давала Евросоюзу много поводов для разочарования. СИ — один из немногих форматов сотрудничества, где дискуссия о ценностях почти не поднималась, однако это не значило, что эта дискуссия на него не влияла. В результате ни статус СИ, ни равноправие партнеров не позволяли обсуждать любые значимые вопросы в обход дискуссии о ценностях²¹.

Под действием «дискуссии о ценностях» негативные коннотации в дискурсе затронули гораздо более широкий круг стран, чем в предыдущем периоде. Швеция вместе с Литвой стали рассматриваться прежде всего в качестве стран, инициировавших проект «Восточное партнерство», расценивавшийся как враждебный для России²². Именно Швеция особенно часто поднимала вопрос о соответствии России «европейским ценностям». Негатив преобладал и в отношении Норвегии, которая из «оплота северных ценностей» превратилась в дискурсе в «оплот США в Арктике»²³.

¹⁶ *Интересы России на Севере Европы: в чем они?* // Независимая газета. 2001. № 5.

¹⁷ *Тепло приходит с Севера* // Российская газета. 2011. № 123; *Дружба на бескрайнем Севере* // Российская газета. 2011. № 280; *Свежий ветер с Балтики* // Российская газета. 2013. № 75; *Балтийские эмоции* // Российская газета. 2013. № 122.

¹⁸ См., напр.: *Грант в воду* // Российская газета. 2008. № 158; *Шаг из замкнутого круга* // Российская газета. 2014. № 74; *До нас наследили — нам прибираться* // Российская газета. 2015. № 246.

¹⁹ *Без стратегического видения* // Независимая газета. 2006. № 270.

²⁰ Дискуссия о специфических «северных ценностях» практически не поднималась в прессе, однако широко обсуждалась в научном сообществе (подробнее см. [27]).

²¹ *Россию пытаются удержать в «ценностном» поле* // Независимая газета. 2008. № 77.

²² См., напр.: *Меню шведского стола* // Независимая газета. 2009. № 129; *Шведский сезон в ЕС* // Независимая газета. 2009. № 132.

²³ См. напр.: *Северный раздор* // Независимая газета. 2011. № 215.

В то же время по-прежнему позитивно трактовалась роль Финляндии как партнера, стремившегося сохранить прагматичное сотрудничество с Россией даже в условиях геополитических катаклизмов. Именно Финляндия, по мнению авторов «РГ», сумев преодолеть негативный исторический опыт контактов с СССР, способна донести до всех европейских стран идею выгоды деполитизированного сотрудничества с Россией²⁴.

Обсуждение СИ в общем контексте отношений России с ЕС, Финляндией и другими европейскими странами составляло главное отличие федерального дискурса от регионального.

Региональный дискурс о «Северном измерении»

В дискурсе СМИ Северо-Запада в отличие от многих других внешнеполитических сюжетов СИ уделялось немало внимания. Вполне естественно, что доля статей, посвященных СИ, в 2—4 раза превышала аналогичные показатели по федеральным СМИ (см. рис. на с. 82): Северо-Запад — площадка сотрудничества, региональные власти и некоммерческие организации выступают в качестве непосредственных участников СИ, ключевых лоббистов трансграничных контактов. В большинстве региональных изданий главный мотив сотрудничества — финансовая поддержка решения острых местных проблем зарубежными партнерами. Россия и ее регионы рассматривались не как полноценные субъекты сотрудничества, а скорее, как получатели помощи от европейских соседей. Такое видение не подразумевает стратегического подхода к СИ и осознания роли своего региона в субрегиональном сотрудничестве.

Несколько иной подход демонстрировали в первой половине 2000-х годов. СМИ Карелии («Карелия-Петрозаводск»), Санкт-Петербурга и Ленинградской области («Деловой Петербург»), Калининградской области («Калининградское независимое информационное агентство» и «АиФ в Калининграде»), опираясь на позицию местных властей, полемизировали о целях и задачах проекта. В Петербурге считали для города традиционной роль «окна в Европу», а с подачи региональной администрации видели себя российской «столицей «Северного измерения»»²⁵. В Калининградской области цели и задачи СИ вписывали в идею создания в регионе «лаборатории сотрудничества с ЕС».

Схожие идеи продвигались и в карельских СМИ, где в тот период во многом благодаря деятельности тогдашнего регионального министра по внешним связям В. А. Шлямина шла дискуссия о необходимости региональной трансграничной кооперации. Поскольку СИ было инициировано Финляндией, в Карелии надеялись на ее особое отношение и возможность сделать опыт сотрудничества с ней «модельным» для других регионов пограничья России и ЕС. Предполагавшееся в рамках первого плана действий развитие транспортной инфраструктуры давало основание рассчитывать на расширение транзитного потенциала республики, а также вовлечение в хозяйственный оборот новых месторождений полезных ископаемых. Наконец, став частью формирующегося «пояса добрососедства», Карелия могла бы,

²⁴ См. напр.: *Лес, верфи и технопарки* // Российская газета. 2009. № 99.

²⁵ Инициатива СИ в экспертных и научных кругах Петербурга вызвала большую полемику, которая, впрочем, не оказала заметного влияния на дискурс исследуемых изданий (см. подробнее [27—29]).

по мнению местных экспертов, получить дополнительную выгоду от совместного пространственного планирования, не отказываясь при этом от изменения существующего режима государственной границы²⁶.

Такую позицию, доминировавшую в региональном дискурсе, разделяли далеко не все местные эксперты. Как и в федеральной прессе, в некоторых статьях были выражены опасения возможных территориальных притязаний Финляндии²⁷, в других — недовольство недостатком практической направленности²⁸ программы и неравноправием партнеров²⁹.

После 2005 года в региональных изданиях аналитические статьи, посвященные СИ, больше не появлялись, и в дискурсе преобладали исключительно информационные сообщения в сугубо местном контексте. Программа упоминалась в статьях о региональных экологических проблемах или реконструкции городских водопроводов. Основное внимание фокусировалось на программах приграничного сотрудничества, которые в отличие от СИ получили надежные инструменты финансирования и оказались наполнены конкретными проектами.

Заключение

Влияние дискурса на политические решения отмечено во многих работах по критической геополитике. Трансграничные регионы, созданные «сверху» на Северо-Западе Европы с участием России, оказались устойчивыми к геополитическим кризисам и существуют уже почти 30 лет. Благодаря различным международным программам сформировались партнерские сети, между которыми налажено взаимовыгодное сотрудничество: таким образом, возникшие в результате политических решений трансграничные регионы постепенно становятся «функциональными». Вместе с тем опыт СИ показывает, что границы таких регионов подвижны, расплывчаты и зависят от общего политического климата и степени заинтересованности стран-членов в деятельности региональной организации.

Определить влияние дискурса на политические решения в программе СИ в первые годы ее деятельности было нелегко ввиду его многомерного характера: не всегда ясно, какой именно, чей дискурс доминирует. К настоящему времени СИ почти полностью исчезло из поля зрения федеральных СМИ, занятого дебатами по гораздо более крупным проблемам: «сдвигом на восток», отношениям между Россией и ЕС, Россией и коллективным Западом.

В дискурсе о СИ отражена сложная функциональная и институциональная природа программы. Она всегда составляла часть сложного комплекса отношений между Россией и ЕС, поэтому дискурсы о СИ и отношениях с ЕС имеют много общего: это и их эволюция от «романтизма» к прагматизму, от идеи ассоциации к секторальному сотрудничеству, от мотивов европеизации к суверенизации и «развороту на Восток».

²⁶ См., напр. *Шлямин В.* Окно в Европу через Карелию // Петрозаводск. 1999. № 39; *Шлямин В.* К концепции социального экономического развития Республики Карелия на 1998—2001 гг. // Петрозаводск. 1998. № 48; *Гнетнев К.В.* Пространственной мышление. Приграничное сотрудничество: политический аспект // Петрозаводск. 2001. № 11.

²⁷ *Фарутин А.* Чему нас учит горький опыт... // Петрозаводск. 2003. № 4; *Фарутин А.* Границы нерушимы. Кому не дает покоя карельский вопрос // Петрозаводск. 2003. № 10; *Бэкман Й.* Резоны создания «буферной зоны» // Петрозаводск. 2003. № 79; *Фарутин А.* Опыт партнерства в трех степенях. Что же мы будем делить с финнами — «общий пирог» ресурсов или шкуру неубитого медведя? // Петрозаводск. 2003. № 11.

²⁸ *Мосунов А.* Еврорегион «Карелия»: вопросы остаются. Петрозаводск. 1999. № 69.

²⁹ *Савахи для Северо-Запада* // Петрозаводск. 2001. № 67.

В то же время СИ весь период своего существования представляло «альтернативным каналом связи» с ЕС, использование которого должно было привести к прорыву в отношениях и создать необходимую основу для полномасштабного сотрудничества. Такое восприятие СИ приводило к завышенным ожиданиям от проекта и разочарованию его скромными результатами. Несоответствие между ожиданиями, формируемыми дискурсом, и результатами сотрудничества можно считать одной из причин сложившегося представления о том, что проект находится в состоянии кризиса.

Однако если кризис формата и есть, то он тоже во многом имеет дискурсивную природу. С 2006 года СИ официально стало региональным воплощением четырех «общих пространств». Такой подход хотя бы отчасти объяснял, чем взаимодействие в рамках партнерств СИ отличается от сотрудничества в четырех региональных советах, в чем состоит основа объединения партнерств между собой. Ныне национальные институты, формулирующие основы политики СИ, задавая ориентиры для других уровней, заняты общими вопросами отношений между Россией и ЕС, обеспечением безопасности, энергетикой и т.п. Однако именно контакты на региональном и местном уровнях, между отдельными участниками сотрудничества играют ключевую роль в укреплении разных форм доверия между сторонами — основанного на рациональном выборе, социально-культурной общности и личных отношениях [27]. Доверие, в свою очередь, — главное условие устойчивости сотрудничества.

Кризис во взаимодействии между Россией и ЕС не только похоронил идею строительства четырех общих пространств, но и заморозил сотрудничество в высших управляющих органах СИ. В результате национальные и наднациональные акторы страдают от стратегической неопределенности, а программа превращается в набор слабо связанных между собой институтов.

Это, впрочем, не означает, что СИ не имеет будущего. Оно зависит от общих перспектив отношений между Россией и ЕС. Нынешняя ценность СИ определяется тем, что оно вместе с другими региональными форматами сотрудничества создает «страховочную сеть», которая, с одной стороны, не дает упасть межгосударственным отношениям ниже критического уровня, а с другой — служит площадкой неформального диалога и позволяет сохранить позитивный потенциал взаимодействия, который может стать опорой для восстановления политических отношений в будущем.

Исследование выполнено в Институте географии в рамках работы над ГЗ ИГ РАН (0148-2019-0008, АААА-А19-119022190170-1). Теоретический раздел подготовлен в рамках работы над Программой Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов», проект «Внешние факторы в развитии регионов и крупных городов России. Межгосударственная интеграция на евроазиатском пространстве»). Полевой этап исследования, включая интервью, а также сбор и обработка материалов проводились на средства проекта Kone Foundation «Northern Dimensions of European Union Actorness. — The case of Finland and Russia»

Список литературы

1. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.
2. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Трансграничная регионализация в условиях глобализации // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 103—114.
3. Bialasiewicz L. The uncertain state(s) of Europe? // European Urban and Regional Studies. 2008. Vol. 15. P. 71—82.

4. Newman D. The lines that continue to separate us: borders in our 'borderless' world // Progress in Human Geography. 2006. Vol. 30. P. 143—161.
5. Scott J. (ed.). EU enlargement, region-building and shifting borders of inclusion and exclusion. Aldershot, 2006.
6. Кондратьева Н. Б. Россия — ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4. С. 33—47.
7. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 55—63.
8. Van Hamme J., Grasland C. Divisions of the world according to flows and networks // Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société. 2011. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654535> (дата обращения: 29.08.2019).
9. Fawcett L. Regionalism from an Historical Perspective // The Global Politics of Regionalism. L., 2005. P. 21—37.
10. Scott J. W. Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics // TRAMES. 2009. Vol. 63. P. 1—16.
11. O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and Discourse. Practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political Geography. 1992. Vol. 11. P. 190—204.
12. O'Tuathail G. Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U. S. Bosnia Policy in 1992 // Political Geography. 2002. Vol. 21, № 5. P. 601—628.
13. Dalby S., O'Tuathail G. Rethinking Geopolitics. L., 1998.
14. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 23—33.
15. Макарычев А. С. Россия и Евросоюз: дискурсивные диссонансы // Космополис. 2007. № 2. С. 132—148.
16. Müller M. Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: Towards discourse as language and practice // Political Geography. 2008. Vol. 27. P. 322—338.
17. Колосов В. А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31—52.
18. Деркач М. А. Программа «Северное измерение» и интересы России // Политические исследования. 2002. № 1. С. 170—175.
19. Шлямин В. А. Россия в «Северном измерении». Петрозаводск, 2002.
20. Энтин М. «Северное измерение» в контексте отношений РФ-ЕС // Вся Европа. 2006. № 4. URL: <http://www.alleurpa.mgimo.ru/severnoe-izmerenie-v-kontekste-otnosheniy-rf-es> (дата обращения: 11.07.2019).
21. Aalto P., Blakkisrud H., Smith H., eds. The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. Brussels, 2008.
22. Александров О. Б. «Северное измерение»: новая форма или новое содержание? // Космополис. 2008. № 2(21). С. 95—104.
23. «Северное измерение»: роль и место России // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение : сб. матер. заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. М., 2006. С. 300—318.
24. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37—47.
25. Косов Ю. В., Грибанова Г. И. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. № 2. С. 48—66.
26. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы России // Балтийский регион. 2010. № 46. С. 115—126.
27. Ланко Д. А. Становление региона «Северного измерения» как приоритета внешней политики центров силы в Балтийском регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 4. С. 107—110.
28. Ткачев Г., Чуров В. «Северное измерение» в контексте общего развития Европы: взгляд из Петербурга. СПб., 2001. URL: http://www.leontief.ru/rnsc/eng/programs/ndim_doc1_1.htm (дата обращения: 03.02.2010).
29. Чуров В. Е. Северное и южное измерение: от соперничества к сотрудничеству. СПб., 2001. URL: <http://www.journal.leontief.net/rus/churov.html> (дата обращения: 03.02.2010).
30. Koch K. The Spatiality of Trust in EU External Cross-Border Cooperation // European Planning Studies. 2017. Vol. 26, № 3. P. 591—610.

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заместитель директора, Институт географии РАН, Россия; профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vladimirkolosov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: asebentsov@igras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

REGIONALISATION IN NORTHERN EUROPE AND THE NORTHERN DIMENSION IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

V.A. Kolosov^{a, b}

A.B. Sebentsov^a

---

^a Institute of Geography Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny Per., Moscow, Russia, 119017

^b Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 30 August 2019.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-5

© Kolosov V. A., Sebentsov A. B., 2019

The progress and sustainability of international cross-border region formation is a major concern for Russia, a country bordering sixteen states. In the early 2000s, the development of regions with Russian participation was at its height in northwestern Europe. Cross-border regions arise both naturally, stemming from various functional relations, and as a result of political decisions. In the latter case, political discourse is an important factor in successful region-building. The Northern Dimension (ND) programme, which was launched in 1997, embodied the principle of depoliticised cooperation — Europe's 'new regionalism'. This article aims to evaluate the role of the ND in the federal and regional political discourse of 1997–2016, to determine its place among other cross-border cooperation projects, and to follow changes in the understanding of its goals. The study relies on data from the Integrum agency, which has built up the most comprehensive digital archive of federal and regional printed and online media. The federal discourse on the ND reflected the whole set of relations between Russia and the EU. The idea about the crisis of the programme came from the discrepancy between the expectations aroused by political discourse and the actual results of cooperation. The study shows the ND-related discourse changed over the study period and stresses profound differences between federal and regional discourses.

Keywords:

supranational regions, Russia, EU, Northern Dimension, political discourse

---

To cite this article: Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2019, Regionalisation in Northern Europe and the Northern Dimension in Russian political discourse, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no 4, p. 76–92. doi: 10.5922/2078-8555-2019-4-5.

References

1. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2009, Trans-Border Regions in the System of the Regional Hierarchy: the Systemic Approach, *Balt. Reg.*, no 2, p. 26—33. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-3>.
2. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2010, Transborder regionalisation in the conditions of globalisation, *Balt. Reg.*, no 2, p. 92—102. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-4-10>.
3. Bialasiewicz, L. 2008, The uncertain state(s) of Europe? *European Urban and Regional Studies*, Vol. 15, p. 71—82. Doi: <https://doi.org/10.1177/0969776407081279>.
4. Newman, D., 2006, The lines that continue to separate us: borders in our ‘borderless’ world, *Progress in Human Geography*. Vol. 30, p. 143—161.
5. Scott, J. (ed.) 2006, *EU enlargement, region-building and shifting borders of inclusion and exclusion*, Aldershot, Ashgate.
6. Kondrateva, N.B. 2014, Russia-EU: cross-border cooperation outside the conjuncture, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no 4, p. 33—47. Doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope420143347> (in Russ.).
7. Busygina, I.M., Filippov, M.G., 2009, Northern Dimension: Participant Strategies, *Balt. Reg.*, no 1, p. 47—53. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-1-5>.
8. Van Hamme, J., Grasland, C. 2011, Divisions of the world according to flows and networks, *Archive ouverte en Sciences de l’Homme et de la Société*, available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654535> (accessed 29.08.2019).
9. Fawcett, L. 2005, Regionalism from an Historical Perspective, *The Global Politics of Regionalism*, London, Pluto Press, p. 21—37.
10. Scott, J.W. 2009, Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics, *TRAMES*, Vol. 63, p. 1—16.
11. O’Tuathail, G., Agnew, J. 1992, Geopolitics and Discourse. Practical geopolitical reasoning in American foreign policy, *Political Geography*, Vol. 11, p. 190—204.
12. O’Tuathail, G., 2002, Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U.S. Bosnia Policy in 1992, *Political Geography*, Vol. 21, no. 5, p. 601—628.
13. Dalby, S., O’Tuathail, G. 1998, *Rethinking Geopolitics*, London, Routledge, 333 p.
14. Medvedev, S. 2008, Discourses of alienation: “sovereignty” and “europeanization” in Russia-EU relations, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 10, p. 23—33 (in Russ.).
15. Makarychev, A.S. 2007, Russia and the European Union: discursive dissonances, *Kosmopolis*, no. 2, p. 132—148 (in Russ.).
16. Müller, M. 2008, Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: Towards discourse as language and practice, *Political Geography*, no. 27, p. 322—338.
17. Kolosov, V.A. 2011, Critical geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia, *Politicheskaya nauka* [Political Science], no 4, p. 31—52 (in Russ.).
18. Derkach, M.A. 2002, The Northern dimension programme and Russian interests, *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], no 1, p. 170—175 (in Russ.).
19. Shlyamin, V.A. 2002, *Rossiya v “Severnom izmerenii”* [Russia in “Northern Dimension”], Petrozavodsk, Izdatel’stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russ.).
20. Entin, M. 2006, “Northern dimension” in the context of Russia-EU relations, *Vsya Evropa* [All Europe], no. 4 (in Russ.).
21. Aalto, P., Blakkisrud, H., Smith, H. (eds.) 2008, *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*, Brussels, Centre for European Policy Studies, 237 p.
22. Alexandrov, O.B. 2008, “Northern dimension”: a new form or a new content? *Kosmopolis*, no. 2, p. 95—104 (in Russ.).
23. The Northern dimension: Russian role and place, 2006, *Rossiya v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie. Sbornik materialov zasedanii Ekspertnogo soveta Komiteta Soveta Federatsii po mezhdunarodnym delam* [Russia in the new century: the foreign policy dimension. Proceedings of meetings of the Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs], Moscow, p. 300—318 (in Russ.).

24. Bolotnikova, E.G., Mezhevich, N.M. 2012, The Northern Dimension and the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regionological journal], no. 13, p. 37—47 (in Russ.).

25. Kosov, Yu.V., Gribanova, G.I. 2016, EU Strategy for the Baltic Sea Region: Challenges and Perspectives of International Cooperation, *BALT. REG.*, no. 2, p. 33—44. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-2-3>.

26. Bolotnikova, E.G., Mezhevich, N.M. 2010, The Northern Dimension policy: current state and development prospects, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 103—113. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-4-11>.

27. Lanko, D.A. 2010, Formation of the “Northern dimension” region as a priority of the foreign policy of the centers of power in the Baltic region, *Vestnik SPbGU. Seriya 6: Politologiya, Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6: Political Science, International Relations.], no. 4, p. 107—110 (in Russ.).

28. Tkachev, G., Churov, V. 2001, Northern Dimension in the context of common development of Europe: view from Saint-Petersburg, *Leont'evskii tsentr* [Leontief Center], available at: http://www.leontief.ru/rnsc/eng/programs/ndim_doc1_1.htm (accessed 03.02.2010) (in Russ.).

29. Churov, V. 2001, Southern and Northern Dimensions: from competition to cooperation], *Leont'evskii tsentr* [Leontief Center], available at: <http://www.journal.leontief.net/rus/churov.html> (accessed 03.02.2010) (in Russ.).

30. Koch, K. 2017, The Spatiality of Trust in EU External Cross-Border Cooperation, *European Planning Studies*, Vol. 26, no. 3, p. 591—610.

The authors

Prof Vladimir A. Kolosov, Deputy Director, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Dr Alexander B. Sebentsov, Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: asebentsov@igras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

А. И. Костяев

Северо-Западный научно-исследовательский институт
экономики и организации сельского хозяйства,
196608, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, ш. Подбельского, 7

Поступила в редакцию 26.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-6
© Костяев А. И., 2019

Статья посвящена исследованию сельских территорий северо-западного приграничья в пределах муниципальных районов и городских округов первой линии от сухопутной границы России. Цель исследования — установление проблем развития данных территорий и поиск путей их решения. Методология — неозндогенный подход, предполагающий максимальное использование внутренних ресурсов территорий на основе концепции многофункциональности, инициативы «снизу» при поддержке ее органами власти «сверху», широкого использования инноваций, интернет-сетей и научных знаний. Исследование ориентировано на учет неоднородности сельских территорий с оценкой ее путем установления типологии районов по структуре сельскохозяйственного производства с использованием индекса Холла — Тайдмана. Определено место приграничных районов в соответствующих субъектах Федерации по ряду основных индикаторов. В зависимости от структуры аграрного производства выделены три типа районов: с доминированием сельскохозяйственных организаций, с доминированием хозяйств малых форм, с сочетанием тех и других. Установлены различия в динамике производства между типами районов. Выделены общественно значимые функции сельских территорий применительно к их выполняющим хозяйствующим субъектам. На основе анализа рекреационных ресурсов районов приграничья установлены направления трансформации сельских территорий в потребительские пространства с учетом существующих географических образов. Основные пути развития сельских территорий определены, исходя из принципов неозндогенного подхода, и дифференцированы по выделенным типам районов. Сделан вывод, что сельские территории северо-западного приграничья обладают разнообразным и уникальным ресурсным потенциалом, достаточным для обеспечения их устойчивого развития на основе неозндогенного подхода.

Ключевые слова:

сельское развитие, функции, многофункциональность, географический образ, имидж, бренд, неозндогенный подход

Введение

Сельские территории приграничных районов, как правило, по отношению к центрам регионов или крупным промышленным пунктам являются дальней периферией, с более низкой плотностью населения и степенью хозяйственной освоенности

Для цитирования: Костяев А. И. Сельские территории северо-западного российского приграничья: проблемы и пути развития // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 93–113. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-6.

территории, специфичной демографической обстановкой и другими особенностями. Значительная часть приграничных районов находится в состоянии депрессии при наличии в них разнообразных ресурсов для своего развития.

В последнее время опубликован ряд научных статей [1—5 и др.], посвященных исследованию приграничных территорий Российской Федерации, которые рассматриваются, как правило, на мезоуровне, что не позволяет в полной степени отразить их специфику. Работы о развитии приграничных сельских территорий на микроуровне, в том числе для северо-западного российского приграничья, практически отсутствуют. В отношении других регионов в научной литературе упор делается на механизмы трансграничного сотрудничества [6; 7].

В современных условиях, при усложнении межгосударственных отношений, когда границы России утрачивают контактные функции, трансграничное сотрудничество вряд ли следует рассматривать в качестве основы развития приграничных сельских территорий. При этом «на российских границах процесс трансграничного регионообразования протекает довольно вяло» [8, с. 86]. Исходя из сказанного, основной упор в статье сделан на поиск внутренних факторов развития сельских территорий приграничья на микроуровне с использованием имеющихся общих научных подходов к решению данной проблемы.

В отечественной науке исследование сельских территорий ведут представители разных отраслей знаний: экономисты-аграрники [9—15], социологи [16—20], географы-обществоведы [21—24].

Проблемы сельского развития экономисты-аграрники увязывают с сельскохозяйственным производством, социологи — с формированием человеческого и социального капитала. Географы изучают сельскую местность, преимущественно через процессы трансформации расселения. Особое внимание при этом уделяется садово-дачным поселкам горожан, их рекреации, «дачеведению» [21—23]. Интересным является «Угорский проект» — мониторинг трансформации сельской жизни с погружением в социальную среду деревни [22]. Многие географические исследования осуществляются на междисциплинарной основе [17; 20; 22], что дает положительный результат. Тем не менее в большинстве случаев изучение сельских территорий носит «цеховой» характер, представители различных наук используют разные методологические подходы и разрозненный терминологический и понятийный аппарат.

Следует отметить, что вопросы развития сельских территорий системно исследуются за рубежом, и это достаточно хорошо видно из ряда научных публикаций. Так, в сборнике «Rural Planning and Development» в обобщенном виде рассматриваются «ключевые концепции развития сельских районов, включая широкий спектр опубликованных источников» [25]. В зарубежной печати в последние десятилетия развернулась дискуссия относительно смены парадигмы сельского развития и поиска его новых направлений [26]. В определенной степени это поддерживается и российскими учеными [15; 16]. При этом предлагается заменить экзогенный подход, опирающийся на внешние факторы сельского развития, на эндогенный, базирующийся на максимальном использовании локальных ресурсов сельских территорий. В этом случае упор делается на территориальное, а не отраслевое (секторальное) развитие сельских районов со всеми вытекающими отсюда последствиями [27]. Вместе с тем научные поиски новых путей сельского развития продолжаются. Выдвинутая ранее концепция неэндогенного развития в настоящее время подвергается пересмотру [28]. Особое внимание уделяется брендингу сельских территорий [29], их многофункциональности [30; 31], концепции «сельских сетей» [26; 32], роли социального капитала в сельском развитии [32; 33].

Рассматриваются и другие вопросы теории развития сельских территорий, которые будут нами использованы при решении обозначенной проблемы. Акцент ставится на сельскохозяйственное производство, остающееся основным видом хозяйственной деятельности на территории, где проживают более 80 % населения северо-западного приграничья.

Цель исследования — установление проблем развития сельских территорий северо-западного приграничья и поиск путей их решения в обозримой перспективе.

Задачи исследования:

1. Определение места приграничных районов в соответствующих субъектах Федерации по базовым индикаторам.

2. Выделение общественно значимых функций сельских территорий.

3. Диагностика неоднородности сельских территорий по условиям и результатам выполнения производственной функции.

4. Поиск маркетинговых решений для реализации непроектных функций сельских территорий.

5. Обоснование направлений развития сельских территорий приграничных районов в обозримой перспективе.

Методология исследования

Методология исследования базируется на неоздоженном подходе к развитию сельских территорий, предполагающем мобилизацию внутренних ресурсов приграничных районов «снизу» и поддержку местных инициатив «сверху». Неоздоженный подход формирует представление о сельских территориях как о потребительских пространствах, исходя из концепций многофункциональности и территориального брендинга, при широком использовании инноваций, интернет-сетей, научных знаний.

Материалами для статьи послужили база данных Росстата, результаты собственных исследований, содержание интернет-сайтов, теоретические положения российских и зарубежных ученых.

Диагностика неоднородности сельских территорий в аграрном производстве осуществляется на основе типологии районов по структуре сельскохозяйственного производства с использованием индекса Холла — Тайдмана, отражающего степень его концентрации в каждой из категорий хозяйств: в сельскохозяйственных организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах или хозяйствах населения [34].

В дополнение при типологии используется метод генерализации. В качестве результирующих показателей, отражающих влияние неоднородности сельских территорий на их развитие, применяются коэффициенты среднегодовых темпов прироста объемов производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах.

Приграничные районы Северо-Запада и их место в соответствующих субъектах Федерации

Приграничные сельские территории Северо-Запада России представлены 29 районами четырех субъектов Федерации (Республики Карелия, Калининградской¹, Ленинградской, Мурманской и Псковской областей), граничащих с Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Беларусью.

¹ В Калининградской области не рассматриваются Зеленоградский и Мамоновский районы в силу их специфики.

На приграничные районы приходится в целом по субъектам Федерации свыше трети площади их территории и 24 % численности сельского населения при более низкой его плотности (табл. 1).

Таблица 1

**Место приграничных районов
в соответствующих субъектах Российской Федерации
по площади территории, численности сельского населения и его плотности,
на 1 января 2019 года**

Субъект Российской Федерации	Доля приграничных районов в показателях по субъекту РФ, %		Плотность сельского населения, чел. на км ²	
	В площади территории	В численности сельского населения	Субъект РФ	Приграничные районы
Республика Карелия	41,9	28,1	0,7	0,4
Калининградская область	50,3	40,6	14,8	12,0
Ленинградская область	15,7	15,3	7,9	7,6
Мурманская область	37,9	42,9	0,4	0,4
Псковская область	27,3	26,8	3,3	3,2
<i>Всего</i>	34,7	24,0	2,6	1,8

Составлено на основе данных Росстата².

При этом выделяется Калининградская область, на долю приграничных районов которой приходится половина площади ее территории и более 40 % сельского населения при самой высокой его плотности среди всех рассматриваемых регионов.

В аграрном производстве место приграничных районов определено с использованием показателей площадей сельхозугодий, посевов всех сельскохозяйственных культур и объемов производства продукции сельского хозяйства (табл. 2).

В целом по рассматриваемым регионам Северо-Запада на приграничные районы приходится около одной трети сельхозугодий, посевных площадей и производимой продукции сельского хозяйства. В значительной степени эти показатели формируются за счет Калининградской области. Здесь сосредоточено 63 % посевных площадей и производится треть всей продукции сельского хозяйства северо-западного приграничья.

Из сопоставления данных таблиц 1 и 2 следует, что приграничные районы при меньшей доле численности сельского населения (24 %) производят одну треть продукции сельского хозяйства, что указывает на значимость их сельских территорий для сельскохозяйственного производства большинства соответствующих субъектов Федерации. Динамика показателей отражает тенденцию роста доли приграничных районов в соответствующих регионах в производстве продукции сельского хозяйства и снижения — в обеспеченности сельхозугодиями и посевными площадями при росте эффективности использования земельных ресурсов.

² База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

Таблица 2

Доля приграничных районов в соответствующих субъектах Российской Федерации по площади сельхозугодий, посевам сельскохозяйственных культур и объемам производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, %

Субъект Российской Федерации	Площадь сельхозугодий		Посевные площади всех сельскохозяйственных культур		Продукция сельского хозяйства	
	2006	2016	2006	2016	2008	2017
Республика Карелия	31,9	23,4	22,1	6,2	18,7	17,4
Калининградская область	58,3	63,2	61,9	65,5	48,4	50,7
Ленинградская область	18,4	16,2	17,7	16,7	15,7	17,0
Мурманская область	92,4	44,8	47,1	47,7	59,4	59,9
Псковская область	26,5	20,8	20,9	19,1	20,0	56,6
<i>Всего</i>	32,9	29,4	35,2	33,8	24,9	32,8

Составлено автором за 2006 и 2016 гг. на основе данных³, за 2008 и 2017 гг. на основе данных⁴.

Многофункциональность сельских территорий

Термин «функция места» был введен известными географами А.А. Минцем и В.С. Преображенским в 1970 году. Под функцией места они понимали некоторую часть географического пространства, «которая несет (или может нести) определенную функцию в жизни (деятельности) общества и, следовательно, удовлетворяет (или может удовлетворять) определенную потребность общества (части общества, человека)» [35, с. 120]. При этом отмечалось, что «место может нести множество функций, как одновременно, так и последовательно» [Там же], то есть быть многофункциональным.

Идея многофункциональности относительно сельских территорий была озвучена в СССР в 1980 году Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной и др., которые предложи-

³ *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Республика Карелия. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/census_and_researching/census/national_census_2006/score_2006/35; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Республика Карелия. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/census_and_researching/census/national_census_2016/score_2016; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года на территории Калининградской области. URL: https://kaliningrad.gks.ru/All_Russian_Agricultural_Census_2006; *Окончательные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года на территории Калининградской области. URL: https://kaliningrad.gks.ru/All_Russian_Agricultural_Census_2016; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Ленинградская область. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/census_and_researching/census/national_census_2006/score_2006; *Окончательные* итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Итоги по Ленинградской области. URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/33448>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Мурманская область. URL: <http://www.gks.ru/news/perepis2006/totals-osn.htm>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Мурманская область. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2016/score_2016; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Псковской области URL: <https://pskovstat.gks.ru/vshp2006>; *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Псковской области. URL: <https://pskovstat.gks.ru/vshp2016>.

⁴ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

ли кроме производственной функции сельского хозяйства выделять рекреационную, а также функции социального контроля над территорией и воспроизводства населения [36].

Современный неэндогенный подход к развитию сельских территорий предполагает их рассмотрение, исходя из концепции многофункциональности, то есть с позиций не только производства продукции, но и выполнения ими иных общественно значимых функций. При этом сельские территории представляются как потребительские пространства, где произведенные на них товары и услуги имеют потребительскую стоимость и могут продаваться.

Проблему многофункциональности сельского хозяйства и сельских территорий достаточно подробно рассмотрели современные отечественные исследователи [11 — 13], обобщение подходов которых было осуществлено нами в одной из публикаций [15, с. 7].

Не вдаваясь по данному вопросу в дискуссию, считаем, что сельским территориям приграничных районов присущи производственная, демографическая, социальная, рекреационная, экологическая функции; функции контроля над территорией, поддержания и сохранения природных и культурных ландшафтов, сохранения объектов историко-культурного наследия, расположенных на сельских территориях.

Функция контроля над территорией для приграничных районов имеет особое значение и свою специфику, так как здесь находится пограничная зона, где существует особый режим передвижения людей и ведения хозяйственной деятельности.

Производственная функция в пределах сельских территорий выполняется в аграрной сфере традиционными категориями хозяйств: сельскохозяйственными организациями (СХО), крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (КФХ) и хозяйствами населения (ХН), а в лесном хозяйстве — леспромхозами (ЛПХ). Производственная функция свойственна и бизнес-структурам в различных сферах деятельности материального производства, базирующегося на местных ресурсах.

Лесничества, лесхозы (ЛХ) и особо охраняемые природные территории (ООПТ) выполняют целый ряд важных функций: контроля над территорией, сохранения природных и культурных ландшафтов, рекреационную и экологическую (табл. 3).

Таблица 3

Распределение функций сельских территорий по хозяйствующим субъектам

Функция	СХО, КФХ, ХН и др.	ЛПХ	Лесничества, ЛХ, ООПТ	Муниципальные организации	Бизнес- структуры
Производственная	+	+	-	-	+
Демографическая	-	-	-	+	-
Контроль над территорией	+	-	+	+	-
Сохранение природных и культурных ландшафтов	+	-	+	-	-
Социальная	+	+	+	+	+
Сохранение историко-куль- турного наследия	-	-	-	+	-
Рекреационная	+	-	+	+	+
Экологическая	+	-	+	+	-

Выполнение производственной функции хозяйствующими субъектами зависит как от спроса на соответствующую продукцию, так и от наличия имеющихся на сельских территориях ресурсов.

Производственная функция сельских территорий. Дифференциация приграничных районов

При изучении производственной функции сельских территорий осуществлена типология приграничных районов на основе индекса концентрации объемов производства в хозяйствах каждой из категорий, исходя из структуры сельскохозяйственного производства.

Данная типология для оценки ситуации и обоснования перспектив развития сельских территорий имеет принципиальное значение, так как каждая из категорий характеризуется свойственным ей набором признаков: масштабом, интенсивностью, товарностью, конкурентоспособностью производства. Концентрация на той или иной территории хозяйств одной категории определяет весь уклад жизни на ней, организацию производственной и социальной сферы.

Расчеты индекса Холла — Тайдмана и последующая генерализация полученных результатов позволили выделить три типа районов в зависимости от особенностей структуры сельскохозяйственного производства: I тип — с доминированием СХО; II тип — с доминированием хозяйств малых форм; III тип — с сочетанием СХО и хозяйств малых форм.

Данная типология районов показывает, что практически в равных пропорциях разделяются площади сельских территорий и численность сельского населения между I и III типами, суммарно составляя от итога соответственно 31,5 и 84,5 % (табл. 4).

Таблица 4

Типология приграничных районов Северо-Запада в зависимости от структуры сельскохозяйственного производства, на 1 января 2019 года*

Тип района	Число районов	Средняя плотность сельского населения в группе, чел./км ²	Площадь территории		Численность сельского населения	
			Тыс. км ²	Доля в % от итога	Тыс. чел.	Доля в % от итога
I	6	7,5	15,1	14,0	113,5	41,6
II	8	1,5	76,0	70,7	42,5	15,6
III	10	7,1	16,4	15,3	117,0	42,9
<i>Всего</i>	24	2,5	107,5	100	273,0	100

*Без Мурманской области

Составлено автором на основе данных⁵.

Аграрное производство в районах выделенных типов имеет различные тренды развития, что показано на рисунке.

⁵ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

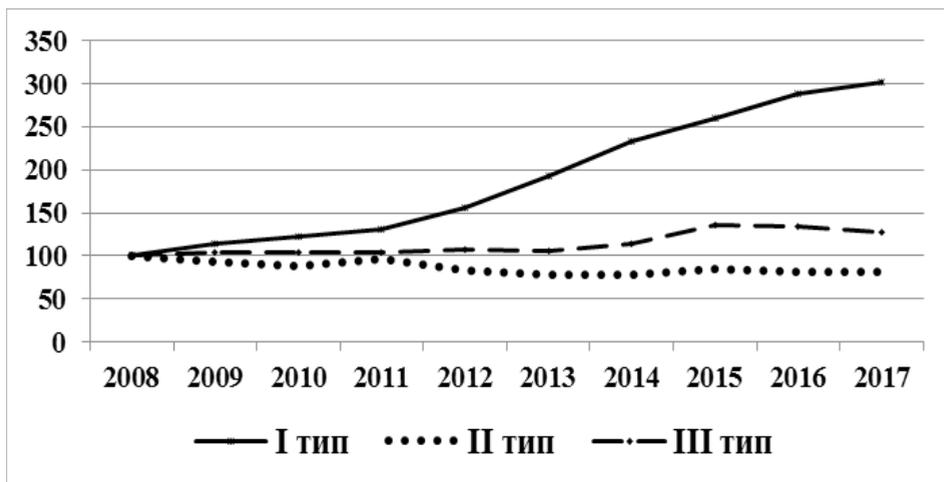

Рис. Динамика объемов производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий по типам приграничных районов Северо-Запада, выделенным по структуре производства, 2008 год = 100 %

Составлено автором на основе данных ⁶.

В районах I типа объемы производства продукции сельского хозяйства за анализируемый период выросли в 3 раза, что повысило их долю в итоговых показателях по всем районам на 21 процентный пункт за счет снижения удельного веса районов III типа на 16 и II типа на 5 процентных пунктов.

Основной прирост продукции в районах I типа обеспечивался крупными холдинговыми структурами, специализирующимися на выращивании и откорме свиней и производстве яиц. К сожалению, обеспечение высоких темпов роста объемов продукции за счет эффекта масштаба имеет негативные последствия для сельских территорий из-за концентрации производства на локальной территории.

1. Крупные животноводческие комплексы оказывают отрицательное воздействие на окружающую природную среду, формируя при этом и негативную социальную ситуацию.

2. В связи с мерами по предотвращению распространения инфекционных заболеваний типа птичьего гриппа и африканской чумы свиней в зоне крупных комплексов уничтожается поголовье в хозяйствах населения, которые, в свою очередь, способствуют поддержанию устойчивости в развитии сельских территорий.

3. В условиях Северо-Запада крупные свиноводческие и птицеводческие предприятия функционируют на концентрированных кормах, зерновые компоненты которых в значительной степени производятся за пределами региона, в этой связи местные земельные ресурсы не включаются в хозяйственный оборот, что сдерживает развитие прилегающих сельских территорий.

⁶ База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 08.08.2019).

Аграрное производство в районах II типа, расположенных в основном в Республике Карелия, имеет стойкую тенденцию к сокращению объемов. Без применения специальных мер хозяйства малых форм, составляющие здесь ядро аграрного производства и играющие при этом заметную роль в обеспечении занятости и пополнении доходов сельского населения, будут и далее снижать масштабы производства.

Аграрное производство в районах III типа имеет незначительную положительную динамику, которая обеспечивается главным образом сельскохозяйственными организациями, являющимися системообразующими структурами для ХН и КФХ. Исследования показывают, что в районах III типа, где в значительной степени представлены СХО, хозяйства малых форм имеют больше возможностей для своего развития, чем в районах II типа, где их практически нет. Рациональное сочетание в структуре производства СХО, КФХ и ХН создает лучшие условия для выполнения производственной функции сельскими территориями и формирует предпосылки их развития.

В то же время приграничные районы Республики Карелия, Мурманской и Псковской областей имеют в целом невысокий потенциал для развития за счет сельскохозяйственного производства. Однако эти районы располагают разнообразными ресурсами, которые при определенных условиях могут дать серьезный импульс развитию сельских территорий за счет реализации ими непроизводственных функций.

Непроизводственные функции сельских территорий

В выполнении большинства непроизводственных функций задействованы одни и те же ресурсы и организации. Реализация рекреационной функции, включая санаторно-курортное лечение, туризм, любительский спорт, любительское рыболовство, дачную рекреацию и др., базируется на использовании потребительских свойств природных и/или историко-культурных объектов.

В то же время значительная часть природных объектов, представляющих интерес для туристов, — это особо охраняемые природные территории, выполняющие экологическую функцию, функции сохранения природных ландшафтов и контроля над территорией. В свою очередь, на сельских территориях располагается значительное количество историко-культурных объектов, в том числе являющихся объектами культурного наследия (ОКН), которые следует поддерживать в надлежащем состоянии, выполняя функцию их сохранения.

Центральное место при этом принадлежит рекреационной функции, которая, увязывая между собой все иные непроизводственные функции и вводя в потребительское пространство совокупность природных и историко-культурных ценностей, должна опираться на определенный географический образ той или иной территории.

В настоящее время, особенно в публикациях по экономике, говоря о территории как о потребительском пространстве, авторы, оперируя понятиями имиджа и бренда, не обращаются к рассмотрению ее географического образа.

По нашему мнению, в таких исследованиях должна быть соблюдена следующая последовательность: географический образ — имидж — бренд.

Ощущая нехватку первого звена данной цепи, И.С. Важенина ввела в научный оборот категорию «территориальная индивидуальность», под которой понимается «генеральная совокупность характеристик, отличающих одну территорию от другой» [37, с. 149].

По нашему мнению, введение новой категории в этом случае нецелесообразно, так как существующее понятие географического образа, как совокупности характеристик, выраженных через знаки, символы, стереотипы, ключевые представления, рельефно и сжато описывающие конкретные территории [38; 39], как раз и характеризует территориальную индивидуальность.

Далее И.С. Важенина формулирует определение имиджа территории как «набора ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [37, с. 154].

Давая определение имиджа, В.Н. Овчинников, А.Г. Дружинин, А.Х. Тамбиев [40, с. 102] говорят о качественных характеристиках территории (а не только об ее особенностях), что стоит гораздо ближе к понятию «географический образ» в общей системе территориального брендинга.

В целом ряде работ происходит отождествление понятий «географический образ» и «имидж» [41], что вряд ли правильно.

Как следует из определений географического образа и имиджа территории, эти понятия нельзя смешивать, так как образ отражает некую относительно объективно описываемую реальность, а имидж является субъективным восприятием этой реальности, формируемым под воздействием современных информационных технологий. Вместе с тем имидж территории еще не превращает ее в потребительское пространство, хотя и способствует приближению к нему.

Следующим шагом в этом направлении является бренд территории как «сформировавшийся на основе ее реальных достоинств, позиционируемых в имиджевом поле, собирательный образ, четко идентифицируемый и качественно выделяемый среди других территорий» [40, с. 103].

Исходя из данного и ряда других определений, считаем, что бренд — это продукт положительного имиджа территории, отражающий ее оригинальность и уникальность и действующий на потребителей в качестве определенного штампа при выборе варианта получения туристско-рекреационных или иных услуг.

Приграничные районы Северо-Запада располагают значительными природными и историко-культурными ресурсами, необходимыми для реализации сельскими территориями непроектных функций, развития объектов туристско-рекреационной инфраструктуры с имиджевыми характеристиками, создания территориальных брендов и формирования таким образом потребительских пространств, отражающих те или иные аспекты географического образа рассматриваемых сельских территорий (табл. 5).

Таблица 5

Наличие особо охраняемых природных территорий и объектов культурного наследия в сельской местности приграничных районов Северо-Запада Российской Федерации

Сельские территории	ООПТ	ОКН ¹
	всего / в том числе федерального значения	
Республика Карелия, всего	32/7	373
в том числе Калевальский район	4	23
Костомушский район	3/2	40
Лахденпохский район	7/1	35
Лоухский район	3/2	40
Муезерский район	4/1	57
Сортавальский район	4/1	39 ²
Суоярвский район	7	139
Ленинградская область, всего	15/1	171/6
в том числе Выборгский район	12/1	66/4
Кингисеппский район	3	82/2
Сланцевский район	—	23
Мурманская область, всего	29/3	26/1
в том числе Кандалакшский район	9/1	1/1
Ковдорский район	2	—
Кольский район	11/1	6
Печенгский район	7/1	19
Калининградская область, всего	18/1 ³	42 ⁴
в том числе Багратионовский район	5	11
Краснознамённый район	1	—
Неманский район	1	5
Нестеровский район	7	13
Правдинский район	—	12
Славский район	4	1
Псковская область, всего	11/3	475/32
в том числе Гдовский район	4/2	60/5
Красногородский район	—	16
Невельский район	1	73/2
Палкинский район	1	37/2
Печорский район	3	210/22 ⁵
Пыталовский район	1	31
Себежский район	1/1	36/1
Усвятский район	—	12

¹ За исключением объектов археологического наследия. ² Без о. Валаам и Валаамского архипелага, где расположено 260 ОКН, в том числе 10 — федерального значения.

³ Куршская коса, расположенная в Зеленоградском районе.

⁴ В Калининградской области в число ОКН регионального значения не включены воинские захоронения. ⁵ Без 19 объектов Ансамбля Псково-Печерского монастыря.

Составлено автором на основе данных⁷.

⁷ Государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России. URL: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti> (дата обращения: 10.08.2019); Перечень особо охраняемых территорий России. URL: <http://oopt.aari.ru/oopt> (дата обращения: 10.08.2019).

Приведенные в таблице 5 данные дают весьма общее представление о непроизводственном образе сельских территорий. Совокупные показатели по природным и культурно-историческим объектам не раскрывают их внутреннюю неоднородность. При структуризации обобщенных показателей образ территорий становится более многоликим.

Представляется, что географический образ сельских территорий формируют как зональные, так и азональные явления. Первые, как правило, имеют природное происхождение, вторые — историко-культурное. С учетом этого нами сделано описание типичных для приграничных районов географических образов в сочетании с уже существующими имиджевыми характеристиками, с выходом на формирующиеся бренды территорий. Фрагмент описания приведен в таблице 6.

Таблица 6

Географический образ, имиджевые объекты и формируемый бренд сельских территорий приграничных районов Северной Карелии и районов, примыкающих к Псковско-Чудскому озеру в Псковской области

Географический образ	Имиджевые объекты	Бренд территории
Лоухский, Калевальский, Костомушский, Муезерский районы Республики Карелия		
Возвышенные территории с горными грядами, высотами 300—500 м и выше, покрытые лесами с растительностью северной тайги, многочисленными порожистыми реками, водопадами и множеством крупных, средних и малых озер, историческими деревнями	Национальные парки «Калевальский» и «Паанаярви», Костомушский заповедник, ГПЗ, заповедные болота, пороги, реки Кереть и Пистайоки, озера Куйто, рунопевческие деревни, исторические деревни, Этнокультурный центр «КАЛЕВАЛАТАЛО»	Экологический, этнографический, водный, сельский туризм Рыбалка и охота
Гдовский и Печорский районы Псковской области		
Территории, прилегающие с востока и запада к Псковско-Чудскому озеру, относящиеся к подзоне смешанных лесов, с памятниками природы, историческими фортификационными и культовыми сооружениями, объектами отдыха и сельского туризма	Псковско-Чудское озеро, ГПЗ «Ремдовский», памятники природы: «Сороковой бор», «Изборско-Мальская долина», «Остров Семск», «Западный берег Псковского озера», музей-заповедник «Изборск», Изборская и Гдовская крепости, Мальский монастырь, Труворово городище, Трутневские пещеры, усадьбы Черново и Халахальня, музей народа сето, экоферма	Историко-культурный, религиозный, этнографический, сельский туризм Семейный отдых Дачная рекреация

Составлено автором на основе данных⁸.

Многие приграничные районы Северо-Запада России, как приведенные в таблице 6, так и не вошедшие в нее, имеют достаточный имиджевый потенциал для

⁸ Государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России. URL: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti> (дата обращения: 10.08.2019); Перечень особо охраняемых территорий России. URL: <http://oopt.aari.ru/oopt> (дата обращения 10.08.2019).

реализации непроектных функций сельских территорий и превращения их тем самым эволюционно в потребительские пространства с соответствующими территориальными брендами.

Особое место при этом может занять дачная рекреация, объектами которой являются садово-дачные поселки и деревни со «вторым домом» для горожан. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (ВСХП-2016) показывают, что размещение садоводческих и дачных объединений в северо-западном приграничье сильно локализовано (табл. 7).

Таблица 7

Основные показатели, характеризующие садоводческие и дачные некоммерческие объединения граждан северо-западного российского приграничья

Приграничный район	Число объединений, ед.	Общая площадь земли, га	В том числе в пользовании граждан	Число земельных участков в пользовании граждан, ед.	Средний размер земельных участков, га
Садоводческие некоммерческие объединения граждан					
Выборгский	382	6477,6	5226,4	60074	0,087
Кингисеппский	71	1678,9	1375,9	19110	0,072
Багратионовский	53	1600,7	1239,9	16103	0,077
<i>Итого</i>	506	9757,2	7842,2	95287	0,082
Прочие	96	1048	742,6	9104	0,082
<i>Всего</i>	602	10805,2	8584,8	104391	0,082
Дачные некоммерческие объединения граждан					
Выборгский	164	3124,7	1440,8	6860	0,210
Кингисеппский	20	198,7	58,6	170	0,341
Гдовский	60	616,1	501,5	135	3,715
<i>Всего</i>	244	3939,5	2000,9	7165	0,279

Составлено автором на основе данных⁹.

Местом сосредоточения объектов садово-дачной рекреации являются Выборгский и Кингисеппский районы Ленинградской области, где расположено 75 % садовых и 98 % дачных участков северо-западного приграничья. Дачные объединения имеются еще в Гдовском районе Псковской области, причем элитной категории (по 2—3 члена в объединении при среднем размере участка 3,7 га). В Калининградской области садоводства сконцентрированы в расположенном вблизи областного центра Багратионовском районе, где находится 86 % садовых участков всего региона.

⁹ Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года на территории Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/All-Russian-Agricultural-Census-2016> (дата обращения: 10.08.2019); Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Итоги по Ленинградской области. URL: <https://petrostat.gks.ru/folder/33448> (дата обращения: 10.08.2019); Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Псковской области. URL: <https://pskovstat.gks.ru/vshp2016> (дата обращения: 10.08.2019).

Объекты дачной рекреации в Ленинградской области на 28,6 %, а в Псковской — на 100 % сосредоточены в приграничных районах при коэффициентах локализации относительно площади территории соответственно 1,82 и 2,88.

В свою очередь, доля площадей садовых участков приграничных районов от итога по Ленинградской области составляет 15,1 %, Калининградской — 17 %, Псковской — 8,7 %, а коэффициенты их локализации соответственно — 0,96; 0,34; 0,25.

Таким образом, в северо-западном приграничье четко вырисовываются ареалы садово-дачной рекреации, затрагивающие достаточно ограниченные по площади территории, в которых широко представлены и другие виды рекреационной деятельности. Большинство сельских территорий остаются неохваченными садово-дачной рекреацией горожан, вероятно, в связи с особыми условиями передвижения и ведения хозяйственной деятельности в пограничной зоне, а также из-за удаленности их от городских агломераций.

Основные направления развития сельских территорий

Развитие сельских территорий на основе мобилизации локальных ресурсов возможно в том случае, если эти ресурсы (земельные, лесные, рекреационные и иные) будут доступны к вовлечению их в хозяйственный оборот местным населением. Для этого на сельских территориях необходимо создать местные сообщества (общины, партнерства) — аналог территориального общественного самоуправления (ТОС), предусмотренного российским законодательством о местном самоуправлении. Существующие правовые нормы для ТОС должны быть значительно расширены, их сфера деятельности распространена на весь спектр хозяйственной деятельности на селе и за ними закреплены соответствующие локальные ресурсы.

Необходимым условием для этого является наличие социального капитала, представляющего собой способность отдельных лиц, групп, организаций и учреждений сотрудничать и использовать социальные отношения для достижения общих целей и получения общей выгоды [32, с. 87].

Формирование социального капитала в условиях депрессивности значительной части сельских территорий — сложная, но решаемая проблема, что доказал своими практическими действиями Г.В. Тюрин в сельской местности Архангельской области, Республики Коми и других регионов страны [42].

Для ускорения процесса формирования и накопления социального капитала следует активизировать деятельность фондов местных сообществ (фондов поддержки местных инициатив), а также обеспечить доступ к интернету и мобильной связи всех сельских территорий.

Формирование социального капитала, а также предпосылок для решения ряда других задач развития сельских территорий ускорит создание специальных сельских сетей (*Rural Web*), объединяющих предприятия, организации, сельские сообщества, предпринимателей, научные, учебные и государственные учреждения всех сфер деятельности на территории приграничных районов. Обмен информацией, поиск инноваций и партнеров, формирование имиджа и продвижение бренда территорий в едином информационном пространстве позволит существенно снизить транзакционные издержки, которые сейчас возникают из-за неполноты информации и ее рассеянности по сайтам различных секторов сельской экономики приграничных районов.

Важным институтом развития сельских территорий приграничных районов, удаленных от центров регионов, должны стать местные продовольственные сети (местные рынки) с короткими цепочками поставок, обеспечивающие реализацию произведенной на местах продукции, прежде всего КФХ, индивидуальными предпринимателями, ХН, малыми и средними СХО и кооперативами.

Общие направления в развитии сельских территорий при приложении их к конкретным типам приграничных районов имеют свою специфику.

В районах I типа необходимо направить усилия на обеспечение охраны окружающей среды, осуществление природоохранных мероприятий, недопущение дальнейшего роста уровня концентрации производства, создание условий для развития средних и малых СХО, КФХ и хозяйств населения.

В районах II типа предстоит решать проблемы занятости работников, высвобождающихся при сокращении лесозаготовительной и сельскохозяйственной деятельности. Решение проблемы, с одной стороны, может быть основано на комплексном использовании ресурсов леса, включая эксплуатационные запасы древесины и дикорастущих растений (грибов, ягод, лекарственных трав и др.), промысловых видов животных, птиц и рыб. С другой стороны — это формирование имиджа и создание бренда сельских территорий при выполнении ими непроизводственных функций.

В районах III типа следует особое внимание обратить на СХО, темпы роста объемов производства продукции сельского хозяйства в которых являются недостаточными. В то же время именно СХО создают важные общественные блага: позитивно влияют на развитие малых форм хозяйствования, особенно КФХ, и обеспечивают выполнение таких функций, как контроль над территорией, сохранение и поддержание агроландшафтов, а также социальных функций. Исходя из этого, в районах данного типа СХО нуждаются во всесторонней поддержке. На территориях данного типа будет возрастать роль КФХ в их развитии, с ростом численности которых возникнут предпосылки создания сельскохозяйственных потребительских кооперативов как одного из видов институтов саморазвития сельских территорий.

В районах, имеющих на своей территории значимые рекреационные объекты, следует активизировать формирование их соответствующего имиджа, а там, где он уже существует, — создавать территориальные бренды, превращая эволюционно сельские территории в потребительские пространства. Это особенно важно в тех районах, где постепенно утрачиваются производственные функции.

Инициативное движение «снизу» в приграничных районах может возникнуть и иметь положительный результат в том случае, когда для этого будут созданы определенные условия со стороны федеральных и региональных органов власти, то есть «сверху». Для сельских территорий данных районов необходимы особые режимы привлечения инвестиций, инноваций и развития предпринимательской деятельности, принятые по аналогии с механизмами, существующими для зон свободного предпринимательства.

Заключение

В статье внимание сконцентрировано на «сканировании» ситуации с развитием сельских территорий северо-западного приграничья на микроуровне в целях определения возможностей их развития в перспективе за счет внутренних факторов.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что рассматриваемые территории обладают разнообразным и уникальным ресурсным потенциалом, достаточным для обеспечения их устойчивого развития на основе неоздогенного подхода.

Районы северо-западного приграничья первой линии, занимая в субъектах Федерации, их включающих, более трети площади территории, 24 % населения, свыше 30 % сельхозугодий и посевных площадей, производят треть общих объемов сельскохозяйственной продукции. Наряду с этим сельские территории успешно выполняют ряд других непроизводственных функций: рекреационную (включая туризм), экологическую, контроля над территорией и др.

В аграрном отношении сельские территории неоднородны и представлены тремя типами районов: с доминированием СХО (25 % районов) или малых форм хозяйствования (33 %) и с сочетанием тех и других (42 %). Для каждого типа показаны проблемы и дифференцированы пути их перспективного развития.

Для активизации непроектных функций сельских территорий предложено исследовать их географические образы, определять имиджевые объекты и потенциальные бренды, активизировать деятельность по их созданию. В совокупности это будет содействовать трансформации сельских территорий в потребительские пространства.

В статье сознательно оставлены без внимания вопросы трансграничного сотрудничества, которые требуют специального рассмотрения. Не раскрыта также демографическая функция сельских территорий приграничья, так как, с одной стороны, эта работа на мезоуровне выполнена Г.М. Федоровым [1], а с другой — для микроуровня недостаточно нужной информации.

Список литературы

1. Федоров Г.М. Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах Западного побережья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 119—135. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-7.
2. Kolosov V., Medvedev A., Zotova M. Comparing the Development of Border Regions with the use of GIS (the case of Russia) // Geographia Polonica. 2018. Vol. 91, № 1. P. 47—61. doi: 10.7163/GPol.0090.
3. Дружинин А.Г. Западное побережье России: делимитация, структурирование, типологизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 1. С. 5—16.
4. Манаков А.Г. Российско-белорусское побережье: историко-географическая детерминация // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 169—176.
5. Морачевская К.А. Экономическое развитие российско-белорусского приграничья в контексте государственных интеграционных процессов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 1 (53—54). С. 80—88.
6. Vasci Z., Kovács E. The Role of Cross-Border Cooperation in rural Development — a new European Perspective // Journal of Central European Agriculture. 2006. Vol. 7, № 3. P. 485—488.
7. Костяев А.И., Мицкевич А.А., Юрчак Р. и др. Трансграничное сотрудничество как механизм развития приграничных сельских территорий // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2014. № 2 (39). С. 69—74.
8. Федоров Г.М. Проблемы трансграничного регионообразования в российских регионах на Балтике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 82—92.
9. Баутин В.М., Козлов В.В., Мерзлов А.В. и др. Устойчивое развитие сельских территорий: вопросы стратегии и тактики. М., 2004.
10. Бондаренко Л.В. Сельские территории: состояние и регулирование // АПК: экономика, управление. 2014. № 1. С. 69—79.
11. Петриков А.В. Многофункциональность сельского хозяйства: теоретические и политические аспекты // АПК: Экономика, управление. 2007. № 12. С. 2—5.
12. Чайка В.П. Устойчивое многофункциональное развитие сельских территорий: межотраслевые взаимодействия // Социально-экономические явления и процессы. 2009. № 1 (13). С. 106—119.
13. Меренкова И.Н., Перцев В.Н., Новикова И.И. Многофункциональность сельских территорий — основа жизнеобеспечения сельского населения // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2014. № 1—2 (40—41). С. 273—278.
14. Овчинцева Л.А. Формирование институциональных основ развития сельских территорий // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2011. № 5(32). С. 56—59.

15. Костяев А. И. К вопросу о парадигме развития сельских территорий // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2018. № 6. С. 3—12.
16. Калугина З. И., Фадеева О. П. Новая парадигма сельского развития // *Мир России*. 2009. № 2. С. 34—49.
17. Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. «Клеточная глобализация» в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // *Социологические исследования*. 2013. № 4 (348). С. 13—23.
18. Троцкий А. Я., Мищенко И. В. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование : монография. Барнаул, 2013.
19. Нечипоренко О. В., Шлюкич С. Социальный капитал локальных сообществ в стратегиях развития сельских территорий: европейский опыт и российская специфика // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия*. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 69—77.
20. Денисенко Г. М., Денисенко М. Б., Ефременко Д. В. и др. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и село-городские сообщества. М., 2016.
21. Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*. 2014. № 4. С. 22—32.
22. Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. Угорский проект — перспективы развития Ближнего Севера // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 5 (111). С. 185—196.
23. Махрова А. Г., Медведев А. А., Нефедова Т. Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2016. № 2. С. 64—74.
24. Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2018. № 7. С. 1—12.
25. *Rural Planning and Development. Critical concepts in rural built environment* / N. Gallent, M. Scott (eds.). Routledge, 2017.
26. Guinjoan E., Badia A., Tulla A. F. The new Paradigm of Rural Development. Territorial Con-Siderations and Reconceptualization using the “Rural Web” // *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*. 2016. № 71. P. 495—500.
27. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. ФАО. Business Media of the Sole 24 Ore, 2010.
28. Gkartzios M., Lowe P. Revisiting neo-endogenous rural development // *The Routledge Companion to Rural Planning* / M. Scott, N. Gallent, M. Gkartzios (eds.). Routledge, 2019. P. 159—169. doi: 10.4324/9781315102375-17.
29. Donner M., Horlings L., Fort F., et al. Place branding, embeddedness and endogenous rural development: Four European cases // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2017. Vol. 13, № 4. P. 273—292.
30. Cairol D., Coudel E., Knickel K., et al. Multifunctionality of Agriculture and Rural Areas as Reflected in Policies: The Importance and Relevance of the Territorial View // *Journal of Environmental Policy & Planning*. 2009. Vol. 11, № 4. P. 269—289.
31. Ferrari S., Rambonilaza M. Agricultural Activities, Rural Areas and Natural Environment: Drawing Up the Frontiers of the Multifunctionality Concept // *Rural Landscapes and Agricultural Policies in Europe* / A. Piore, K. Müller (eds.). Berlin ; Heidelberg, 2009. P. 21—34. doi: 10.1007/978-3-540-79470-7_2.
32. Ploeg J. D., Marsden T. *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*. Assen, 2008.
33. Rivera M., Knickel K., Díaz-Puente J. M., et al. The Role of Social Capital in Agricultural and Rural Development: Lessons Learnt from Case Studies in Seven Countries // *Sociologia Ruralis*. 2019. Vol. 59, № 1. P. 66—91.
34. Костяев А. И., Шепелева Е. А. Крестьянские (фермерские) хозяйства в контексте концепции развития сельских территорий // *Научное обозрение: теория и практика*. 2018. № 6. С. 140—152.

35. Минц А. А., Преображенский В. С. Функция места и ее изменение // Известия академии наук СССР. Сер. географическая. 1970. № 6. С. 118—131.
36. *Методология и методика системного изучения советской деревни* / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск, 1980.
37. *Важенина И. С.* Имидж, репутация и бренд территории. Екатеринбург, 2013.
38. *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 5. С. 97—108.
39. *Колосов В. А.* Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. 2008. № 1 (1). С. 72—91.
40. *Овчинников В. Н., Дружинин А. Г., Тамбиев А. Х.* Территориальный бренд как маркетинговый инструмент рыночного позиционирования региона // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 1. С. 100—106. doi: 10.17835/2078-5429.2019.10.1.100—106.
41. *Новиков А. М.* Географический имидж государства // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации : сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. СПб., 2009. С. 33—55.
42. *Тюрин Г. В.* Опыт возрождения русских деревень. М., 2007.

Об авторе

Александр Иванович Костяев, доктор географических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник отдела экономических и социальных проблем развития региональных АПК и сельских территорий, Северо-Западный научно-исследовательский институт экономики и организации сельского хозяйства, Россия.

E-mail: galekos@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4041-6935>

RURAL AREAS OF RUSSIA'S NORTH-WEST BORDERLAND: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PATHS

A. I. Kostyaev

North-West Research Institute
of Economics and Organization of Agriculture
7 Shosse Podbelskogo, Pushkin, St Petersburg, Russia, 196608

Received 26 August 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-6
© Kostyaev A. I., 2019

This article focuses on the rural areas of Russia's North-West borderlands, particularly, the municipal districts and towns that are closest to the national border. The study aims to identify problems in the development of these territories and provide solutions to them. The methodological framework employed is the neo-endogenous approach, which suggests the maximal multifunctionality-driven use of internal resources, bottom-up initiatives supported by the authorities, extensive use of innovations, the Internet, and scientific knowledge. The study takes into account and assesses the heterogeneity of rural areas by producing a typology of districts built on the structure of agricultural production, using the Hall-Tideman index.

To cite this article: Kostyaev, A. I. 2019, Rural areas of Russia's North-West borderland: problems and development paths, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no 4, p. 93—113. doi: 10.5922/2078-8555-2019-4-6.

The study used several indicators to identify the role and place of border districts in their respective regions. Three types of districts were distinguished according to the structure of agricultural production: districts dominated by agricultural organisations, districts dominated by small farms, and mixed-type districts. Cross-district differences in output dynamics were described. The socially essential functions of rural areas and the economic entities performing those functions were identified. The analysis of the recreational resources of border districts helped to determine the directions in which the transformation of rural areas into consumer spaces was moving. The major development trajectories of rural areas were plotted using the non-endogenous approach and differentiated by the district types. The rural areas of the North-West borderlands were confirmed to have a unique and diverse resource potential that is sufficient to ensure their sustainable development based on the non-endogenous approach.

Keywords:

rural development, functions, multifunctionality, geographical image, image, brand, neo-endogenous approach

References

Fedorov, G.M. 2018, Demographic Situation and Demographic Security in the Regions of Russia's Western Borderlands, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 119–135. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-7> (In Russ.).

Kolosov, V., Medvedev, A., Zotova, M. 2018, Comparing the Development of Border Regions with the use of GIS (the case of Russia), *Geographia Polonica*, Vol. 91, no. 1, p. 47–61. Doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0090>.

Druzhinin, A.G. 2019, Western border regions of Russia: delimitation, structure, typology, *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvenny'e i medicinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and Medical Sciences], no. 1, p. 5–16 (In Russ.).

Manakov, A.G. 2013, Russian-Belarusian Borderland: historical-geographical determination, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 16, p. 169–176 (In Russ.).

Morachevskaya, K.A. 2017, Economic development of the Russian-Belarusian border in the context of state integration processes, *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: problems and development prospects], no. 1 (53–54), p. 80–88 (In Russ.).

Bacsi, Z., Kovács, E. 2006, The Role of Cross-Border Cooperation in rural Development — a new European Perspective, *Journal of Central European Agriculture*, Vol. 7, no. 3, p. 485–488.

Kostyaev, A.I., Mitskevich, A.A., Yurchak, R. et al. 2014, Cross-border cooperation as a mechanism for the development of border rural territories, *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka* [Agricultural science of the Euro-North-East], no. (39), p. 69–74 (In Russ.).

Fedorov, G.M. 2016, Problems of cross-border regionalization in the Russian regions in the Baltic, *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskix geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers-Social Studies], no. 5, p. 82–92 (In Russ.).

Bautin, V.M., Kozlov, V.V., Merzlov, A.V. et al. 2004, *Ustojchivoe razvitie sel'skikh territorij: voprosy strategii i taktiki* [Sustainable rural development: issues of strategy and tactics], Rosinformagrotekh, 312 p. (In Russ.).

Bondarenko, L.V. 2014, Rural Territories: Status and Regulation, *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management], no. 1, p. 69–79. (In Russ.).

Petrikov, A.V. 2007, Multifunctionality of agriculture: theoretical and political aspects, *APK: ekonomika, upravlenie* [AIC: Economics, Management], no. 12, p. 2–5 (In Russ.).

Chaika, V.P. Sustainable multifunctional development of rural areas: intersectoral interactions, *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process* [Socio-economic phenomena and processes], no. 1 (13), p. 106–119 (In Russ.).

Merenkova, I.N., Pertsev, V.N., Novikova, I.I. 2014, Multifunctionality of rural areas is the basis of rural livelihoods, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State Agrarian University], no. 1–2 (40–41), p. 273–278 (In Russ.).

Ovchintseva, L.A. 2011, Formation of the institutional framework for rural development, *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Oryol State Agrarian University], no. 5 (32), p. 56—59 (In Russ.).

Kostyaev, A.I. 2018, To the question about the paradigm of development of rural territories, *Fundamental'ny'e i prikladny'e issledovaniya kooperativnogo sektora e'konomiki* [Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy], no. 6, p. 3—12 (In Russ.).

Kalugina, Z.I., Fadeeva, O.P. 2009, New Rural Development Paradigm, *Mir Rossii* [World of Russia], no. 2, p. 34—49 (In Russ.).

Pokrovsky, N.E., Nefedova T.G. 2013, "Cellular globalization" in rural communities of modern Russia: theoretical and applied aspects, *Sociologicheskie issledovaniya* [Case studies], no. 4 (348), p. 13—23. (In Russ.).

Trockovskij, A.Ya., Mishchenko I.V. 2013, *Prostranstvennyye aspekty razvitiya social'no-ekonomicheskoy sredy sel'skih territorij Altajskogo kraja: metodika, rezul'taty, regulirovanie* [Spatial aspects of the development of the socio-economic environment of rural territories of the Altai Territory: methods, results, regulation], Barnaul, 176 p. (In Russ.).

Nechiporenko, O.V., Shlyukich, S. 2014, Social capital of local communities in rural development strategies: European experience and Russian specifics, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], Vol. 12, no. 4, p. 69—77 (In Russ.).

Denisenko, G.M., Denisenko, M.B., Efremenko, D.V. et al. 2016, *Gorozhane v derevne. Sociologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: dezurbanizaciya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [The townspeople in the village. Sociological Studies in the Russian Outback: Desurbanization and Rural-Urban Communities], Moscow, 404 p. (In Russ.).

Treyvish, A.I. 2014, "Giving" as the science of a second home in the West and in Russia, *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no. 4. p. 22—32. (In Russ.).

Pokrovsky, N.E., Nefedova, T.G. 2012, Ugorsky project — prospects for the development of the Middle North, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], no. 5 (111), p. 185—196 (In Russ.).

Makhrova, A.G., Medvedev, A.A., Nefedova, T.G. 2016, Garden and cottage townspeople in the rural settlement system, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], no. 2, p. 64—74 (In Russ.).

Nefedova, T.G. 2018, Factors and trends of rural settlement in Russia, *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers-Social Studies], no. 7, p. 1—12 (In Russ.).

Gallent, N., Scott, M. (eds.) 2017, *Rural Planning and Development. Critical concepts in rural built environment*, Routledge, 308 p.

Guinjoan, E., Badia, A., Tulla, A.F. 2016, The new Paradigm of Rural Development. Territorial Con-Siderations and Reconceptualization using The "Rural Web", *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*, no. 71, p. 495—500.

Mantino, F. 2010, *Sel'skoe razvitie v Evrope: Politika, instituty i dejstvuyushhie licza na mestax s 1970-x godov do nashix dnei* [Rural development in Europe: Local policies, institutions and actors from the 1970s to the present], Business Media of the Sole 24 Ore, 272 p. (In Russ.).

Gkartzios, M., Lowe, P. 2019, Revisiting neo-endogenous rural development. In: Scott, M., Gallent, N., Gkartzios M. (eds.). *The Routledge Companion to Rural Planning*, Routledge, p. 159—169. Doi: <https://doi.org/10.4324/9781315102375-17>.

Donner, M., Horlings, L., Fort, F., et al. 2017, Place branding, embeddedness and endogenous rural development: Four European cases, *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 13, no. 4, p. 273—292.

Cairol, D., Coudel, E., Knickel, K., et al. 2009, Multifunctionality of Agriculture and Rural Areas as Reflected in Policies: The Importance and Relevance of the Territorial View, *Journal of Environmental Policy & Planning*, Vol. 11, no. 4. p. 269—289.

Ferrari, S., Rambonilaza, M. 2009, Agricultural Activities, Rural Areas and Natural Environment: Drawing Up the Frontiers of the Multifunctionality Concept. In: Piore, A., Müller, K. (eds.). *Rural Landscapes and Agricultural Policies in Europe*, Berlin Heidelberg, Springer-Verlag, p. 21—34. Doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-540-79470-72>.

Ploeg, J.D., Marsden, T. 2008, *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*, Assen, Van Gorcum, 262 p.

Rivera, M., Knickel, K., Díaz-Puente, J.M. et al. 2019, The Role of Social Capital in Agricultural and Rural Development: Lessons Learnt from Case Studies in Seven Countries, *Sociologia Ruralis*, Vol. 59, no. 1, p. 66–91.

Kostyaev, A.I., Shepeleva, E.A. 2018, Farm households in the context of the concept of rural development, *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: Theory and Practice], no. 6, p. 140–152 (In Russ.).

Mints, A.A., Preobrazhensky, V.S. 1970, The function of the place and its change, *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya* [News of the USSR Academy of Sciences. Geographical Series], no. 6, p. 118–131 (In Russ.).

Zaslavskaya, T.I., Ryvkina R.V. (eds.) 1980, *Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoj derevni* [Methodology and methodology of a systematic study of the Soviet village], Novosibirsk, 344 p. (In Russ.).

Vazhenina, I.S. 2013, *Imidzh, reputaciya i brend territorii* [Image, reputation and brand of territory], 378 p. (In Russ.).

Zamyatin, D.N., Zamyatina, N.Yu. 2011, Humanitarian geography: subject of study and main directions of development, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Geographical Series], no. 5, p. 97–108 (In Russ.).

Kolosov, V.A. 2008, Geographical images and geopolitical representations: ways of formation and approaches to study, *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj social'no-gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy], no. 1 (1), p. 72–91 (In Russ.).

Ovchinnikov, V.N., Druzhinin, A.G., Tambiev, A.Kh. 2019, Territorial Brand as a Marketing Tool for Marketpositioning of the Region, *Journal of Economic Regulation*, Vol. 10, no. 1, p. 100–106. Doi: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.1.100-106> (In Russ.).

Novikov, A.M. 2009, Geographical image of the state. In: Le Havre, D.P. (ed.) *Imidzh gosudarstva / regiona: sovremennyye podxody: novyye idei v teorii i praktike kommunikacii* [Image of a state / region: modern approaches: new ideas in the theory and practice of communication], collection of scientific papers, St. Petersburg, no. 3, p. 33–55. (In Russ.).

Tyurin, G.V. 2007, *Opyt vozrozhdeniya russkix dereven* [The experience of the revival of Russian villages], Moscow, 240 p. (In Russ.).

The author

Prof. Alexander I. Kostyaev, Fellow of the Russian Academy of Sciences, North-West Research Institute of Economics and Organisation of Agriculture, Russia.

E-mail: galekos@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4041-6935>

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

СТЕЙКХОЛДЕРСКИЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ «ТРЕТЬЕЙ МИССИИ» УНИВЕРСИТЕТОВ

А. П. Клемешев^а

Е. В. Кудряшова^б

С. Э. Сорокин^б

---

^а Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

^б Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 163002, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-7

© Клемешев А. П., Кудряшова Е. В.,
Сорокин С. Э., 2019

Тема реализации университетами «третьей миссии» является актуальной и выступает предметом исследования многих российских и зарубежных ученых. «Третью миссию» связывают с участием университетов в жизни общества. Наряду с образовательной и научной миссией это важный фактор успешного развития современного университета. В статье рассматривается теория стейкхолдеров, которая успешно применяется в сфере управления крупными организациями, и исследуются возможности ее применения для выработки механизмов эффективной реализации университетами «третьей миссии». Выявляя основные проблемы в организации взаимодействия стейкхолдерами, существующие в российских университетах, авторы анализируют возможные стратегии совершенствования работы в этом направлении. На примере университетов Польши, Литвы, Швеции и России рассматриваются практические вопросы взаимодействия университетов со стейкхолдерами на различных уровнях, приводятся примеры лучших практик, форм и методов работы. Авторы предлагают классификацию ключевых стейкхолдеров университетов, дают характеристику их взаимных связей и интересов, имеющихся ресурсов, представляют модели участия стейкхолдеров в процессе управления образовательной организацией. Результаты исследования могут быть использованы в процессе управления образовательными организациями Российской Федерации, органами государственной власти сферы образования.

Ключевые слова:

стейкхолдер, университет, «третья миссия» университета, управление университетом, Балтийский регион

Введение

Успешное развитие современного университета предполагает активное взаимодействие и сотрудничество с многочисленными организациями, сообществами, группами и индивидами, которые так или иначе с ним связаны, зависят от него,

---

Для цитирования: Клемешев А. П., Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Стейкхолдерский подход в реализации «третьей миссии» университетов // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 114–135.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-7.

предъявляют свои требования, могут влиять или быть полезными. Все они обладают своими интересами, которые, с одной стороны, нельзя не учитывать, а с другой — возможно сделать своим конкурентным преимуществом или даже положить в основу деятельности. Эти интересы могут носить разнонаправленный или зачастую противоречивый характер, с разных сторон и с разной интенсивностью влияя на траекторию развития университета.

В настоящее время становится очевидным, что помимо двух традиционных миссий, которые несет университет, — образовательной и научной, значимую роль играет и третья, связанная с участием в развитии пространства региона, в котором он находится. В данном контексте большое значение имеет анализ проблем взаимодействия университета с ключевыми заинтересованными сторонами как во внутренней, так и во внешней среде. Для проведения подобного анализа могут быть применены основные положения теории стейкхолдеров, которая успешно используется в сфере стратегического менеджмента коммерческих организаций. Многие российские авторы, такие как А. И. Патрахин [1], В. Н. Стрекаловский и В. М. Саввинов [2], В. А. Нагорнов и О. В. Перфильева [3; 4], Е. С. Попова [5] и другие считают возможным имплементировать теорию стейкхолдеров к области высшего образования и рассматривать управление университетом с позиции «стейкхолдер-менеджмента».

Согласно основным идеям теории стейкхолдеров менеджмент компании должен выявить группы и реализовывать процессы, которые заинтересованы в развитии данного бизнеса. Ключевым моментом является организация управления отношениями и интересами акционеров, сотрудников, клиентов, сообществ и иных групп таким образом, чтобы обеспечить долгосрочное процветание компании. Лидером станет та организация, которая сможет наилучшим образом удовлетворить интересы стейкхолдеров, выстраивая стратегию связей с внешним миром не только через призму рекламы, но и реализуя единую коммуникационную политику со всеми заинтересованными группами. Управление взаимоотношениями с стейкхолдерами в этой связи выступает ключевой задачей менеджмента и заключается в реализации решений, удовлетворяющих интересам как стейкхолдеров, так и самой организации.

Данная статья направлена на выработку рекомендаций по адаптации практики коммерческих компаний по взаимодействию со стейкхолдерами с целью повышения эффективности реализации «третьей миссии» университетов, предполагающей их участие в комплексном развитии пространства региона.

Основные положения теории стейкхолдеров

Основы теории стейкхолдеров начали формироваться в 60-х годах XX века. Из начальным постулатом стало рассмотрение компании не только как экономического субъекта, созданного для получения прибыли, но и как важной части среды, в которой она существует, и как системы, которая находится во взаимном влиянии со стороны своего окружения. Ключевые принципы теории стейкхолдеров изложены в работе профессора делового администрирования Университета Вирджинии Э. Р. Фримена «Стратегический менеджмент: стейкхолдерский подход». В ней автор определил стейкхолдеров как «любоих индивидуумов, группы или организации, оказывающие значимое влияние на принимаемые компанией решения и/или оказывающихся под воздействием этих решений» [6, р. 15].

В английском языке понятие «стейкхолдер» (от англ. stakeholder) означает лицо или компанию, которая инвестировала в бизнес и владеет его частью. Также этим словом часто называют того, кто заинтересован в успехе какого-то плана или проекта. В российской науке термин «стейкхолдеры» чаще всего переводится как «за-

интересованные стороны», однако некоторые авторы считают более корректным его перевод как «вовлеченные стороны» (так как *stake* в данном контексте означает «участие» или «доля») [7, с. 418—422]. Также можно встретить такие дефиниции, как «держатель интереса», «причастная сторона», «группа влияния», «коалиция влияния», «участники коалиции», «заинтересованная группа», «целевая аудитория», «группа интересов».

М. А. Петров, раскрывая теорию Р. Э. Фримена, определяет стейкхолдеров как «некоторую общность или индивида, которые способны целенаправленно оказывать воздействие на результаты деятельности предприятия как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе либо сами подвергаются воздействию со стороны фирмы» [8, с. 45]. Е. К. Екшикеев называет стейкхолдерами «любую группу или индивида, которые могут влиять на деятельность организации» [9, с. 8]. По мнению И. Б. Гуркова, «стейкхолдеры не просто “группы и лица”, затрагиваемые деятельностью фирмы, а “вкладчики” определенного типа ресурса» [10, с. 29]. В. Л. Тамбовцев считает, что стейкхолдеры — это «индивиды, группы индивидов и организаций, являющиеся потребителями (получателями) позитивных и негативных контактных и внешних эффектов от деятельности фирмы и способных влиять на эту деятельность» [11, с. 3—26].

Институт социальной и этической отчетности (AccountAbility) выпустил Стандарт взаимодействия с заинтересованными сторонами — AA 1000 SES. Согласно этому документу заинтересованной стороной называется группа, которая может влиять на деятельность организации или, напротив, способна испытывать на себе влияние от деятельности организации, производимой ею продукции или оказываемых ею услуг и связанных с этим действий¹. Этот стандарт выделяет три ступени взаимодействия с заинтересованными сторонами: взаимодействие с целью снижения остроты проблемы, происходящее в результате давления и имеющее локальный эффект; систематическое взаимодействие с целью управления риском и лучшего понимания заинтересованных сторон; комплексное стратегическое взаимодействие с целью обеспечения устойчивой конкурентоспособности.

Развивая теорию стейкхолдеров, Дж. Пост, Л. Престон и С. Сакс в книге «Переосмысление корпорации: стейкхолдерский менеджмент и богатство организации» видят в «богатстве» организации «способность компании производить различные блага для всех ее стейкхолдеров в течение длительного времени» [12, р. 52]. По сути, речь идет о реализации долгосрочной политики социальной ответственности. По мнению С. А. Попова и Л. Л. Фоминой, «теория стейкхолдеров — это теория особой модели компании, которая определенным образом интерпретирует ее в качестве социально ответственного института современного (капиталистического) общества» [13, с. 60—65]

Расширяя идеи Р. Э. Фримена, М. Портер и М. Креймер выдвинули концепцию «общих ценностей», определяя ее как «политику и операционные практики, которые усиливают конкурентоспособность конкретной компании и одновременно улучшают экономические и социальные условия существования тех конкретных сообществ, в которых она работает» [14, р. 67]. Авторы говорят о том, что деятельность, соответствующая ценностям общества, — это не нагрузка на бизнес, а ее основное содержание. Они проводят различия между концепцией общих ценностей и политикой корпоративной социальной ответственности. Например, если для реализации последней необходимы дополнительные финансовые издержки, то создание общих ценностей не отделено от получения прибыли. Социальная ответственность

¹ Стандарт взаимодействия с заинтересованными сторонами AA 1000 SES. URL: http://www.urbanecconomics.ru/sites/default/files/2526_import.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

может проявляться под внутренним или внешним давлением, а создание общих ценностей является неотъемлемой составляющей конкурентной деятельности компании. Иными словами, реализация компанией интересов взаимодействующих сторон органично вписывается в ведение бизнеса и становится его частью.

Существуют различные подходы к классификации стейкхолдеров, которые предлагаются зарубежными и российским авторами. Р.Э. Фримен считает, что стейкхолдеры представляют как внутреннее окружение компании (работники, акционеры, поставщики и покупатели), так и внешнее (общественные организации, государственные органы, средства массовой информации, конкуренты, специальные группы) [6]. Д. Харрисон и К. Джон разделяют стейкхолдеров на широкое, операционное и внутреннее окружение. К первому они относят общественно-политические и экономические явления, оказывающие влияние на компанию, ко второму — покупателей, сообщества, кредиторов, профсоюзы, конкурентов, государство, к третьему — акционеров и сотрудников [15]. Дж. Саваж и Т. Никс рассматривают стейкхолдеров с позиций угрозы или сотрудничества и классифицируют по четырем типам: поддерживающих, смешанных, неподдерживающих и маргинальных [16]. Р. Митчелл, Р. Эйгл, Д. Вуд идентифицируют стейкхолдеров по атрибутам отношений (власть, легитимность, актуальность) и предлагают свою типологию, складывающуюся из сочетания этих характеристик [17]. В зарубежной научной литературе также можно встретить разделение стейкхолдеров на «реальных, наблюдателей и хранителей» [18, р. 122]; «оказывающих финансовую помощь, управляющих, работников и экономических партнеров» [19, р. 29]; «менеджмент компании, сотрудников, собственников, продавцов и поставщиков» [20, р. 239] и другие.

У российских авторов можно встретить следующие классификации: стейкхолдеры финансового интереса, управленцы, сотрудники, интеллектуальный капитал, социальные группы заинтересованных сторон [21, с. 167]; ведущие заинтересованные субъекты, уведомляемые и внешние [22, с. 67]; нормативные, функциональные, диффузные, потребители [23, с. 101] и ряд других. О.Б. Зильберштейн, К.В. Невструев, Д.Д. Семенюк, Т.Л. Шкляр, А.В. Юрковский дают достаточно полную классификацию и среди внутренних стейкхолдеров выделяют группы «сотрудники» (члены совета директоров, топ-менеджмент, менеджеры, сотрудники, служащие, которые покинули компанию), «инвесторы» (владельцы долей в бизнесе), «поставщики» (субподрядчики, консультанты, аутсорсинг), «деловые партнеры» (партнеры по НИОКР), «университеты и научное сообщество» (научные работники, аспиранты и студенты, проходящие практику и стажирующиеся в компании), а среди внешних — «сотрудники» (потенциальные сотрудники), «инвесторы» (кредитные организации, менеджеры и аналитики инвестиционных фондов, рейтинговые агентства), «клиенты» (конечные потребители, посредники, лица, оказывающие влияние при выборе товара), «поставщики» (поставщики материалов и сырья, провайдеры услуг и продуктов, относящихся к инфраструктуре), «конкуренты» (прямые конкуренты, производители товаров-заменителей), «правительство и регулирующие органы» (профильные министерства, ведомства, комитеты), «деловые партнеры» (лицензиаты, университеты), «местные сообщества» (соседи, местные власти, благотворительные и волонтерские организации), «университеты и научное сообщество» (исследовательские центры, научные и педагогические работники), «СМИ» (радио, ТВ, печатные издания, интернет), «неправительственные организации и группы давления» (организации по защите прав человека, организации по охране окружающей среды) [24, с. 98].

Имплементация теории стейкхолдеров к сфере высшего образования

Основываясь на принципах идентификации стейкхолдеров в сфере бизнеса, ряд российских ученых предлагает свои подходы к классификации стейкхолдеров в сфере образования. Так, В. А. Нагорнов и О. В. Перфильева говорят о том, что по отношению к образовательным организациям стейкхолдерами выступают органы власти субъекта Федерации, другие образовательные организации региона, предприятия, представители бизнеса и институты гражданского общества [3, с. 60—86.]. По мнению Е. С. Поповой, к этому списку стоит добавить государство, которое регулирует деятельность университетов и формирует заказ на подготовку специалистов [13, с. 47—54]. М. С. Рахманова выделяет пять групп стейкхолдеров: «бизнес-сообщество», «сотрудники», «клиенты» «государство и общество» и «внешние партнеры» [25, с. 141—145]. В. М. Саввинов, В. Н. Стрекаловский разделяют стейкхолдеров университетов на внешних (государство, органы власти региона и муниципальных образований, работодатели, абитуриенты и их родители, образовательные организации, общественные объединения) и внутренних (обучающиеся и их родители, научно-педагогические работники, административно-управленческий аппарат) [2, с. 87—89].

Ключевым вопросом является формирование механизмов работы со стейкхолдерами университетов, которые позволят достичь максимального эффекта и способствовать развитию. Можно выделить ряд логических этапов этой работы. Первый из них — идентификация стейкхолдеров конкретного университета. Это означает не только составление перечня, но и анализ отношений между ними и университетом. Г. Винтен при анализе типов стейкхолдеров предлагает определить отношения между стейкхолдерами, группировки стейкхолдеров, характер интересов каждого из них, оценить природу власти каждого стейкхолдера, выяснить, какие угрозы или возможности они потенциально представляют, отследить изменения в группировках стейкхолдеров, определить, какова ответственность перед каждой группой стейкхолдеров: экономическая, юридическая, этическая, выявить наилучшие стратегии для управления той или иной группой стейкхолдеров [26].

На следующем этапе происходит оценка ожиданий и интересов стейкхолдеров по отношению к университету, а также определяются каналы коммуникации с ними. Далее вырабатывается модель взаимодействия со стейкхолдерами, которая включает в себя анализ степени и характера влияния каждого стейкхолдера на университет. После того как выбранная модель начинает работать, производится оценка ее эффективности, выявляются сильные и слабые стороны в работе и вносятся необходимые коррективы.

Вслед за этим вырабатывается стратегия работы со стейкхолдерами, включающая в себя перечень перспективных долгосрочных направлений дальнейшего развития университета. А. И. Патрахин говорит о трех основных стратегиях взаимодействия со стейкхолдерами университета. Первая, применимая в основном к группам высокой важности, предполагает регулярный контроль и максимальное привлечение стейкхолдеров к процессу взаимодействия. Вторая включает в себя организацию консультативных встреч по согласованию долгосрочных решений образовательной организации с целью сохранения удовлетворенности данных групп. Третья предполагает информирование о намерениях образовательной организации, привлечение к публичному обсуждению актуальных проблем с целью заручиться поддержкой этих групп [1].

Выбор стратегии взаимодействия со стейкхолдерами зависит прежде всего от общей стратегии развития университета, а также от того, какую позицию университет занимает в вопросе своей роли и места в развитии региона, в котором он находится. Большинство университетов приходят к пониманию необходимости реализации политики социальной ответственности в контексте «третьей миссии». В этой связи эффективное взаимодействие со стейкхолдерами выступает необходимым условием и ключевым элементом успешной работы в этом направлении.

По определению М. Мархла и А. Паусиста, «третья миссия университетов» — это «совокупность специфических услуг, основанных на действиях и возможностях, служащих для блага общества» [27]. При этом оказание таких «общественных услуг», по сути, означает удовлетворение потребностей тех, кто находится во взаимосвязях с университетом, то есть стейкхолдеров. Можно констатировать, что стейкхолдерский подход к управлению университетами предполагает двустороннее и даже многостороннее движение, при котором происходит взаимный обмен ресурсами не только между университетом и стейкхолдерами, но и между различными стейкхолдерами при посредничестве университета.

Реализация «третьей миссии» университетов в странах Балтийского региона

Реализация «третьей миссии» в Польше (опыт Поморского воеводства)

В настоящее время польские университеты сталкиваются со множеством проблем, среди которых снижение численности населения, дефицит квалифицированных кадров, растущая конкуренция на рынке образовательных услуг и НИОКР, в том числе за получение государственного финансирования. Назрела необходимость разработать стратегию, которую вузы смогут предложить широкому кругу заинтересованных сторон: обучающимся университета, его сотрудникам, местному сообществу, государству, бизнесу, профессиональным сообществам и организациям, религиозным и этническим общинам и международным организациям [28]. Взаимодействие между современным университетом, государством и рынком все чаще становится предметом исследования, оказывая значительное влияние на социально-экономическое развитие страны. Реализация университетами «третьей миссии» должна привести к популяризации научных исследований и к их коммерциализации, что окажет значительное влияние на процессы социального развития в экономическом, этическом и цивилизационном измерениях.

В исследовании «Третий сектор экономики и «Третья миссия» университетов» Анна М. Кола (Университет Николая Коперника) и Кшиштоф Лея (Гданьский университет) утверждают, что сосредоточение исключительно на неолиберальных ценностях (рыночная ориентация, рынок труда, финансовые показатели, экономическая прибыль) приводит к ситуации, когда общество рассматривает университет лишь как инструмент развития [29]. Вместе с тем реализация «третьей миссии» университетов положительно повлияет на рост социального капитала, который в настоящее время недооценен. Существует ряд примеров взаимодействия общественных организаций и университетов Польши, которые демонстрируют то, как вузы могут использовать «инструменты» неправительственного сектора для повышения уровня научных исследований, повышения квалификации персонала, максимизации конкурентной позиции в мире, улучшения финансового положения и т.д. Одним из таких примеров может служить ассоциация *Collegium Invisibile*,

чья деятельность направлена на развитие потенциала обучающихся во всех польских университетах. Ассоциация предлагает программу научной и педагогической поддержки студентов, где руководителями выступают самостоятельно выбранные профессора. Программа также оказывает финансовую поддержку, благодаря которой студенты могут получить опыт в лучших университетах мира. Она позволяет сформировать значимый социальный капитал и повышает компетенции студентов. В рамках программы «Collegium» студенты выбирают научного руководителя — обычно всемирно известного профессора (не обязательно из Польши), который обладает высоким социальным капиталом и является авторитетом в определенной области. Каждый год студенты под его руководством готовят доклад, представляющий их научную деятельность. «Collegium» — это пример ассоциации, где вся деятельность управляется ее членами — студентами, при этом ответственность за ее научный характер несет Научный совет профессоров, в который традиционно входит ректор Варшавского университета. Неоспоримым преимуществом Ассоциации является то, что благодаря непосредственному взаимодействию с профессором формируется среда для интеллектуального обмена, в котором преобладает ответственность за новое поколение ученых. Наука и образование, таким образом, становятся своего рода конвейерной лентой для передачи гуманистических ценностей, которые выходят за рамки деловых отношений.

Важную роль, связывающую различные секторы экономики с университетом, играют ассоциации выпускников, основанные самими университетами и их выпускниками. Цели подобных организаций различны, их задача состоит в том, чтобы поддерживать отношения между университетом и его бывшими студентами. Важной задачей является поддержка студенческой культуры, которая помогает академической интеграции, и пропаганда достижений людей, связанных с университетом. Ассоциации позволяют формировать эндаумент-фонд, финансирующий научные исследования, учебные программы, стажировки студентов, а также оказывающий финансовую поддержку студентов в виде стипендий.

Несмотря на изменения, произошедшие в Польше после образовательной реформы 2010—2011 годов, «третья миссия» вузов и их взаимодействие с обществом и промышленностью остаются проблемой из-за ограниченного спектра деятельности, акцента на исследования и публикации и преобладающей линейной модели передачи знаний. Политика Польши в области высшего образования и исследований в первую очередь сосредоточена на передаче технологий и коммерциализации, которые едва ли приведут к ожидаемым результатам, так как она игнорирует нелинейность процесса обмена знаниями и роль вузов в решении социальных проблем. Нынешняя политика не фокусируется на «третьей миссии» и уделяет недостаточно внимания решающей роли студентов в передаче знаний. С 2018 года в осуществлении мероприятий «третьей миссии» вузы будут поддерживать дополнительное финансирование ESIF (Европейские структурные и инвестиционные фонды).

Для большинства польских вузов город и окружающая среда обеспечивают естественную основу для индустриального партнерства. В частности, правительство Поморского воеводства активно привлекает вузы к взаимодействию в сфере регионального развития с помощью Совета предпринимательства и образования и Совета ректоров. Ключевыми механизмами мобилизации вузов для регионального развития являются:

— Стратегия развития Поморского воеводства до 2020 года, определяющая основные задачи региона. Одной из ее целей является развитие конкурентоспособно-

го высшего образования за счет привлечения студентов и сотрудников вузов, консолидации вузов и их взаимного сотрудничества с бизнесом, средним образованием и зарубежными партнерами. Также одна из задач — создание сети высших профессиональных учебных заведений в соответствии с потребностями рынка труда в регионе;

— шесть региональных программ, в том числе программа «Порт Поморского творчества», которая играет роль Региональной инновационной стратегии. Эти программы поддерживают Стратегию развития;

— кластерная политика и «умная специализация»: в течение последних 10 лет регион отвечает за координацию региональной кластерной политики, которая в 2013 году стала основой новой региональной экономической политики. В рамках этого процесса были определены четыре «умные специализации», по каждой из которых совместно с вузами были созданы проекты и совет. Ожидается, что результаты этой деятельности окажут значительное влияние на реализацию «третьей миссии» университетов;

— мероприятия, финансируемые ЕС в 2007—2013 годах: например, стипендия для кандидатов наук (268 кандидатов наук в инновационных областях); в 2014—2020 годах 13 инфраструктурных проектов НИОКР (20 млн евро), 6 проектов для высшего профессионального образования (17 млн евро) и программа сотрудничества между бизнесом и научно-технологическими парками TriPOLIS, направленная на стимулирование научно-делового взаимодействия. В регионе также создается механизм поддержки проектов НИОКР, участия в международных проектах по «умным специализациям»;

— региональные фонды для поддержки программ высшего образования, которые включают программу по привлечению иностранных студентов для обучения в Поморском воеводстве (финансируется совместно 8 из 10 государственных вузов в регионе); стипендии для лучших студентов (40 студентов в год с 2002 года); награда Маршалла за лучшую диссертацию по теме, связанной с регионом (с 2018 года).

Пример Поморского воеводства можно считать успешным, поскольку вузам и региону удалось добиться прогресса во взаимной вовлеченности к разработке и реализации региональной стратегии.

Реализация «третьей миссии» в Литве (Вильнюсский университет)

В работе [30] указано, что стратегический план Вильнюсского университета на 2013—2020 годы формулирует миссию университета следующим образом: «Стать ведущим исследовательским университетом в Центральной и Восточной Европе, проводящим исследования, пользующиеся международным признанием, а также способствовать активному партнерству и развитию устойчивого открытого общества». Для оценки реализации «третьей миссии» Вильнюсским университетом авторы исследования сопоставили показатели, отраженные в стратегическом плане 2013—2020 годов, с классификацией целей «третьей миссии» [30]: 1) передача технологий и инноваций (включает деятельность, направленную на управление интеллектуальной собственностью, создание дополнительных возможностей и развитие НИОКР); 2) непрерывное образование (фокусируется на двух процессах: развитии предпринимательских компетенций и привлечении и инкубации талантливых кадров); 3) социальная активность, реализуемая с помощью интеграции в региональные, национальные и международные сообщества и сети (табл. 1).

Таблица 1

Показатели реализации «третьей миссии» в Вильнюсском университете

Цель «третьей миссии»	Деятельность, направленная на реализацию цели	Показатели, отраженные в стратегическом плане
Передача технологий и инноваций	Управление интеллектуальной собственностью и создание дополнительных возможностей	Количество стартап- и спинофф-компаний, созданных на основе исследований, проведенных в рамках университета
	Развитие НИОКР	Доход от исследований и разработок Количество международных проектов Общий доход, полученный в результате развития
Непрерывное образование	Развитие предпринимательских компетенций	Количество участников курсов повышения квалификации Доход, полученный в результате развития непрерывного образования Количество профессионалов высокого уровня Количество литовских предприятий, сотрудники которых участвуют в курсах повышения квалификации
	Привлечение и инкубация талантливых кадров	Доля персонала, участвующего в курсах повышения квалификации Доля аспирантов, докторов наук, научных сотрудников, признанных за рубежом
Социальная активность	Социальное взаимодействие с сообществом	Количество открытых мероприятий Количество социально активных выпускников университета Объем частных пожертвований
	Интернационализация	Доля аспирантов, докторов наук, научных сотрудников, участвующих во внешней мобильности Доля зарубежных студентов и сотрудников Количество международных совместных программ получения двойного диплома Количество программ на иностранных языках Количество международных престижных научных мероприятий Количество международных коллабораций

Анализ показателей, отраженных в стратегическом плане, указывает на острую необходимость развития предпринимательской деятельности. Более того, значительная часть показателей акцентирует внимание на различных мероприятиях по интернационализации. С другой стороны, лишь несколько показателей отражают взаимодействие университета с местным сообществом. Таким образом, 58 % показателей, отраженных в стратегическом плане Вильнюсского университета 2013—2020 годов, совпадают с целевыми ориентирами «третьей миссии».

Приведем примеры реализации «третьей миссии» Вильнюсским университетом. 1. Бизнес-форум «Развитие талантов для инновационной экономики», организованный университетом год назад, на котором были представлены несколько примеров активного взаимодействия Вильнюсского университета и бизнеса. 2. Сотрудничество университета с компанией *Thermo Fisher Scientific Baltics*, активно участвующим

щей в программах стажировок и регулярно принимающей на работу выпускников вуза. Кроме того, *Thermo Fisher Scientific Baltics* предоставляет студентам-биотехнологам возможность посещения курсов по управлению бизнесом. 3. Кооперация с инновационным центром «ESADE Creapolis», чья миссия заключается в помощи компаниям и содействии сотрудничеству в исследовательских проектах. В настоящее время центр объединяет 70 компаний и активно создает инновационную платформу для обмена идеями. 4. Сотрудничество с *DTU Skylab* — междисциплинарным центром и сообществом для студенческих инноваций и предпринимательства Технического университета Дании. В год в программах центра принимают участие 5000 студентов. Более того, *DTU Skylab* предлагает сетевое взаимодействие и приглашает к сотрудничеству компании и студентов. Талантливые студенты часто трудоустраиваются после успешного сотрудничества в рамках работы центра. 5. Объединение бизнес-сообщества и университета в рамках проекта Erasmus + «PROMOTE», целью которого является развитие и подтверждение ключевых компетенций, полученных в ходе мероприятий, направленных на развитие студенческой мобильности. Проект отличается оригинальным подходом к преодолению разрыва между бизнесом и научным сообществом.

Таким образом, Вильнюсский университет активно реализует цели «третьей миссии» в развитии предпринимательских компетенций, интернационализации. Однако недостаточно внимания уделяется взаимодействию вуза и местного сообщества, также все еще отсутствует эффективное сотрудничество промышленности и университета в области НИОКР.

Реализация «третьей миссии» в Швеции (Упсальский университет)

Шведская система инновационной политики поддерживает вузы в проведении мероприятий, направленных на реализацию «третьей миссии» [31]. В этой связи стоит упомянуть несколько учреждений и программ. Шведское агентство инновационных систем *VINNOVA* (основано в 2001 году) предоставляет финансирование для исследований потребностей университетов и ставит своей задачей стимулирование сотрудничества между бизнесом, университетами и политическими деятелями. Ежегодно в новые и текущие проекты инвестируется 220 миллионов евро. *VINNOVA* содействует изменению академической культуры, развитию предпринимательства и росту конкурентоспособности вузов. Агентству принадлежит несколько инициатив. Например, национальная программа *Key Actors* (запущена в 2006 году), направленная на улучшение взаимодействия между университетами, стейкхолдерами и другими субъектами, а также коммерциализацию исследований. Другой инициативой является программа *VINN Excellence*, которая поддерживает создание центров для передачи опыта и развития сотрудничества между фирмами. Региональный конкурс, реализуемый в рамках инициативы *VINNVÅXT*, фокусируется на стимулировании регионального развития путем продвижения сотрудничества между вузами, бизнесом и политическими деятелями. Ключевую роль в реализации «третьей миссии» также играет *NUTEK* (Шведское агентство по экономическому и региональному росту). Среди его многочисленных инициатив выделяется Региональная кластерная программа, поддерживающая развитие кластеров, в которых вузы выступают в качестве ключевых участников. В 2005 году правительством была создана инициатива *Innovationsbron* («Мост инноваций»), цель которой — увеличение, коммерциализация и эффективное использование финансируемых государством НИОКР. На ранней стадии роста новых предприятий *Innovationsbron* выступает в качестве посевного инвестора. Ежегодно им финансируется от 30 до 40 компаний. Фонд знаний *KK-stiftelsen* поддерживает исследования, проводимые в «новейших» шведских университетах (то есть созданных после 1977 года). Ключевую роль в реализации «третьей миссии» также играют *VINNOVA* и *NUTEK*.

чевыми инициативами фонда являются программы *HÖG* и *KK*. Они содействуют распространению знаний и развитию сотрудничества между вузами и компаниями. С момента своего основания в 1994 году *KK-stiftelsen* инвестировал около 7,8 млрд шведских крон в более чем 2100 проектов. Несмотря на то что существует давняя традиция сотрудничества между университетами и крупными компаниями, мероприятия, направленные на коммерциализацию научно-исследовательской деятельности (выделение организации, патентование и лицензирование), — относительно недавнее явление. В последние годы шведские университеты расширили свои возможности по поддержке предпринимательства путем создания и укрепления различных вспомогательных структур.

В качестве примера реализации «третьей миссии» шведскими вузами следует привести старейший вуз Швеции — Уппсальский университет. Согласно данным за 2018 год Уппсальский университет на взаимовыгодной основе активно взаимодействовал с субъектами частного, государственного сектора, а также гражданским обществом. Университет проводит активный обмен знаниями с бизнес-сообществом, а также с государственными учреждениями (кооперация с Шведским национальным ветеринарным институтом, Национальным агентством по вопросам продовольствия, Агентством по медицинской продукции, Государственной геологической службой Швеции, муниципалитетом Уппсала и регионом Готланд). Университет интегрирован в инициативы по развитию кластера биологических наук, куда входят еще пять университетов, сотни компаний, университетские больницы и вспомогательные подразделения. Университетом также запущена инициатива *UU Innovation*, направленная на поддержку коммерциализации и сотрудничества с бизнес-сообществом. Успешная интеграция университета с реальным сектором экономики во многом происходит благодаря эффективным спинофф-проектам. Так, в 2018 году 42 студента Уппсальского университета основали свои компании, а число выпускников в глобальной сети превысило 24 000 человек. Более того, Уппсальский университет является совладельцем компаний, представленных в сфере биотехнологий, естественных наук, космических технологий, возобновляемых источников энергии и общественных и гуманитарных наук, что делает его ярким примером успешной реализации вузом «третьей миссии».

Опыт взаимодействия со стейкхолдерами в российских университетах: кейс Балтийского федерального университета имени И. Канта

«Третья миссия» современного университета подразумевает расширение социальных функций вуза как общественного института, его активную вовлеченность в региональную, государственную и мировую повестку посредством внедрения инноваций, создания социально-культурных и общественных проектов, подготовки кадров для предприятий. Данные процессы обусловлены необходимостью учета интересов стейкхолдеров в базовых программных документах образовательного учреждения.

С 2010 года БФУ им. И. Канта реализует политику, направленную на развитие социально-экономического потенциала региона, которая была отражена и закреплена в распоряжении Правительства Российской Федерации — Программе развития Балтийского федерального университета им. И. Канта на 2011 — 2020 годы. Документ в качестве стратегической цели ставит участие вуза в социально-экономическом развитии не только Калининградской области, но и Северо-Западного федерального округа путем формирования качественного кадрового и научного потенциала. Фокусом социально-экономического развития региона выступает интеллектуальная экономика, которая определяется прежде всего вкладом человеческого капитала в развитие инновацион-

ной инфраструктуры. Участие университета в этом процессе рассматривается в разрезе активизации академической мобильности, развитии приоритетных направлений науки, технологии и техники. В соглашении о сотрудничестве от 2011 года между Балтийским федеральным университетом им. И. Канта и Правительством Калининградской области, являющимся ключевым стейкхолдером, обозначен следующий перечень взаимных интересов: создание благоприятного социального, инновационного и предпринимательского климата; достижение конкурентоспособности Калининградской области в Балтийском регионе; развитие туристическо-рекреационного комплекса; проведение успешной промышленной политики; развитие эффективной транспортной и энергетической инфраструктуры; создание инфраструктуры связи и доступа к современным информационным технологиям; повышение эффективности государственного управления в области; продвижение университета федерального значения в эксклавному субъекте Российской Федерации.

Научные и технологические подразделения БФУ им. И. Канта активно взаимодействуют более чем с 40 крупными и малыми предприятиями: например, регионального уровня — ООО «Мираторг-Запад», ЗАО «Аэропорт Храброво», ООО «Калининградгазавтоматика»; научными организациями реального сектора — ЗАО «Технологии обратных задач», ПАО «НПО Андроидная техника», ООО «Технополис GS-Group»; группой компаний, занимающихся разработкой технологий для людей с ограниченными возможностями, — ООО «Observer». Последние две компании совместно с научно-образовательным центром «Функциональные наноматериалы» и Лабораторией нейробиологии и медицинской физики выступили индустриальными партнерами при подаче заявок на мегагранты. В 2016 году силами БФУ им. И. Канта было выполнено более 45 работ по договорам с предприятиями региона, а совокупный объем НИОКР по ним составил 11,5 млн руб.

Университет занимает лидирующую позицию в формировании технологической, инфраструктурной поддержки инновационного развития Калининградской области в условиях ее эксклавного положения. БФУ им. И. Канта является ведущим поставщиком кадров в самых разных сферах, таких как образование, туризм, юриспруденция, здравоохранение, территориальное планирование, природопользование и экология, информационные технологии, спорт, синхронный и последовательный перевод, транспортная логистика, медиа и др. Одна из задач университета — более плотная интеграция вуза в региональное пространство, формирование устойчивых каналов взаимодействия университета с государственными, общественными и коммерческими организациями социального сектора, а также трансляция инноваций и технологий.

Среди коммуникационных площадок со стейкхолдерами следует выделить регулярные и ситуативные научно-просветительские площадки и мероприятия («интеллектуальные пикники», лектории, открытые публичные лекции) для коммуникации ученых БФУ и местного сообщества; совместные дискуссионные и дебат-клубы университета и внешних партнеров (СМИ и общественных организаций), в том числе по политической проблематике, повестку которых во многом задают как раз внешние участники; ресурсные центры при школах и предприятиях для обучения и прохождения практик студентов университета; «клиники» для практического обучения студентов оказанию помощи представителям регионального сообщества (в частности, юридическая клиника); советы и комитеты по образованию и культуре, в работе которых участвуют представители администрации университета и эксперты из числа его сотрудников (совет по культуре при Правительстве области, педагогическая коллегия, совет ректоров вузов); площадки для общения администрации региона, представителей бизнес-ассоциаций (КТПП и БДК) и организаций социального сектора (Гражданский форум, региональные конференции).

Одним из наиболее эффективных инструментов для формирования устойчивого взаимодействия между университетом и региональным сообществом являются проекты различной направленности, например «Welcomeцентр», в ходе которого студенты знакомят с университетом и Калининградской областью учащихся из других стран и регионов; социальные коллаборации с различными фондами, детскими домами и приютами — такие как «Пожилой человек», «Донор-человек», «Согрей ребенка любовью», «Помоги животному», «Умею плавать!»; «Университет третьего возраста» — обучение пенсионеров компьютерной и правовой грамотности, а также основам ЗОЖ; реабилитационные проекты «Иппотерапия» в которых задействованы волонтеры, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья, в рамках арт-терапии в совместной театральной студии для детей с ментальными ограничениями здоровья; культурные проекты: «Народный фотоальбом» и «Калининград: время советское», аккумулирующие единое культурное наследие региона; гражданско-патриотические проекты «Память», «Волонтеры Победы»; экологические проекты по благоустройству Куршской косы; конкурсы по выявлению молодых талантов, такие как «Медиастрана» (конкурс региональных школьных СМИ, совместно с холдингом «Западная пресса»). Для воплощения в жизнь подобных проектов при университете создан проектный офис студенческих инициатив, функцией которого выступают объединение на своей площадке успешных практик в сфере социальных инноваций и обеспечение взаимодействия различных институтов развития по «тройной спирали»: наука, бизнес, власть.

В рамках взаимодействия со стейкхолдерами БФУ им. И. Канта руководствуется тремя ключевыми принципами: проектным характером деятельности; поддержкой открытости и диалога; информатизацией и повышением цифровой грамотности. Данные векторы способствуют формированию пространства технологических и социальных инноваций в Калининградской области, помогают в создании комфортной среды для аккумуляции и внедрения высококачественного человеческого капитала, формируя доверие общества к интенсивному развитию вуза.

Опыт взаимодействия со стейкхолдерами в российских университетах: кейс Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова

Формирование эффективного механизма работы университета со стейкхолдерами должно строиться исходя из учета взаимных интересов и ресурсных возможностей. Интересы стейкхолдеров должны быть отражены в основных программных документах образовательной организации. Так, в Программе развития Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (далее — САФУ) отражены задачи, напрямую связанные с интересами ключевых стейкхолдеров, такие как содействие реализации национальных интересов России в Арктике; подготовка высококвалифицированных специалистов для работы на территории Европейского Севера России и в Арктике; проведение междисциплинарных комплексных арктических исследований в кооперации с российскими и международными партнерами.

В законе Архангельской области «О государственной поддержке Северного (Арктического) федерального университета» обозначены взаимные интересы университета и региона как важного стейкхолдера: формирование отраслевого заказа на проведение научных исследований; оказание содействия привлечению государственных гражданских служащих исполнительных органов государственной власти Архангельской области к проведению теоретических и практических учебных занятий со студентами соответствующих структурных подразделений САФУ; оказание содействия в прохождении практики и стажировки студентов и преподавателей САФУ в исполнительных органах государственной власти Архангельской области, иных органах и организациях².

² О государственной поддержке Северного (Арктического) федерального университета : закон Архангельской области № 295-22-ОЗ от 30 мая 2011 года // Волна. 2011. 2 июня.

Взаимные интересы университета и работодателей, а также общественных организаций отражены в более чем 140 соглашениях, заключенных между университетом и предприятиями, организациями региона, некоммерческими организациями, среди которых крупнейшие предприятия области, такие как «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат», «Центр судоремонта «Звездочка», компания «РОСНЕФТЬ», «Архангельскгеолдобыча», Архангельский опытный водорослевый комбинат и др.

Отношения университета с его работниками помимо трудовых договоров обозначены в Коллективном договоре между работниками и администрацией САФУ, а с обучающимися — в Соглашении между обучающимися и администрацией университета.

Реализация взаимных интересов университета и стейкхолдеров невозможна без выработки модели участия стейкхолдеров в процессе управления образовательной организацией.

Авторы исследования, посвященного вопросам участия стейкхолдеров в управлении университетами, предлагают механизм принятия решений, предусматривающий влияние на него ключевых стейкхолдеров, к которым они относят внешний управляющий совет, администрацию, научно-технических работников и профессорско-преподавательский состав, а также студентов и выпускников [32].

Внешний управляющий совет выступает в роли «внешнего голоса» в управлении. В его состав не могут входить сотрудники или студенты вуза. Совет заинтересован в развитии университета с учетом потребностей общества, государства, рынка и решает стратегические и финансовые вопросы. Администрация решает вопросы текущей жизнедеятельности университета, использования финансовых ресурсов и состоит из высшего исполнительного лица — ректора и проректоров по ключевым направлениям.

Научно-технические работники и профессорско-преподавательский состав определяют большинство параметров академического качества: содержание учебных программ, требования к дипломным и выпускным работам, стандарты обучения и оценку работы студентов. Представители этих групп также активно привлекаются к разработке институциональной политики и вопросам заработной платы.

Студенты и выпускники участвуют в обсуждении вопросов жизни студентов внутри университета (общих стандартов обучения, питания, проживания). Выпускники приглашаются к обсуждению основных изменений в университете, включаются в работу органов управления.

Согласно федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» в образовательной организации формируются коллегиальные органы управления, к которым относятся общее собрание (конференция) работников образовательной организации, ученый совет, а также могут формироваться попечительский совет, управляющий совет, наблюдательный совет и другие коллегиальные органы управления³.

Таким образом, наиболее влиятельные стейкхолдеры вовлекаются в процесс управления университетом. Это может происходить, к примеру, путем включения их представителей в наблюдательные советы образовательных организаций.

Так, в Наблюдательный совет САФУ входят губернатор региона, заместитель министра образования и науки Российской Федерации, руководитель регионального объединения работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Архангельской области» и директора крупнейших предприятий области, представитель Московской школы управления «Сколково», руководитель крупной телевизионной компании. Участвуя в работе наблюдательных советов, представители стейкхолдеров могут напрямую участвовать в принятии важных решений, касающихся стратегии развития университета, в том числе связанных с изменением устава, созданием филиалов, распоряжением финансами и имуществом.

³ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации №273-ФЗ от 29 декабря 2012 года (ред. от 19 февраля 2018 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российское законодательство регламентирует порядок участия общественных объединений обучающихся и работников в процессе управления университетами. В частности, значительными правами наделены профсоюзные организации, которые могут влиять на принятие локальных нормативных актов, связанных с трудовыми отношениями, вопросами заработной платы, а также условиями обучения студентов, их проживания в общежитиях. Эти функции выполняет профсоюзная организация работников и обучающихся САФУ.

В законе «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено создание советов обучающихся, которые также выполняют функцию представительства интересов студентов. Совет обучающихся САФУ участвует в обсуждении перспектив развития университета, в том числе в ежегодном общественном форуме «САФУ — наш дом!», направленном на вовлечение работников, обучающихся, выпускников, ветеранов в разработку и реализацию основных направлений развития университета, выявление и поддержку инициативных идей и проектов, создание условий для их профессиональной, творческой, социально-общественной самореализации.

В САФУ активно работает Ассоциация выпускников, которая не только оказывают финансовую помощь университету, содействуют в работе с абитуриентами и работодателями, но и влияет на выработку политики университета в указанных направлениях.

Новым интересным инструментом артикуляции интересов профессорско-преподавательского состава стало Профессорское собрание САФУ, которое на своих заседаниях рассматривает стратегические вопросы жизнедеятельности университета и вносит предложения по ключевым направлениям образовательной, научной, социальной политики. Таким образом, на примере САФУ можно проиллюстрировать подходы к реализации модели участия стейкхолдеров в управлении университетом.

Выводы

При том, что большинство университетов понимает важность работы со стейкхолдерами, существуют определенные трудности в организации этой работы, что, в свою очередь, затрудняет реализацию «третьей миссии» университетов, предполагающей участие университетов в развитии пространства регионов, в которых они находятся. В отечественной практике отсутствуют устойчивые традиции взаимодействия высших учебных заведений и сообщества, при этом «университеты остаются “закрытыми” для сообщества, традиционно концентрируясь на научной и образовательной деятельности» [33, с. 119]. Для многих университетов эта сфера деятельности новая, малопонятная и часто воспринимается как дополнительная нагрузка, а не возможность для развития.

На наш взгляд, основными проблемами организации эффективной работы университетов со стейкхолдерами является отсутствие:

- системного подхода к работе со стейкхолдерами, замена ее эпизодическими контактами или формальными процедурами;
- гибкости, умения изменяться в соответствии с интересами стейкхолдеров;
- практики постоянного анализа отношений со стейкхолдерами, их взаимного обсуждения, корректировки;
- механизмов реального влияния стейкхолдеров на процессы управления университетами (за исключением государства и иногда крупных предприятий).

На примере проанализированных практик нами составлена матрица внешних и внутренних стейкхолдеров университета, включая характеристику их взаимных связей и интересов (табл. 2).

Таблица 2

**Матрица системы сетевого взаимодействия университета
с ключевыми стейкхолдерами**

Стейкхолдер	Ресурсы, в которых заинтересован стейкхолдер	Ресурсы, которые может предоставить стейкхолдер	Стейкхолдеры, во взаимодействии с которым университет может выступить посредником
<i>Внешние</i>			
Государство	Выполнение государственного задания на подготовку специалистов Создание фундаментальных и прикладных научных знаний Социализация студенческой молодежи	Статус и право на ведение образовательной деятельности Материальные и финансовые средства для работы университета (здания, материальные активы, денежные средства, гранты)	Обучающиеся университета Работники университета Выпускники университета Местное сообщество (жители) Работодатели Общественные организации
Органы власти региона	Кадры для экономики региона Содействие региональному развитию (экспертная деятельность, консультирование) Рабочие места для жителей региона Участие в реализации социальных проектов	Финансовые (заказы на проведение научных исследований, экспертиз, повышение квалификации) Помощь в работе с работодателями Помощь в привлечении абитуриентов из числа жителей региона Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Обучающиеся университета Работники университета Выпускники университета Бывшие сотрудники (ветераны) университета Общественные организации
Муниципальное образование, на территории которого находится университет	Рабочие места для жителей города Участие в формировании городской инфраструктуры, участие в реализации социальных проектов	Материальные (земля, здания, помещения) Финансовые (заказы на проведение научных исследований, экспертиз, повышение квалификации) Улучшение имиджа университета среди жителей города	Обучающиеся университета Работники университета Выпускники университета Бывшие сотрудники (ветераны) университета Общественные организации
Работодатели — предприятия и организации, заинтересованные во взаимодействии с университетом	Высококвалифицированные кадры Инновации и исследования для предприятий и организаций	Финансовые (заказы на проведение научных исследований, экспертиз, повышение квалификации) Содействие в трудоустройстве Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Другие предприятия и организации Другие образовательные организации (как внутри региона, так и вне его) Обучающиеся университета Работники университета Выпускники университета
Другие образовательные организации (как внутри региона, так и вне его)	Участие в сетевых образовательных и научных проектах Участие в совместных социальных проектах Повышение квалификации (для образовательных организаций начального и среднего профессионального образования)	Участие в сетевых образовательных и научных проектах Помощь в работе с абитуриентами (для образовательных организаций начального и среднего профессионального образования)	Другие образовательные организации Органы власти региона Муниципальное образование на территории которого находится университет

Окончание таблицы 2

Стейкхолдер	Ресурсы, в которых заинтересован стейкхолдер	Ресурсы, которые может предоставить стейкхолдер	Стейкхолдеры, во взаимодействии с которым университет может выступить посредником
<i>Внешние</i>			
Общественные организации	Материально-финансовые (использование ресурсов университета для реализации совместных проектов) Членство в организациях из числа работников и обучающихся университета Привлечение внимания органов власти и общественности к работе общественных организаций	Помощь в работе с абитуриентами Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Органы власти региона; Муниципальное образование, на территории которого находится университет Обучающиеся университета Работники университета Выпускники университета Бывшие сотрудники (ветераны) университета
Средства массовой информации	Информация о деятельности университета Совместные социальные проекты	Помощь в работе с абитуриентами Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Другие образовательные организации Обучающиеся университета Работники университета Выпускники университета
Местное сообщество (жители)	Образовательные услуги для различных групп жителей; Социальные услуги	Абитуриенты из числа жителей региона Работники университета из числа жителей региона	Государство
<i>Внутренние</i>			
Обучающиеся	Образовательные услуги Условия для получения образования, в том числе проживание в общежитиях Помощь в трудоустройстве	Содержание основной деятельности Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Государство Органы власти региона Муниципальное образование, на территории которого находится университет Работодатели Общественные организации
Работники	Трудоустройство, заработная плата, социальные гарантии Повышение квалификации и возможности для развития	Участие в подготовке выпускников Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Государство Органы власти региона Муниципальное образование, на территории которого находится университет Общественные организации
Выпускники	Помощь в трудоустройстве; Послевузовское сопровождение (повышение квалификации, профессиональная переподготовка, обучение в аспирантуре)	Улучшение имиджа университета среди жителей региона Финансовая поддержка деятельности университета	Государство Органы власти региона Муниципальное образование, на территории которого находится университет Общественные организации
Бывшие сотрудники (ветераны)	Социальная защита Оценка заслуг	Улучшение имиджа университета среди жителей региона	Общественные организации

Реализация университетами «третьей миссии» в разных странах Балтийского региона находится на разных этапах. Польские вузы не отличаются выдающимися результатами реализации «третьей миссии». Вместе с тем, учитывая активное участие вузов в региональном развитии Поморского воеводства, сложившаяся ситуация активно меняется. Аналогичная картина наблюдается в Вильнюсском университете, где цели «третьей миссии» в большей степени проявляются в развитии двустороннего сотрудничества с бизнес-сообществом, нежели во всестороннем участии вуза в региональном развитии. Из рассмотренных зарубежных стран Швеция наиболее успешна в имплементации «третьей миссии» университета, поскольку в стране уже давно успешно реализуется модель «предпринимательского университета», а также существует большое количество учреждений и программ, направленных на достижение целей «третьей миссии». На примере Уппсальского университета показано, как социальная активность вуза может обеспечить региональное развитие. Опыт активного социального партнерства — то, чего не хватает польским и литовским вузам для повышения качества образования и обеспечения его непрерывности. Более того, социальная активность способна обеспечить трансфер технологий, приносящий выгоду как самим образовательным учреждениям, так и региональному сообществу в целом.

Описанная модель может быть использована в современных подходах к управлению российскими организациями высшего образования в контексте реализации ими «третьей миссии» университетов. Чем раньше университеты осознают необходимость выработки четкой политики взаимодействия со стейкхолдерами, тем больше ресурсов для своего развития они получат.

Список литературы

1. *Патрахин А. И.* Стейкхолдер-менеджмент современной образовательной организации // Молодой ученый. 2016. № 22. С. 184—186. URL <https://moluch.ru/archive/126/34951/> (дата обращения: 08.10.2018).
2. *Саввинов В. М., Стрекаловский В. Н.* Учет интересов стейкхолдеров в управлении развитием образования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8. № 1. С. 87—99.
3. *Нагорнов В. А., Перфильева О. В.* Оценка роли вузов в региональном развитии: формирование устойчивых партнерств для взаимодействия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. № 4. С. 60—86.
4. *Перфильева О. В.* Формируя партнерство с бизнесом: достижения и проблемы федеральных университетов на современном этапе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. № 1 (36). С. 189—202.
5. *Попова Е. С.* Механизм взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2012. № 2. С. 47—54.
6. *Freeman R. E.* *Strategic Management: A Stakeholder Approach.* Boston, 1984.
7. *Белоусов К. Ю.* Эволюция взглядов на роль управления заинтересованными сторонами в системе устойчивого развития компании: проблема идентификации стейкхолдеров // Проблемы современной экономики. 2013. № 4. С. 418—422.
8. *Петров М. А.* Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник СПбГУ. Сер. Менеджмент. 2004. Вып. 2 (№ 16). С. 51—68.
9. *Екшикеев Т. К.* Стейкхолдеры рынка образовательных услуг // Сибирский торгово-экономический журнал. 2009. № 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/steykholdery-gynka-obrazovatelnyh-uslug> (дата обращения: 08.10.2018).
10. *Гурков И. Б.* Стратегический менеджмент организации : учеб. пособие. М., 2004.
11. *Тамбовцев В. Л.* Стейкхолдерская теория фирмы в свете концепции режимов собственности // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6, № 3. С. 3—26.

12. *Post J.E., Preston L.E., Sachs S.* Redefining the Corporation: Stakeholder Management and Organizational Wealth. Stanford University Press, 2002.
13. *Попов С.А., Фомина Л.Л.* От теории стейкхолдеров — к реализации концепции общих ценностей // Российское предпринимательство. 2013. Т. 14, № 2. С. 60—65.
14. *Porter M.E., Kramer M.R.* Creating Shared Value // Harvard Business Review. 2011. Jan.-Feb.
15. *Harrison J.S., St. John C.H.* Strategic management of organizations and stakeholders: concepts and cases. 2nd ed. Cincinnati, 1998.
16. *Savage G.T., Nix T.W.* Whitehead and Blair. Strategies for assessing and managing organizational stakeholders // Academy of Management Executive. 1991. № 5(2). P. 61—75.
17. *Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J.* Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What really Counts // Academy of Management Review. 1997. № 22(4). P. 853—888.
18. *Fassin Y.* The Reasons Behind Non-Ethical Behaviour in Business and Entrepreneurship // Journal of Business Ethics. 2005. Vol. 60, № 3. P. 265—279.
19. *Newbould G., Luffman G.* Successful business politics. L., 1989.
20. *Ансофф И.* Новая корпоративная стратегия. СПб., 1999.
21. *Константинов Г.Н.* Стратегический менеджмент. Концепции : учеб. пособие. М., 2009.
22. *Скляр Е.Н., Швыгова К.В.* Повышение эффективности управления промышленным предприятием на основе совершенствования механизма социальной реструктуризации // Вестник Брянского государственного технического университета. 2008. № 4(20). С. 84—89.
23. *Якубов Б.А.* Совершенствование организации взаимодействия предпринимательских структур в рамках концепции стейкхолдер-менеджмента : дис. ... канд. экон. наук. Великий Новгород, 2014.
24. *Зильберштейн О.Б., Невструев К.В., Семенюк Д.Д., и др.* Анализ стейкхолдеров на примере российских предприятий // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2016. Т. 8, № 3.
25. *Рахманова М.С.* Принципы функционирования вуза как стейкхолдер-компании // Интеллектуальный потенциал вузов — на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР : матер. конф. Владивосток, 2010. С. 141—145.
26. *Vinten G.* The stakeholder manager // Management decision. 2000. Vol. 38, No 6. P. 25—39.
27. *Маркл М., Паусист А.* Методология оценки третьей миссии университетов // Непрерывное образование: XXI век : научный электронный журнал. 2013. Вып. 1. doi: 10.15393/j5.art.2013.1949 (дата обращения 08.10.2018).
28. *Marklund G., Naczinsky C., Ziarko W., et al.* Peer Review of Poland's Higher Education and Science System. Horizon 2020 Policy Support Facility. P. 132—138. URL: https://rio.jrc.ec.europa.eu/sites/default/files/report/PSF-Peer_review_Poland_FINAL%20REPORT.pdf (дата обращения: 02.07.2019).
29. *Kola A., Leja K.* The Third Sector in the Universities' Third Mission // Management and Culture of the University (New Horizons in Management Sciences / ed. by Ł. Sułkowski. 2017. Vol. 6. P. 99—125. URL: <https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/14375/thethirdsector.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (дата обращения: 02.07.2019).
30. *Secundo G., Perez S., Martinaitis Z., Leitner K.* An Intellectual Capital framework to measure universities' third mission activities // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 123. P. 229—239. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162516308770> (дата обращения: 07.07.2019).
31. *Trippl M., Sinozic T., Smith H.* The “third mission” of universities and the region: comparing the UK, Sweden and Austria // The 52nd European Congress of the RSAI 21st August — 25th August 2012, Bratislava, Slovakia. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/120460/1/ERSA2012_0061.pdf (дата обращения: 05.07.2019).
32. *Участие в управлении университетом / отв. ред. О. Бычкова.* СПб., 2016.
33. *Харламова Е.Е.* Теория и методология эффективного управления динамичным развитием образовательной организации : монография. Волгоград, 2015.

Об авторах

Андрей Павлович Клемешев, доктор политических наук, профессор, президент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6343-3263>

Елена Владимировна Кудряшова, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

Сергей Эдуардович Сорокин, кандидат политических наук, доцент, проректор по социальным вопросам и воспитательной работе, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: s.sorokin@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

STAKEHOLDER APPROACH TO THE IMPLEMENTATION OF THE 'THIRD MISSION' OF UNIVERSITIES

A.P. Klemeshev^a

E.V. Kudryashova^b

S.E. Sorokin^b

---

^a Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

^b Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russia, 163002

Received 20 June 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-7

© Klemeshev A. P., Kudryashova E. V.,
Sorokin S. E., 2019

The implementation of the 'third mission' by universities is a significant area of research that has been explored by many Russian and international experts. The 'third mission' means engaging with society. Alongside education and research, it is an important factor in the successful development of a contemporary university. In this article, we explore how stakeholder theory, which is successfully employed in the management of large organisations, may be applied for the development of mechanisms for effective implementation of the 'third mission' by universities. We identify the main problems in organising stakeholder interactions at Russian universities and analyse possible strategies to improve the situation. We use the examples of Polish, Swedish, and Russian universities to illustrate the practical aspects of interactions at different levels between universities and stakeholders., forms, and methods in the field. Further, we propose a classification of key stakeholders of universities, describe their mutual relations, interests, and resources available to them as well as reflect on stakeholder participation models in educational management. Our findings may contribute to better management at Russian educational institutions and benefit national education authorities.

Keywords:

stakeholder, university, third mission, university management, Baltic region

References

1. Patrakhin, A.I. 2016, Stakeholder Management of a Modern Educational Organization, *Molodoi uchenyi* [Young scientist], no. 22, p. 184—186, available at: <https://moluch.ru/archive/126/34951/> (accessed 08.10.2018) (in Russ.).
2. Savvinov, V.M. 2013, Taking into account the interests of stakeholders in the management of educational development, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of international organizations: education, science, new economy], Vol. 8, no. 1, p. 87—99 (in Russ.).
3. Nagornov, V.A., Perfilieva, O.V. 2010, Assessing the role of universities in regional development: the formation of sustainable partnerships for interaction, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of international organizations: education, science, new economy], no. 4, p. 60—86 (in Russ.).
4. Perfilieva, O.V. 2012, Forming Partnership with Business: Achievements and Problems of Federal Universities at the Present Stage *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of international organizations: education, science, new economy], no. 1 (36), p. 189—202 (in Russ.).
5. Popova, E.S. 2012, The mechanism of mutual influence of the directions of regional development and university strategies, *Ars Administrandi*, no. 2, p. 47—54 (in Russ.).
6. Freeman, R.E. 1984, *Strategic Management: A Stakeholder Approach*, Boston.
7. Belousov, K.Yu. 2013, Evolution of views on the role of stakeholder management in the system of sustainable development of a company: the problem of identification of stakeholders, *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of the modern economy], no. 4, p. 418—422 (in Russ.).
8. Petrov, M.A. 2004, Stakeholder Theory: Practical Paths, *Vestnik SPbGU. Seriya Menedzhment* [Bulletin of St. Petersburg State University. Management Series], no. 2, p. 51—68 (in Russ.).
9. Ekshikeev, T.K. 2009, Stakeholders of the educational services market, *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Siberian Trade and Economic Journal], no. 9, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/steykholdery-rynka-obrazovatelnyh-uslug> (accessed 08.10.2018) (in Russ.).
10. Gurkov, I.B. 2004, *TEIS Strategicheskii menedzhment organizatsii* [TEIS Strategic Management Organization], Tutorial, Moscow, 239 p. (in Russ.).
11. Tambovtsev, V.L. 2008, Stakeholder Theory of the Firm in the Light of the Concept of Property Regimes, *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], Vol. 6, no. 3, p. 3—26 (in Russ.).
12. Post, J.E., Preston, L.E., Sachs, S. 2002, *Redefining the Corporation: Stakeholder Management and Organizational Wealth*, Stanford University Press.
13. Popov, S.A., Fomina, L.L. 2013, From stakeholder theory to implementing the concept of shared values, *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian business], Vol. 14, no. 2, p. 60—65 (in Russ.).
14. Porter, M.E., Kramer, M.R. 2011, Creating Shared Value, *Harvard Business Review*, Jan.-Feb.
15. Harrison, J.S. 1998, *Strategic management of organizations and stakeholders: concepts and cases*, Cincinnati, South-Western College Publishing, 350 p.
16. Savage, G.T., Nix, T.W., Whitehead, C.J., Blair, J.D. 1991, Strategies for assessing and managing organizational stakeholders, *Academy of Management Executive*, Vol. 5, no. 2, p. 61—75.
17. Mitchell, R.K., Agle, B.R., Wood, D.J. 1997, Toward a Theory of Stakeholder Identification and Saliency: Defining the Principle of Who and What really Counts, *Academy of Management Review*, Vol. 22, no. 4, p. 853—888.
18. Fassin, Y. 2005, The Reasons Behind Non-Ethical Behaviour in Business and Entrepreneurship, *Journal of Business Ethics*, Vol. 60, no. 3, p. 122.
19. Newbould, G., Luffman, G. 1989, *Successful business politics*, L.
20. Ansoff, I. 1999, *Novaya korporativnaya strategiya* [New Corporate Strategy], Series “Theory and Practice of Management”, St. Petersburg, 416 p. (in Russ.).
21. Konstantinov, G.N. 2009, Strategicheskii menedzhment. Kontseptsii [Strategic management. The concept], tutorial, Moscow, 239 p. (in Russ.).
22. Sklyar, E.N. 2008, Improving the management of an industrial enterprise by improving the mechanism of social restructuring, *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State Technical University], no. 4 (20), p. 98 (in Russ.).

23. Yakubov, B.A. 2014, *Sovershenstvovaniye organizatsii vzaimodeystviya predprinimatel'skikh struktur v ramkakh kontseptsii steykholder-menedzhmenta* [Improving the organization of interaction of business structures in the framework of the concept of stakeholder management], PhD Thes., Velikiy Novgorod, 180 p. (in Russ.).

24. Zilberstein, O.B., Nevstroyev, K.V., Semenyuk, D.D., Shklyar, T.L., Yurkovsky, A.V. 2016, Analysis of stakeholders on the example of Russian enterprises, *Naukovedenie* [Scientology], Vol. 8, no. 3 (in Russ.).

25. Rakhmanova, M.S. 2010, The principles of the university as a stakeholder company. In: *Intellektual'nyi potentsial vuzov — na razvitie Dal'nevostochnogo regiona Rossii i stran ATR* [The intellectual potential of universities — for the development of the Far Eastern region of Russia and Asia-Pacific countries], p. 141 — 145 (in Russ.).

26. Vinten, G. 2000, The stakeholder manager, *Management decision*, Vol. 38, no. 6, p. 25 — 39.

27. Markl, M., Pausist, A. 2013, Methodology for assessing the third mission of universities, *Nepreryvnoye obrazovaniye: XXI vek* [Continuing Education: XXI Century], no. 1, Doi: <https://doi.org/10.15393/j5.art.2013.1949> (in Russ.).

28. Marklund, G., Naczinsky, C., Ziarko, W., Winckler, G., Puukka, J., File, J., Holm-Nielsen, L., Melin, G. *Peer Review: Poland's Higher Education and Science System: Horizon 2020 Policy Support Facility*, Center for Higher Education Policy Studies, p. 132 — 138, available at: https://rio.jrc.ec.europa.eu/sites/default/files/report/PSF-Peer_review_Poland_FINAL%20REPORT.pdf (accessed 2.07.2019).

29. Kola, A., Leja, K. 2017, The Third Sector in the Universities' Third Mission. In: *Management and Culture of the University*, Vol. 6, p. 99 — 125, available at: <https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/14375/thethirdsector.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (accessed 2.07.2019).

30. Secundo, G., Perez, S., Martinaitis, Z., Leitner, K. 2017, An Intellectual Capital framework to measure universities' third mission activities, *Technological Forecasting and Social Change*, Vol. 123, no. C, p. 229 — 239, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162516308770> (accessed 07.07.2019).

31. Trippel, M., Sinozic, T., Smith, H. 2012, The “third mission” of universities and the region: comparing the UK, Sweden and Austria. In: *the 52nd European Congress of the RSAI*, 21st August — 25th August 2012, Bratislava, Slovakia, available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/120460/1/ERSA2012_0061.pdf (accessed 5.07.2019)

32. Bychkova, O. (ed.) 2016, *Uchastiye v upravlenii universitetom* [University Management], St. Petersburg, 120 p. (in Russ.).

33. Kharlamova, E.E. 2015, *Teoriya i metodologiya effektivnogo upravleniya dinamichnym razvitiyem obrazovatel'noy organizatsii* [Theory and methodology of effective management of the dynamic development of an educational organization], Volgograd, 159 p. (in Russ.).

The authors

Prof Andrey P. Klemeshev, President, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6343-3263>

Prof Elena V. Kudryashova, Rector, Mikhail Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia.

E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

Dr Sergey E. Sorokin, Vice-rector, Mikhail Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia.

E-mail: s.sorokin@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

КРУПНЫЙ БИЗНЕС В ПРИМОРСКИХ ЗОНАХ РОССИИ: ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ

А. Г. Дружинин ^{а, б}

^а Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.

^б Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 25.07.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-8

© Дружинин А. Г., 2019

Фиксируемый в последние годы в Российской Федерации выраженный «разворот к морю» экономики, инфраструктуры и систем расселения (проявляющийся в развитии портово-логистических комплексов и «припортовой» промышленности, строительстве морских трубопроводов, активизации нефте- и газодобычи на морском шельфе, росте демографического потенциала ряда приморских городов и др.) во многом коррелирует с интересами и активностью крупного бизнеса. В статье (нацеленной на анализ особенностей и важнейших факторов локализации крупных бизнес-структур в приморских зонах России) дана оценка «мореориентированности» крупнейших российских компаний (установлено, в частности, что из первых 100 по рейтингу «РБК-500» компаний страны «мореориентированность» имеет место у 42; их суммарная доля в общем по Российской Федерации выпуске товаров и услуг достигает 16,5 %), охарактеризованы приоритеты (отраслевые и региональные) крупного бизнеса в «морской экономике», акцентирована их трансформация под воздействием геополитических и геоэкономических факторов. Показано, что в контексте активизации евразийской интеграции (в том числе в форматах «Большой Евразии») именно крупный бизнес выступает основным драйвером морехозяйственного комплексобразования, равно как и формирования аквально-территориальных (в том числе трансграничных) хозяйственных структур. Идентифицированы приоритетные для крупного бизнеса приморские зоны России; особое внимание при этом уделено Балтике, в том числе и эксклавной Калининградской области (где «приморский фактор» социально-экономического развития реализуется как «местными» структурами («Содружество» и «Автор холдинг»), так и межрегиональными, транснациональными бизнес-акторами («Объединенная судостроительная корпорация», «Газпром», «Лукойл» и др.).

Ключевые слова:

приморская зона, приморские города, Россия, крупный бизнес, морехозяйственный комплекс, региональное развитие, Балтийский регион

Введение

Мировой океан, его ресурсный потенциал неизменно оказывали (и продолжают оказывать) фундаментальное влияние на развитие человечества, на его пространственную организацию, и феномен этот в полной мере акцентирован, осмыслен российской общественно-географической наукой [1–5]. Постсоветский период

Для цитирования: Дружинин А.Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 136–151. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-8.

ознаменован не только масштабным «переформатированием» Евразии [6; 7], но и трансформацией глобального позиционирования самой России, перманентной адаптацией страны и ее регионов к новым геоэкономическим и геополитическим реалиям, в том числе на основе возросшей морехозяйственной активности. Четко выраженный в Российской Федерации в последние годы «разворот к морю» экономики, инфраструктуры и систем расселения [8; 9] не только поддерживается в целом последовательной государственной политикой¹, но и напрямую корреспондирует с интересами предпринимательских структур, прежде всего крупнейших, ведущих компаний. Концептуальное осмысление, анализ и оценка «мореориентированности» крупного российского бизнеса, выявление факторов, особенностей и форматов его локализации и активности в приморских зонах составляют основной мотив и целевой ориентир данной статьи.

Крупный бизнес в современной России: «морские» ориентиры и интересы

Представления о «крупном бизнесе» как особом экономическом феномене циркулируют (применительно к российской специфике) в научной литературе с конца 1990-х годов [10; 11]. Высвечивая данное явление (сформировавшееся в постсоветских условиях и при этом в целом тождественное мирохозяйственным реалиям), исследователи констатируют наличие в Российской Федерации достаточно устойчивой группировки крупных, влиятельных бизнес-структур, фиксируют ее динамизм, изменчивость [12], акцентируют пространственную специфику в функционировании крупного бизнеса, наличие у последнего выраженных локализационных приоритетов [13; 14]. Сохраняющееся осознание нетривиальности задачи отнесения к крупному бизнесу тех или иных экономических агентов [15] при этом сочетается со стремлением выработки статистически «считываемых» критериев идентификации бизнеса как крупного², а также с устоявшейся практикой делимитации крупного бизнеса на основе многочисленных (РБК, Forbes, Эксперт, Коммерсант) рейтингов.

В современной России (согласно Росстату³) зарегистрировано более 4,5 млн предприятий и фирм, но при этом (если ориентироваться на итоги рейтингования, например рейтинг 500 крупнейших компаний России, составляемый РБК⁴) действуют лишь 195 компаний с годовым объемом выручки более 60 млрд руб., т. е. в основном соответствующих критерию крупных. Согласно авторским подсчетам на их долю (по итогам 2017 года) приходится более 36 % от всего выпуска товаров и услуг по Российской Федерации, причем почти 44 % валовой выручки структур «крупного бизнеса» обеспечивают первые десять (лидирующих в рейтинге) компаний (табл. 1).

¹ Приоритеты государственной политики зафиксированы в таких нормативных актах, как ФЦП «Мировой океан» (1998), «Морская доктрина России на период до 2020 года» (2001), «Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года» (2010), ФЦП «Мировой океан» на 2016—2031 гг. (2015) и др.

² Еще два десятилетия назад Я.Ш. Паппэ [10] предложил рассматривать в подобном качестве структуры с объемом продаж более 1 млрд дол. США, и данный подход, как полагают [16], и в настоящее время сохраняет актуальность.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. М., 2018.

⁴ Рейтинг 500 крупнейших компаний России за 2018 год. Росбизнесконсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения: 09.07.2019).

Таблица 1

**Степень концентрации экономической активности в России
(с учетом валовой выручки предприятий и организаций), 2017 год**

Место в рейтинге	Суммарный объем валовой выручки, млрд руб.	Удельный вес в общем по России выпуске товаров и услуг, %
Первые 10 (по объему валовой выручки) компаний	29 897	16,1
Первые 50 (по объему валовой выручки) компаний	49 001	26,4
Первые 100 (по объему валовой выручки) компаний	58 797	31,7
Первые 200 (по объему валовой выручки) компаний	68 231	36,8

Составлено автором с учетом данных РБК (*Рейтинг 500* крупнейших компаний России. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/>) и Росстата.

«Каркасные» для экономики страны и сравнительно немногочисленные субъекты крупного бизнеса зачастую интегрированы между собой (в том числе сложными конфигурациями предпринимателей-партнеров [12]) и в существенной мере аффилированы с государством либо с контролируемыми им хозяйственными структурами («Газпром», «Роснефть», «Сбербанк» и др.). Весомая их часть — транснациональна («Лукойл», к примеру, действует в 30 странах, «Роснефть» — в 25) и в связи с этим зависима от внешнеэкономических операций и доступа на глобальные рынки. Из первой сотни ведущих компаний 17 по своему профилю — нефте- и газодобывающие, 8 специализированы в металлургической сфере, 5 — в химии и нефтехимии, что соответствует современной структуре экспорта Российской Федерации (почти 65 % его объема приходится на топливно-энергетические товары, 10,1 % — на металлы и 5,2 % — на сельскохозяйственное сырье, в первую очередь зерно). Будучи изначально сформированными (как еще полтора десятилетия ранее наглядно показала Н.В. Зубаревич [13]) на сугубо «внутриконтинентальных» территориях, благодаря логике рынка, глобализации они (осуществляя свою экспансию в приморские регионы) последовательно трансформировались в органичную часть «океанического хозяйства» (если следовать концепту П.Н. Савицкого), явив результирующую и субъект трансграничных, трансконтинентальных обменов. И хотя лишь две входящие в топ-100 компании можно корректно классифицировать как *собственно морехозяйственные*⁵ («Объединенная судостроительная корпорация» и «Сахалин Энерджи» — компания-оператор проекта «Сахалин-2»), проведенный анализ позволяет акцентировать многоаспектную (и весьма существенную) *морео-риентированность* лидеров российского крупного бизнеса (табл. 2).

⁵ Следуя устоявшимся в российской науке представлениям, к «морскому хозяйству» мы относим портовую логистику и морские виды транспорта, судостроение и судоремонт, добычу и переработку морских биоресурсов, извлечение минерального сырья на морском шельфе, приморские виды рекреации, а также соответствующие структуры научно-образовательного комплекса.

Таблица 2

Группировка крупнейших компаний России (первые 100 компаний согласно рейтингу РБК за 2018 год) по степени и характеру «мореориентированности»

Степень «мореориентированности»	Превалирующий хозяйственный профиль	Наименование компаний (бренды)	Удельный вес в суммарном объеме валовой выручки первых 100 компаний, %
<i>Очень высокая.</i> Собственно море-хозяйственные компании	ОПК и машиностроение, нефть и газ	«Объединенная судостроительная корпорация», «Сахалин Энеджи»	1,1
<i>Высокая.</i> «Морезависимые» (транспортозависимые) компании с подразделениями, ориентированными на отдельные виды морского хозяйства	Нефть и газ, строительство инфраструктуры	«Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «НОВАТЭК», «Стройгазмонтаж», «СтройТрансНефтеГаз», «Зарубежнефть», «Арктикгаз», <i>UCL Holding</i> , «Росатом»	33,0
<i>Существенная.</i> Прочие «морезависимые» (транспортозависимые) компании	Нефть и газ, металлы и горная добыча, химия и нефтехимия, автомобили, ОПК и машиностроение	«Сургутнефтегаз», «Транснефть», «Татнефть», «Евраз», «НЛМК», «Русал», «Северсталь», «Сибур», «ММК», «Группа УГМК», «Металлоинвест», «СУЭК», «Мечел», «Еврохим», «Тойота Моторз», «ТМК», «Славнефть», «ФольксвагенГруп Рус», «Автотор холдинг», «ДНС Групп», «Объединенная двигателестроительная корпорация», «ФОСАгро», «Независимая нефтегазовая компания», «Киа моторз рус», «Мерседес-Бенц рус», «Уралкалий», «Группа Содружество», «Хендэ мотор СНГ», «Томскнефть ВНК», «Русснефть»	18,6
<i>Умеренная.</i> Компании как учитывающие феномен «притяжения к морю» экономики и населения, так и отчасти опирающиеся на морскую логистику	Финансы, транспорт, торговля, нефтепереработка, дистрибуция, нефть и газ	«Сбербанк России», «РЖД», «ВТБ», «X5 Retail», «Магнит», «АФК Система», «Мегаполис», «Газпромбанк», «Лента», «Филип Морис», «Альфа-Банк», «Открытие», «Внешэкономбанк», «Ашан», «Дикси», «Россельхозбанк», «Метро Кэш», «Леруа Мерлен Восток», «Автоваз», «Новый поток», <i>Merlion</i> , «Красное и белое», «Мостотрест», «МУМТ», «М-Видео», «Рольф», «Группа Окей», «Нижнекамскнефтехим», «ОМК», «Группа ГАЗ», «СНС», «ТАИФ-НК», «ЧТПЗ», «КамАЗ», «Трансмашхолдинг», «ЛСР», «Мейджор», «ФортеИнвест», «Иркутская нефтяная компания», «Уралвагонзавод»	30,0
<i>Незначительная</i>	Инвестиции, ОПК и машиностроение, телекоммуникации, электроэнергетика, фармацевтика	«Ростех», «Россети», «ИнтерРАО», «Аэрофлот», «ОАК», «РусГидро», «МТС», «МегаФон», «Т Плюс», «Алроса», «ВымпелКом», «Ростелеком», «Дж.Т.И. Россия», «Протек», «Вертолеты России», «ГК ТНС энерго», «Катрен», «Корпорация Тактическое ракетное вооружение», «ГК ПИК», «ЕвроСибЭнерго», «Почта России», «Русэнергосбыт», «Ташир», «Национальная компьютерная корпорация», «Полус», «Евросеть», «СОГАЗ», Эппл Рус, ФК Пульс, «Московский кредитный банк», «Проктер энд Гембл», «Мосинжпроект»	17,3

Составлено автором с учетом рейтинга РБК (<https://www.rbc.ru/rbc500/>) и информационных ресурсов крупнейших российских компаний.

Предлагаемое структурирование (носящее экспертный характер и базирующееся на учете преобладающей для тех или иных отраслей экономики логистики, фактической активности крупнейших российских компаний в морехозяйственной сфере, их реальной и потенциальной сфокусированности на концентрирующийся в приморских зонах инвестиционный и потребительский спрос) носит, разумеется, рамочный, концептуальный характер, поскольку полноформатная дифференциация по степени «мореориентированности» любого рода хозяйственных структур (и особенно структур крупного бизнеса, зачастую объединяющего разнопрофильные подразделения и активы) крайне осложнена, в том числе и в силу информационных причин. Наиболее корректно можно идентифицировать численно преобладающие (58) бизнес-структуры, характеризующиеся незначительной и умеренной «мореориентированностью», а также типологические группы с «очень высокой» («собственно морехозяйственные компании») и «высокой» ориентацией на «морской фактор» (12 из 100 ведущих компаний). К последним тем не менее относятся именно лидеры российского крупного бизнеса, ведущие госкомпании, задающие общий тренд; их пространственное поведение активизирует экономическую динамику приморских зон, превращая последние (наряду с факторами глобализации, трансграничной регионализации и социально-экономической концентрации) в приоритетную сферу локализации интересов и активности предпринимательских структур.

Локализация структур крупного бизнеса в приморских зонах России: факторы, особенности, тренды

Активность структур крупного бизнеса в приморских зонах (общественно-географических таксонах особого рода, приуроченных непосредственно к морскому побережью и характеризующихся выраженной проекцией «фактора моря» на селитебную и экономическую структуру [17; 18]) *избирательна* и, предопределяясь ресурсными и позиционными характеристиками той или иной территории, в целом коррелирует с постсоветскими трендами морехозяйственной динамики, с глобализацией, с европейской интеграцией, с геоэкономическими и геополитическими изменениями на евразийском пространстве.

С середины 1990-х годов (когда экономика страны стремительно обрела открытость и одновременно выраженный сырьевой, компрадорский профиль) в фокусе «морских» интересов формирующегося крупного российского бизнеса оказалось прежде всего портовое хозяйство (за 1994—2018 годы грузооборот морских портов России вырос более чем в 8 раз, превысив 948 млн т), свою наивысшую поступательную динамику обретшее в условиях крайне благоприятной конъюнктуры на глобальных рынках энергоносителей в первую половину нулевых годов (период, когда перевалка грузов в морских портах страны увеличилась на 25 % практически ежегодно). Выстраивая ориентированную на портовые терминалы логистику, крупный бизнес обретал «морезависимость», причем стратегии его в тот период были предельно *евроориентированными* (ярчайшее их воплощение — порт Усть-Луга, ныне — крупнейший на Балтике, реализующий экспортные интересы таких ведущих компаний, как «Роснефть», «НОВАТЭК», «СИБУР», «Уралкалий» и др. [19]). Инвестиции же тяготели к важнейшим, уже сложившимся логистическим центрам и транспортным коридорам (ведя к концентрации и кластеризации «приморских» подразделений крупного бизнеса),

существенно повышая (в формате новой регионализации России [20]) статус и привлекательность немногочисленных приморских регионов с развитой внешнеторговой инфраструктурой (вне этой тенденции, пожалуй, — лишь ввод в эксплуатацию компанией «Лукойл» в 2000 году нефтяного терминала на Баренцевом море вблизи поселка Варандей, впрочем также ориентированного на экспорт). На этом фоне наблюдалось инкорпорирование стивидорных компаний в крупные бизнес-структуры (наподобие «Роснефти», обеспечивающей более 40 % всей российской нефтедобычи и контролирующей терминалы в Туапсе, Находке и Мурманске⁶), которое дополнялось консолидацией портовых активов в рамках отдельных специализированных корпораций (например, *UCL Holding*, 92-й в рейтинге РБК, включающий «Морской порт Санкт-Петербург», «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» и «Универсальный перегрузочный комплекс», а также Туапсинский и Таганрогский морские порты).

На рубеже 1990—2000-х годов вследствие транспортно-транзитной политики «Газпрома» (40-й компании в глобальном рейтинге *Forbes*, обеспечивающей 12 % мировой и 69 % российской добычи природного газа) морехозяйственная активность Российской Федерации обретает новый импульс (и вектор) благодаря системе морских газопроводов (воспринимаемых зачастую и в качестве важнейших инструментов «газовой дипломатии» [21]). Итоговая пропускная способность данных сооружений на Балтике и в Причерноморье (повторяющих конфигурацию основных экспортно-импортных «коридоров» страны и столь же ориентированных на Европу, поскольку 92 % природного газа «Газпром» экспортирует именно европейским потребителям) составляет 157,5 млрд м³ в год, что эквивалентно 65 % от объема поставки в 2018 году российского природного газа на внешние рынки. Симптоматично, что 2008 году «Газпром» приступил также к реализации «частично морского» газотранспортного проекта и в Тихоокеанской России (подача природного газа по трубопроводу «Сахалин — Хабаровск — Владивосток» начата в 2011 году; проектная производительность его первого пускового комплекса — 5,5 млрд м³ газа в год).

С начала 2000-х годов привлекательность приморских зон для крупного бизнеса (причем не только «морезависимого») все больше предопределяется пролонгированными (до сих пор сохраняющими свое действие [22, 23]) процессами «стягивания» демографического и экономического потенциала в немногие ведущие урбанистические центры. Пространственная организация современной России при этом такова, что на побережье (до 50 км от моря), в приморской зоне (до 200 км), а также в полосе непосредственной (эффективной) транспортно-экономической доступности от нее (до 500 км) в Российской Федерации локализованы «столицы» 31 субъекта Федерации, в совокупности концентрирующие почти 27 % населения всех региональных центров (включая и общенациональный). За последние семнадцать лет (с 2002 года) население Санкт-Петербурга выросло на 15,5 %, Сочи — на 11,8 %, Калининграда — на 10,5 % (все население приморских городов страны — на 8,1 %); возможности этих, равно как и иных, узловых приморских поселений (табл. 3) предопределяют дополнительный стимул «сдвига» того или иного бизнеса (включая и крупный) к морю, к наиболее высокоразвитым сегментам приморских зон.

⁶ *Роснефть*. Годовой отчет за 2018 год. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2018.pdf (дата обращения: 19.07.2019).

Таблица 3

**Удельный вес наиболее крупных (людностью свыше 250 тыс. чел)
городов приморской зоны в масштабе Российской Федерации
(по основным социально-экономическим показателям)**

Город	Доля в населении, %		Доля в России, %		
	России	Приморских городов РФ	В инвестициях в основной капитал	В вводе жилья	В розничном товарообороте
Санкт-Петербург	3,6	39,1	0,95	4,46	4,44
Ростов-на-Дону	0,77	8,3	0,22	1,41	0,40
Махачкала	0,49	5,3	0,01	1,50	0,01
Владивосток	0,43	4,6	0,06	0,13	0,22
Астрахань	0,36	3,9	0,16	0,36	0,14
Сочи	0,35	3,7	0,06	0,15	0,21
Калининград	0,32	3,5	0,09	0,57	0,19
Севастополь	0,30	3,2	0,04	0,22	0,21
Архангельск	0,24	2,6	0,02	0,17	0,10
Мурманск	0,20	2,2	0,08	0,03	0,13
<i>Всего</i>	7,06	76,4	1,69	9,00	6,05

Составлено автором по данным Росстата⁷.

В целом же в 17 «талассоцентрированных» приморских регионах (характеризуемых смещенностью к морскому побережью важнейших ядер социально-экономической активности [24]), концентрирующих около 20 % жителей страны, по итогам 2017 года введено 23,9 % от всего объема жилья по РФ; на эти территории приходится почти 21 % розничного товарооборота страны. Данная пропорция (с асимметрией в пользу городских агломераций) существенна для крупного ритейла, строительного бизнеса, ведущих финансовых структур. Характерно, что именно в Санкт-Петербурге зародились крупные торговые сети «Лента» и «О'кей»; достаточно привлекательны крупнейшие приморские города и для других лидеров сетевой торговли (табл. 4).

Таблица 4

**Локализация в приморской зоне торговых центров
компаний «Метро», «О'кей» и «Ашан»**

Бизнес-структура	Число торговых центров в целом по России	Число торговых центров в приморских зонах	Локализация (и число) торговых центров в приморских городах
«Метро»	92	10	Санкт-Петербург (3), Ростов-на-Дону (3), Астрахань (1), Архангельск (1), Калининград (1), Новороссийск (1)
«О'кей»	77	29	Санкт-Петербург (23), Астрахань (2), Ростов-на-Дону (2), Мурманск (1), Сочи (1)
«Ашан»	314	13	Санкт-Петербург (8), Ростов-на-Дону (4), Симферополь (1)

Составлено автором на основе анализа сайтов компаний.

⁷ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018. Статистический сборник. М.: Росстат, 2018.

Повышенный платежеспособный спрос, дополняемый хорошими логистическими возможностями, предопределяет иницируемую крупным бизнесом реиндустриализацию приморских зон за счет размещения предприятий автосборки (производств «Тойота Моторз», «Хёндэ мотор СНГ» и др.), а также пищевой промышленности (характерный пример — компания «Содружество» в Калининградской области). Значимым (и знаковым) аспектом «мореориентированной» реиндустриализации стало учреждение в 2007 году «Объединенной судостроительной корпорации», включившей в свой состав четыре десятка предприятий, проектно-конструкторских и научных центров, расположенных в том числе на востоке страны. Подавляющая часть субъектов крупного бизнеса при этом продолжает фокусировать свои интересы на немногих приморских городских центрах, главным образом Европейской части [16]. Даже такие по российским меркам «гиганты» розницы, как «X5 Retail» и «Магнит» (занимающие соответственно 7-ю и 9-ю строки в рейтинге РБК-500), не имеют своих подразделений в Тихоокеанской России. Крупнейший российский ритейл (за исключением компании «Ашан») не представлен в Крыму (96 % территории полуострова, ставшего с марта 2014 года вновь российским, представляет собой приморскую зону [19]); там же не функционирует и филиальная сеть доминирующих на рынке ведущих, транснациональных по своей сути, российских банков («Сбербанка», «ВТБ» и др.). Отсутствуют супермаркеты «Перекресток» в Дагестане.

Геоэкономические и геополитические причины, задавая крупному бизнесу аттракторы и рамки приморской локализации, параллельно⁸ сами же и видоизменяют его пространственные приоритеты, способствуя формированию (в первоочередном порядке у ведущих компаний, бизнес-структур с весомой долей госсобственности) *многовекторной геостратегии*, множащей в приморских зонах России число «плюсов» и «точек» роста, расширяющей их пространство на Арктику, а также побережья российского Дальнего Востока. «Драйверами» данной мегатенденции становится мотивированное (как локализацией энергоресурсов, так и геополитическими интересами) смещение акцентов нефте- и газодобычи в пользу морского шельфа, а также развитие рынка сжиженного природного газа (СПГ).

С 1995 года разведку и обустройство месторождений углеводородного сырья в северной части Каспийского моря осуществляет «Лукойл». Начиная с 1999 года добыча энергоресурсов ведется (с 2007 года под контролем «Газпрома») и на шельфе о. Сахалин (в 2006 года здесь начато сооружение первого в России предприятия по производству СПГ; в 2018 году его доля составила 4,8 % от общего спроса на СПГ в АТР и около 3,6 % от общемирового спроса на СПГ⁹). Центры морской газодобычи формируются «Газпромом» в Камчатском крае, а также в шельфовых зонах Охотского и Карского морей; этой же компанией начата добыча нефти на Приразломном месторождении в Печорском море, также прорабатывается проект предприятия СПГ во Владивостоке. Проявляет морехозяйственную активность и «Роснефть», владеющая в настоящее время 55 лицензиями на участки в акваториях арктических, дальневосточных и южных морей России. Крупный «мореориентированный» (базирующийся на технологиях СПГ) проект реализуется на севере полуострова Ямал компанией «НОВАТЭК» (в 2018 году ей добыто 68,8 млрд м³ природного газа), приступающей также к созданию опорных баз своего бизнеса (терминалы по хранению и перевалке СПГ) в Мурманской области и на Камчатке.

⁸ По мере растущего осознания провала западноцентричной российской внешней политики [25], обострения глобального соперничества корпораций и держав [26], а также смещения центра экономической активности на восток Евразии, в первую очередь в Китай [27].

⁹ Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2018 год. М., 2019. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/01/851439/gazprom-annual-report-2018-ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2019).

Реальный удельный вес морской составляющей нефте- и газодобычи в России пока, однако, невелик. Так «Газпром» в 2018 году извлек на шельфе всего 0,73 млрд м³ газа (при общем объеме газодобычи в 497,6 млрд м³) и 3,19 млн т нефти (из 40)¹⁰. На шельфовую зону приходится менее 3 % всего объема нефтедобычи «Роснефти»¹¹. Тем не менее согласно оценкам (подвергаемым, впрочем, сомнению [28]), к середине XXI столетия только Арктический шельф будет обеспечивать от 20 до 30 % всей российской нефтедобычи. Мотивированные динамикой глобальных энергетических рынков (и геополитикой) любого рода «морские» проекты, выстраиваемые структурами российского бизнеса (особенно в Арктической зоне), — долгосрочны, затратны и характеризуются высокими рисками. Их продвижение достигается за счет как государственного участия (что не только активизирует развитие Северного морского пути [29], но и инициирует дополнительную локализацию военной и иной инфраструктуры по всему контуру морского побережья страны), так и наработанной практики транснациональных партнерств (включая вовлечение в проекты значимых геэкономических акторов наподобие *Exxon Mobil*, *Royal Dutch Shell*, *Statoil*, *Total* и др.), ведущей к фактической интернационализации важнейших сегментов морского хозяйства России.

Энергетические проекты (чья перспектива напрямую соотносится с возможностями морского транспорта [29, 30]) проецируются на развитии в приморских зонах новых центров судостроения («Роснефть» совместно с АО «Роснефтегаз» и АО «Газпромбанк» реализуют проект по выпуску крупнотонажных судов в г. Красный Камень Приморского края; специализированная судовой верфь сооружается компанией «НОВАТЭК» в Мурманской области). Данный процесс предопределяет (в рамках механизма «инвестиционных квот») возможности наращивания материально-технической базы российского рыболовства. На этом фоне все рельефнее просматриваются контуры генерируемого структурами крупного бизнеса (и их альянсами) аквально-территориального комплексобразования (в том числе транснационального), а также дальнейшей кластеризации приоритетных направлений морехозяйственной активности. Наиболее последовательно этот процесс протекает на российском побережье Балтики.

Морехозяйственная активность крупного бизнеса в условиях геополитической и геэкономической турбулентности: специфика Российской Балтики

В юрисдикции Российской Федерации всего 7 % побережья Балтийского моря (около 500 км [31]); этот компактный сегмент приморской зоны не только наиболее плотно инкорпорирован в евроинтеграционные процессы (в том числе и в формате Балтийского региона [32]), но и является (в сопоставлении с иными приморскими территориями страны) плотнозаселенным (здесь непосредственно на побережье размещены 12 городских поселений, в сумме концентрирующих почти 6 млн жителей, т.е. 43 % горожан, проживающих на морских побережьях страны), экономически освоенным и инфраструктурно обустроенным, притягательным для населения и бизнеса. В пространственном отношении он (будучи интегрирован акваторией в статусе «открытого моря») биструктурен (вынесенная на запад Калининградская область с 1991 года фактически эксклавна, что предопределяет специфику условий и практик хозяйствования [33—35]) и асимметричен (практически моноцен-

¹⁰ Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2018 год. М., 2019. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/01/851439/gazprom-annual-report-2018-ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2019).

¹¹ *Роснефть*. Годовой отчет за 2018 год. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2018.pdf (дата обращения: 19.07.2019).

тричен), с выраженной доминантой Санкт-Петербургского приморского региона [41], второго по значению в стране фокуса социально-экономической активности и аттрактора миграции (по итогам 2017 года абсолютной величиной лишь вдвое уступающего Московскому региону). Именно здесь, в пределах Российской Балтики, локализованы штаб-квартиры 14 (из 200) крупнейших российских компаний, что существенно уступает «внутриконтинентальным» Москве и Подмосковию (119 и 15), но в то же время многократно превышает аналогичный показатель (3) по остальным приморским городам страны.

С 2008 года условия функционирования крупных бизнес-структур в российском сегменте приморской зоны Балтики претерпевают системные изменения, сопровождаемые эффектами возрастающей по амплитуде турбулентности. Подчиняясь законам экономической цикличности [37], углубляется волатильность на важнейших для России (и ее приморских транспортных коридоров) сырьевых рынках, последние видоизменяются, а доступ на них оказывается усложнен, требует все новых и новых крупных инвестиций. Резко проявившийся (с 2014 года) кризис в системе отношений «Россия — Запад» (базовых для трансграничных территорий балтийского побережья России, особенно для калининградского эксклава) не только порождает геополитическое размежевание (инициируя в том числе и формирование Российской Федерацией компонент собственной автономной конструкции коммуникации и жизнеобеспечения на Балтике), но и все заметнее превращает северо-западный «фасад» нашей страны в ее «фасадный форпост». Под влиянием глобальной и макрорегиональной динамики (активизирующей также межстрановую, межпортовую конкуренцию за российские товаропотоки [38], за китайский транзит [39]) свой былой геоэкономический вес постепенно утрачивает и весь Балтийский регион в целом: если в 2010 году совокупная доля выходящих к Балтийскому морю стран (без России) в мировом ВВП (по официальном обменному курсу) достигала 8,1%, то в 2017 году — лишь 6,6%. Показательно, что уже в 2011 году произошло существенное (на 8,7 процентных пункта) снижение удельного веса балтийских портов в общем морском грузообороте России; в последующий период данный показатель, демонстрируя волнообразное колебание, в целом уменьшался (в 2008—2018 годах доля Балтики в морском грузообороте страны, по данным Ассоциации морских портов России, сократилась с 47,3 до 33,3%). На этом фоне присутствие крупного бизнеса в приморских зонах (как и его системообразующая экономическая роль) тем не менее сохраняется и даже усиливается, а сама Российская Балтика превращается в узловой, центральный элемент всей морехозяйственной деятельности страны.

В частности, уже имеющий место в регионе «морезависимый» кластерогенез в судостроении, автосборке (притягивающей к себе шинное производство, производство автостекла, выплавку электростали [40]) и пищевой промышленности в настоящее время дополняется формированием кластера СПГ-производств (комплекс «Газпрома» в районе Усть-Луги, а также проект СПГ «Криогаз-Высоцк», реализуемый ПАО «НОВАТЭК» и АО «Газпромбанк»). В логике «колеи зависимости» на этом фоне сохраняется тренд наращивания перегрузочных мощностей, включая и новое портовое строительство (универсально-погрузочный комплекс в Приморском, Ленинградской области; круизный терминал в Пионерском Калининградской области и др.). Выстраивание крупными бизнес-структурами (при весомой господдержке¹²) *морехозяйственного мегакластера* с четкой внешнеторговой ориентацией (локализованного преимущественно на побережье Финского залива) не только подкрепляет конкурентные позиции всего транспортно-логистического коридора

¹² Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010—2020 гг.). URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2014/264> (дата обращения: 24.07.2019).

Российской Федерации на Балтике, но и четче акцентирует статус Санкт-Петербурга как безусловной «морской столицы» России. Дальнейшее развитие Санкт-Петербургского портово-промышленно-инновационного комплекса (принятое в 2019 году решение о перемещении в Санкт-Петербург из Москвы штаб-квартиры «Объединенной судостроительной корпорации» в данном контексте симптоматично) предполагает его сопряженность с калининградским эксклавом (в свою очередь, закономерно разворачивающимся к морю [31] и при этом обретающим дополнительный, ориентированный непосредственно на структуры крупного бизнеса функционал в связи с правительственным решением об учреждении на острове Октябрьском в Калининграде финансового офшора).

Заключение

По мере выхода на глобальные рынки и инкорпорирования в транснациональные воспроизводственные цепочки современной российский крупный бизнес обретает все большую «мореориентированность», сопровождаемую его многоаспектной, возрастающей и при этом избирательной активностью в приморских зонах страны. Драйверами данной тенденции (в существенной мере присущей судостроению, нефте- и газодобыче, химии и нефтехимии, металлургии, отдельным отраслям машиностроения и в меньшей — ритейлу, строительству, финансовому сектору) выступают не только императивы логистики либо активизирующаяся конкуренция за использование ресурсного потенциала Мирового океана, но и пролонгированная концентрация потребительского и инвестиционного спроса в ведущих приморских центрах, обретающих свойства «коридоров развития». Наиболее весомы позиции крупнейших российских компаний в шельфовой нефте- и газодобыче, судостроении, в портовом хозяйстве — отраслях, выступающих ныне основным драйвером морехозяйственного комплексобразования, равно как и формирования аквально-территориальных (в том числе трансграничных) хозяйственных структур. Созвучная евразийской геоэкономической динамике (в том числе и формированию «Большой Евразии») «многовекторная» стратегия локализации производств лидирующими энергосырьевыми компаниями (придающая импульс развитию приморских территорий в том числе в Арктической зоне, в Тихоокеанской России) при этом сочетается с устойчивой сфокусированностью интересов крупного бизнеса на ведущих городских агломерациях и тяготеющих к ним транспортных коридорах на Западе и Юго-Западе Российской Федерации. Особо приоритетны для крупного бизнеса приморские зоны на Балтике, даже в условиях возросшей после 2014 года геополитической турбулентности сохраняющие свой коммуникационный, рыночный, инфраструктурный и инновационный потенциал.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Список литературы

1. Сальников С. С. Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л., 1984. С. 231 — 242.
2. Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988.
3. Лавров С. Б. Портово-промышленные комплексы в проблеме взаимоотношений общества и природной среды в океане и региональное развитие приморских районов // Вопросы географии океана. Л., 1983. С. 25 — 31.

4. Дружинин А. Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Сер. географическая. 2016. № 6. С. 7—16.
5. Бакланов П. Я. Морское пространственное планирование: теоретические аспекты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 76—85.
6. Druzhinin A. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // *Quaestiones Geographicae* 2016. № 35 (3). P. 31—39.
7. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5—14.
8. Radvanyi J. Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // *Hérodote. Géopolitique de la Russie*. 2017. № 166—167. P. 113—132.
9. Druzhinin A. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia // *Quaestiones Geographicae*. 2019. 38 (2). P. 91—100.
10. Паннэ Я. Ш. «Олигархи»: экономическая хроника, 1992—2000. М., 2000.
11. Паннэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет: экономические хроники 1993—2008. М., 2009.
12. Паннэ Я. Ш. О новых конфигурациях собственников в российском крупном бизнесе // Вопросы экономики. 2011. № 6. С. 123—137.
13. Зубаревич Н. В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад. М., 2005.
14. Кузнецова О. В., Кузнецов А. В., Туровский Р. Ф., Четверикова А. С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. М., 2009.
15. Паннэ Я. Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 29—46.
16. Дружинин А. Г., Федоров Г. М., Дец И. А. и др. Локализация крупного бизнеса в приморских зонах как фактор трансграничной кластеризации (на примере Европейской части России) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. № 1. С. 5—18.
17. Бондаренко В. С. Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестник МГУ. География. 1981. № 1. С. 36—41.
18. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 85—100.
19. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели. Ростов н/Д, 2016.
20. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009.
21. Proegrou F. Why Russian gas diplomacy fails: the geopolitics-energy in Ukraine and Turkey // *Asia Europ. Journal*. 2017. Vol. 15, № 1. С. 21—37.
22. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135—145.
23. Druzhinin A. Spatial capabilities and barriers of postindustrial metropolitan regional development (the case of Rostov-on-Don) // *Regional Research of Russia*. 2013. Т. 3, № 4. P. 356—361.
24. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экостические эффекты. Ростов н/Д, 2017.
25. Diesen G. Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia. L., 2017.
26. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3—21.
27. Глазьев С. КНР как новый глобальный лидер // Доклад Изборскому клубу. 2015. URL: <https://izborsk-club.ru/7581> (дата обращения: 20.11.2018).
28. Käpylä J., Mikkola H. The promise of the geoeconomic Arctic: a critical analysis // *Asia Europ. Journal*. 2016. Vol. 14, is. 2. P. 203—220.
29. Вардомский Л. Б. Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // Мир перемен. 2019. № 2. С. 129—140.
30. Brigham L. W. Arctic marine transport driven by natural resource development // *Baltic Rim Economies: Special Issue on the Future of the Arctic*. 2013. № 2.
31. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации : монография. М., 2018.

32. Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7—28.

33. Клемешев А.П. Трансформация эксклавноности в условиях политической глобализации // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 143—157.

34. Fedorov G. M., Mikhailov A. S., Kuznetsova T. Yu. The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region // Baltic region. 2017. Vol. 9, № 2. P. 4—18.

35. Клемешев А.П., Федоров Г.М. От изолированного эксклава — к «коридору развития» // Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.

36. Лачининский С.С., Семенова И.В. Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб., 2015.

37. Baburin V.L. The resistance of the greater Baltic region states to market cycle changes // Baltic Region. 2009. Vol. 11, № 1. P. 4—13.

38. Межевич Н.М., Шамахов В.А. Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая : научный доклад. СПб., 2019.

39. Druzhinin A. G., Dong Y. One Belt — One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia's Western Border Regions // Baltic Region. 2018. Vol. 10, № 2. P. 39—55.

40. Клюев Н.Н. Промышленное и транспортное освоение территории России в постсоветский период // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 5—14.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; профессор-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: alexdru9@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

LARGE BUSINESS IN THE COASTAL ZONES OF RUSSIA: FEATURES AND FACTORS OF LOCALISATION

A. G. Druzhinin^{a, b}

^a Southern Federal University
105 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344006

^b Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 25 July 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-8
© Druzhinin A. G., 2019

Russia's evident 'turn to the sea' as regards the economy, the infrastructure, and population distribution patterns is very much in line with the interests and projects of large businesses. This change manifests itself in the development of port and logistics complexes, the port industry, the construction of offshore pipelines, more active offshore oil and gas production, the growing demographic potential of coastal cities, etc. This article aims to explore the localisation of large businesses in Russian coastal zones and to analyse the 'coastalisation' of the country's largest companies. It is shown that 'coastalisation' has taken place in forty-two of Russia's top 100 companies, as rated by the Russian Business Channel. Another objective of the study is to identify large businesses' industrial and regional priorities in the maritime

economy and investigate how they are transformed under the influence of geopolitical and geo-economic factors. Amid active Eurasian integration, which includes the Greater Eurasia project, big businesses are spurring the development of maritime economic complexes and the formation of sea-land economic structures, including cross-border ones. The study identifies which national coastal zones are most attractive to Russian large businesses. Special attention is paid here to the Baltic Sea and the exclave of Kaliningrad where both local (Sodruzhestvo and Avtotor) and interregional/transnational companies (United Shipbuilding Corporation, Gazprom, LUKOIL, etc.) are benefitting from the coastal factor in the socio-economic development.

Keywords:

coastal zone, coastal cities, Russia, large business, maritime complex, regional development, Baltic region

References

1. Sal'nikov, S.S. 1984, Economic geography of the Ocean — a new promising area of economic and social geography. In: *Sovetskaya geografiya* [Soviet geography], Leningrad, p. 231 — 242 (in Russ.).
2. Slevich, S.B. 1988, *Okean: resursy i hozyajstvo* [Ocean: resources and agriculture], Leningrad, 315 p. (in Russ.).
3. Lavrov, S.B. 1983, Port-industrial complexes in the problem of relations between society and the natural environment in the ocean and regional development of coastal areas, In: *Voprosy geografii okeana* [Ocean Geography Issues], Leningrad, p. 25 — 31 (in Russ.).
4. Druzhinin, A.G. 2016, “Marine component” of Russian social geography: traditions and innovations, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Geographical Series], p. 10 — 19 (in Russ.).
5. Baklanov, P.Ya. 2018, Marine Spatial Planning: Theoretical Aspects, *Balt, Reg.*, Vol. 10, no. 2, p. 76 — 85. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>.
6. Druzhinin, A. 2016. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer, *Quaestiones Geographicae*, Vol. 35, no. 3, p. 31 — 39.
7. Bezrukov, L.A. 2018, Geographical meaning of the creation of “Greater Eurasia”, *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], no. 4, p. 5 — 14 (in Russ.).
8. Radvanyi, J., 2017, Quand Vladimir Poutine se fait géographe..., *Hérodote. Géopolitique de la Russie*, no. 166 — 167; p. 113 — 132.
9. Druzhinin, A. 2019, The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia, *Quaestiones Geographicae*, Vol. 38, no. 2, p.91 — 100.
10. Pappé, Ya.Sh. 2000, «Oligarhi»: *ekonomicheskaya hronika, 1992—2000* [“Oligarchs”: the economic chronicle, 1992 — 2000], Moscow, 232 p. (in Russ.).
11. Pappé, Ya.Sh., Galuhina, Ya.S. 2009, *Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15 let: ekonomicheskie hroniki 1993—2008* [The Russian large business: first 15 years: economic Chronicles of 1993 — 2008.], Moscow, 287 p. (in Russ.).
12. Pappé, Ya.Sh. 2011, On new configurations of owners of Russian big business, *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 6, p. 123 — 137 (in Russ.).
13. Zubarevich, N.V. 2005, *Krupnyj biznes v regionah Rossii: territorial'nye strategii razvitiya i social'nye interesy* [Big business in Russian regions: territorial development strategies and social interests], Analytical report, Moscow, 101 p. (in Russ.).
14. Kuznetsova, O.V., Kuznetsov, A.V., Turovskii, R.F., Chetverikova, A.S. 2009, *Investionnye strategii krupnogo biznesa i ekonomika regionov* [Investment strategy of large businesses and the regional economy], 440 p. (in Russ.).
15. Pappé, Ya.Sh. 2002, Russian big business as an economic phenomenon: peculiarities of formation and modern stage of development, *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems], no. 1, p. 29 — 46 (in Russ.).

16. Druzhinin, A.G., Fedorov, G.M., Dets, I.A., Gorochnaya, V.V., Gontar, N.V., Lachinin-sky, S.S., Mikhailov, A.S. 2018, Localization of large business in coastal zones as a factor of trans-boundary clustering (on the example of the European part of Russia) *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i medicinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and Medical Sciences], no. 1, p. 5–18 (in Russ.).
17. Region of Russia. Socio-economic indicators. 2017, 2018, Moscow, 865 p. (in Russ.).
18. Rating of 500 largest Russian companies in 2018, 2019, *RBC*, available at: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (accessed 09.07.2019) (in Russ.).
19. Bondarenko, V.S. 1981, Economic and geographical study of coastal zones, *Vestnik MGU. Geografiya* [Bulletin of Moscow State University. Geography], no. 1, p. 36–41 (in Russ.).
20. Druzhinin, A.G. 2016, Russia's Coastal Zone as a Social and Geographic Phenomenon: Conceptualisation and Delimitation, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 2, p. 57–67. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-2-5>.
21. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie primorskih territorij Evropejskoj chasti Rossii: faktory, trendy, modeli* [Socio-economic development of coastal areas of the European part of Russia: factors, trends, models], 2016, Rostov-on-Don, 236 p. (in Russ.).
22. Treivish, A.I. 2009, *Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, district, country and world. Development of Russia through the eyes of a country expert], Moscow, 372 p. (in Russ.).
23. *Rosneft*. Annual report for 2018, 2018, available at: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2018.pdf (accessed 19.07.2019)
24. Proegrou, F. Why Russian gas diplomacy fails: the geopolitics-energy in Ukraine and Turkey, *Asia Europ Journal*, Vol. 15, no. 1, p. 21–37.
25. Zubarevich, N.V. 2019, Spatial development strategy: priorities and tools, *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], no. 1, p. 135–145 (in Russ.).
26. Druzhinin, A. 2013, Spatial capabilities and barriers of postindustrial metropolitan regional development (the case of Rostov-on-Don), *Regional Research of Russia*, Vol. 3, no. 4, p. 356–361.
27. *Regions of Russia. Main socio-economic indicators of cities. 2018*, 2018. Statistical Digest, 443 p. (in Russ.).
28. *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskih zonah Evropejskoj chasti Rossii: faktory, modeli, ekonomicheskie i ekisticheskie efekty* [Cross-border cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: factors, models, economic and ecological effects], 2017, Rostov-on-Don, 421 p. (in Russ.).
29. Diesen, G. 2017, *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia*, London, 206 p.
30. Shuper, V.A. 2008, Russia in a globalized world: alternatives to development, *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], no. 12, p. 3–21 (in Russ.).
31. Glazyev, S. 2015, China as a new global leader, *Izborskii klub* [Izborsk Club], available at <https://izborsk-club.ru/7581> (accessed 20.11.2018) (in Russ.).
32. Annual report of PJSC “Gazprom” for 2018, 2019, Gazprom, Moscow, 233 p., available at: <https://www.gazprom.ru/f/posts/01/851439/gazprom-annual-report-2018-ru.pdf> (accessed 10.07.2019) (in Russ.).
33. Käpylä, Ju., Mikkola, H. 2016, The promise of the geoeconomic Arctic: a critical analysis. *Asia Europe Journal*, June 2016, Vol. 14, no. 2, p 203–220. Doi: <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0447-5>.
34. Vardomsky, L.B. 2019, The Northern sea route as a mechanism for ensuring the connectivity of Greater Eurasia, *Mir peremen* [World of change], no. 2, p. 129–140 (in Russ.).
35. Brigham, L.W. 2013, Arctic marine transport driven by natural resource development, *Baltic Rim Economies*, Special Issue on the Future of the Arctic, no. 2, 27 March 2013.
36. Druzhinin, A.G., Klemeshev, A.P., Fedorov, G.M. et al. 2018, *Primorskie zony Rossii na Baltike: faktory, osobennosti, perspektivy i strategii transgranichnoj klasterizacii: monografiya* [The coastal zone of Russia on the Baltic: factors, peculiarities, perspectives and strategies for cross-border clustering], Moscow, «INFRA-M», 216 s. (in Russ.).
37. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 4–20. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>.
38. Klemeshev, A.P. 2005, Transformation of exclusiveness in the context of political globalization, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, p. 143–157 (in Russ.).`

39. Fedorov, G.M., Mikhailov, A.S., Kuznetsova T.Yu. 2017, The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 4–18. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-2-1>.
40. Klemeshev, A.P., Fedorov, G.M. 2004, *Ot izolirovannogo eksklava — k «koridoru razvitiya»* [From an isolated exclave — to a “development corridor”], Kaliningrad, 253 p. (in Russ.).
41. Lachininsky, S.S., Semenova, I.V. 2015, Sankt-Peterburgskij primorskij region: geoeconomicheskaya transformaciya territorii [Saint Petersburg seaside region: geo-economic transformation of the territory], St. Petersburg, 191 p. (in Russ.).
42. Baburin, V.L. 2019, The resistance of the greater Baltic region states to market cycle changes, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 4–13. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-1>.
43. Mezhevich, N.M., Shamahov, V.A. 2019, Belarus’ i gosudarstva Pribaltiki v sisteme transportnoj politiki Rossii i Kitaya [Belarus and the Baltic States in the system of transport policy of Russia and China] scientific report St. Petersburg, 54 p. (in Russ.).
44. Druzhinin, A.G., Dong, Y. 2018, One Belt — One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia’s Western Border Regions, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 2, p. 39–55. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-3>.
45. Klyuev, N.N. 2018, Industrial and transport development of the territory of Russia in the post-Soviet period, *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], vol. 1, p. 5–14 (in Russ.).
46. Federal target program “Development of transport system of Russia (2010–2020), available at: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2014/264> (accessed 24.07.2019) (in Russ.).

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Director of the North Caucasus Institute for Economic and Social Studies, Southern Federal University, Russia; Research Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: alexdr9@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

О. Б. Пономарев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 14.08.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-9

© Пономарев О. Б., 2019

Важный аспект, объясняющий рискованные операции предпринимателя, — оценка и анализ его внутренних качеств и свойств. В этой связи многократно возрастает актуальность выявления и установления взаимосвязи предпринимательского риска и капитала. Применительно к региональному уровню не снижается значимость научной дискуссии о том, кто является носителем предпринимательского капитала, как его оценить и измерить, учитывая прямое влияние на условия ведения предпринимательской деятельности и возможности экономического роста конкретной территории. Поэтому цель настоящего исследования состояла в выявлении природы и сущности предпринимательского капитала региона, а также различий его локализации в деятельности физических и юридических лиц на конкретной территории.

Приводятся результаты изучения сложной структуры понятия «предпринимательский капитал региона» с учетом установления его взаимосвязи с такими категориями, как «предпринимательский дух», «предпринимательское вещество», «предпринимательская сила» и «предпринимательские способности». На основе оценки количества хозяйствующих субъектов (индивидуальных предпринимателей и фермеров, малых предприятий, средних и крупных предприятий) в расчете на 1000 человек населения показаны различия регионов РФ, в том числе Северо-Западного федерального округа, в предпринимательской активности как проявлении предпринимательского капитала.

Ключевые слова:

предприниматель, риск, жизненный цикл, эволюция свойств предпринимателя, предпринимательский дух, предпринимательский капитал

Введение

Теория предпринимательства насчитывает несколько столетий истории своего становления и многие ее положения можно считать устоявшимися. Однако с развитием экономики меняется и само предпринимательство, открывая ученым свои новые формы и свойства. Отвечая на эту динамику, развивается теория экономики предпринимательства, однако ее стремительное расширение и дополнение новыми элементами не всегда сопровождается достаточным качественным осмыслением.

Концепция предпринимательского капитала сегодня является одним из основных разрабатываемых научных направлений. При этом многие ее положения пока остаются предметом многочисленных научных дискуссий. В частности, нет единства относительно того, что же собой представляет предпринимательский капитал, какова его структура и какие факторы влияют на него. Неоднозначны позиции ученых и исследователей относительно того, кто является носителем предпринимательского капитала — лично предприниматель или совокупность предпринимателей. В последнем случае говорят о предпринимательском капитале региона.

Для цитирования: Пономарев О. Б. Предпринимательский капитал региона: понятие, формы проявления, пространственная локализация // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 152–166.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-9.

Если согласиться с тем, что предпринимательский капитал выступает основанием для активной предпринимательской деятельности, то его оценка становится важнейшей задачей регионального управления — формируя высокий уровень предпринимательского капитала, можно добиться существенного экономического роста региона. Однако научную проблему здесь уже составляет вопрос измерения предпринимательского капитала, так как его сущностные характеристики определены в современных исследованиях слабо.

Признавая актуальность изучения предпринимательского капитала региона, в рамках настоящей статьи автор приводит результаты исследования его природы и сущностных характеристик на основе установления связи и иерархической подчиненности с отдельными понятиями теории экономики предпринимательства. Новизна авторского исследования обусловлена выявлением взаимосвязи предпринимательского капитала с такими категориями, как «предпринимательский дух», «предпринимательское вещество», «предпринимательская сила», «предпринимательские способности» и др.

С опорой на установленную семантическую связь и категорийную обусловленность предпринимательского капитала в рамках концепции регионального управления разработан авторский подход к его оценке и измерению. Проверяется гипотеза о достаточности количественной оценки предпринимательского капитала с использованием показателей основных производственных фондов и инвестиций в основной капитал для выявления его влияния на социально-экономическое развитие территории. В качестве объекта исследования выбрана Калининградская область, приграничное и особенное геополитическое положение которой определяют близость к европейским рынкам, тем самым стимулируя предпринимательскую активность в регионе. Это позволяет как наилучшим образом описать предпринимательский капитал региона, так и оценить его структуру, а компактность и размеры экономики быстро отражают достигаемые эффекты и влияние на экономический рост и развитие приращения различных форм капитала.

По результатам сравнительной количественной оценки и анализа предпринимательского капитала Калининградской области с регионами России автор эмпирически доказывает и делает вывод о том, что его количественное измерение, учитывая сложность и взаимообусловленность с другими категориями экономики предпринимательства, требует применения и специально разработанных качественных метрик. Установлено, что ключевой категорией во взаимосвязи предпринимательского риска и капитала выступает фактор времени.

В качестве ограничений исследования следует признать, что доказательная база могла бы быть усилена по результатам серии организованных экспертных интервью и социологических обследований. Однако это требует проведения исследований на уровне типологической выборки регионов, а также организации специальных фокус-групп. Несмотря на указанное ограничение с опорой на эмпирическую базу с использованием доступных и публикуемых в официальных источниках статистических сведений, были получены выводы, имеющее большое значение для дальнейшего развития теории экономики предпринимательства применительно к регионам.

Методология исследования и данные

В статье на основе анализа литературных источников продолжается разработка высказанных автором ранее теоретических положений, касающихся развития предпринимательства в Российской Федерации. Предложены индикаторы измерения предпринимательской активности в регионах страны и проведена их апробация. Для этого обработан обширный статистический материал Росстата, представленный в виде комбинационной таблицы, картограммы и диаграммы; проведено сравнение субъектов РФ (и отдельно Северо-Западного федерального округа) по уровню и структуре предпринимательской активности.

Теоретическое обоснование предпринимательского капитала региона

В теории экономики предпринимательства сегодня достаточно активно изучается как собственно само понятие предпринимательства, впервые введенное Р. Кантильоном [1], так и его связь с риском. И хотя изначально принималось, что предприниматели работают в условиях риска, многие ученые позже стали утверждать, что стремление к риску — это основная черта предпринимателя [2—4]. Практика предпринимательской деятельности показывает, что среди предпринимателей личности, склонные к риску, вовсе не преобладают и склонность к риску — это характерная черта свойств только отдельных предпринимателей [1; 5, р. 243]. При этом неопределенность — объективное условие осуществления предпринимательской деятельности.

Так кто же является предпринимателем? Р. Кантильон писал об этом следующее. Население страны помимо «государя и других собственников земли» делится на два класса: предприниматели и наемные работники. Класс предпринимателей составляют лица, которые с использованием собственного капитала или без него, только посредством приложения труда, осуществляют предпринимательскую деятельность с целью получения заработной платы. Все они существуют и действуют в условиях неопределенности [1, р. 27].

Используя уже современную терминологию, его мысль можно сформулировать так: чем большее количество предпринимателей есть в регионе, тем активнее развивается регион. Именно из этого положения, которое сегодня разделяется всеми представителями экономической науки, следует связь между предпринимательской активностью в регионе, предпринимательским капиталом и предпринимательским потенциалом к предпринимательству.

Особая роль здесь отводится «предпринимательскому духу», природа и истоки которого были рассмотрены сначала М. Вебером [6], а уже позже В. Зомбартом [7, р. 67], который указывал, что это «совокупность душевных качеств», необходимых для реализации предпринимательского проекта, при этом основными для успешного предпринимательства должны быть способности завоевателя, организатора и торговца.

Понятия «предпринимательский дух» и «предпринимательский капитал» имеют тесную связь, но ее выявление ограничивается сложностью и размытостью границ такой фундаментальной категории экономической науки, как капитал [8]. Встречаются представления о капитале как об исключительно образованном объектами, вовлеченными в товарно-денежный оборот (см., напр., [9]), так как многие вещи, услуги и даже отношения получают форму товара. Противоположная позиция [10, р. 6] заключается в том, что капитал — это единое целое, включающее такие элементы, как промышленный капитал (здания и машины), человеческий капитал (знание, умения, опыт и здоровье), социальный капитал (отношения и институты), финансовый капитал (денежное богатство) и природный капитал.

Понятие «предпринимательский капитал» стало результатом развития подходов авторов к изучению категории «капитал» в отношении отдельных вопросов функционирования рыночной экономики.

Т. Эрикссон [11] был в числе первых ученых, которые представили концептуальные положения о «предпринимательском капитале», сформулированные на основе рассмотрения дихотомии «финансовый капитал — нефинансовый капитал». Именно последняя часть относится современными авторами к предпринимательскому капиталу. Это «физический, организационный, технологический, человеческий, культурный, социальный и символический капитал владельцев бизнеса и их фирм» [12, р. 150]. Но до сих пор некоторые ученые сомневаются в этом: «Во многих случаях инвесторы справедливо отрицают наличие предпринимательского капитала, потому что предпринимателям не хватает управленческих навыков, необходимых для роста и развития быстрорастущих предприятий» [13, р. 9].

Если обратиться к современным российским ученым, то многие и вовсе считают, что «предпринимательский капитал — это инвестиции в предприятия как новые, так и уже действующие [14, с. 354], и различают два их вида — портфельные и прямые. Однако, если считать, что предпринимательский капитал — это капитал, используемый предпринимателем, неясным остается, для чего к слову «капитал» добавлять определение «предпринимательский»? Ведь в таком случае его отличие от капитала любого другого бизнеса становится малозначимым.

На наш взгляд, ключевым в определении понятия «предпринимательский капитал» является указание на то, что капитал используется для извлечения прибыли. Родоначальник неоклассической экономической науки А. Маршалл первым указал на то, что предприниматель использует в своей деятельности наемный труд и (чаще всего) заемный капитал [15]. Вслед за ним эту идею поддержали другие экономисты, которые пришли к мнению о том, что прибыль предпринимателя — это и есть плата ему за то, что он сумел соединить труд и капитал воедино и организовал производство и сбыт. Но наемный труд и капитал используют и другие участники хозяйственной системы, а не только предприниматели, поэтому необходимо выделить отличительные черты, присущие именно предпринимательскому капиталу.

Мы будем различать два понятия: капитал, используемый предпринимателем, и предпринимательский капитал.

Капитал, используемый предпринимателем, — это совокупность финансовых, материальных и нематериальных активов, которые предприниматель привлекает для производства. Он ничем не отличается от того капитала, который используется в любом другом бизнесе.

Предпринимательский капитал — это такой элемент системы хозяйствования, который присущ только предпринимателю и никому другому, применяя который предприниматель извлекает дополнительную прибыль. Безусловно, предпринимательский капитал тесно связан с системными свойствами предпринимателя и предпринимательским духом.

В. Зомбарт [7], определяя предпринимательский дух, писал о том, что это есть совокупность всех душевных качеств индивидуума. Поэтому следует выделить и рассмотреть те из них, которые относятся к бизнесу, — деловые качества или предпринимательское вещество.

Предпринимательское вещество — это та совокупность душевных качеств предпринимателя, которая отличает его от других индивидуумов и толкает его при определенных условиях к занятию предпринимательской деятельностью. Предпринимательское вещество складывается из двух элементов — предпринимательских сил и предпринимательских способностей.

Словосочетание «предпринимательская сила» нечасто встречается в научной литературе. Так, Д. Гроу использует его как некоторую альтернативу «силе доходов»: «Если вы применяете только силу дохода в бизнесе и ничего, кроме нее, вы будете получать доход и заплатите за это много больше, чем если бы вы использовали сочетание предпринимательской силы и силы дохода» [16, р. 20]. М. Лу и Х. Пан утверждают, что «предпринимательская сила рефлексирована “мощь”, заключающуюся в ресурсах хозяйственной системы» [17, р. 63]. Но суть понятия «предпринимательская сила» авторы не раскрывают, поэтому обратим на него отдельное внимание.

Нами предлагается предпринимательскую силу рассматривать как меру воздействия предпринимателя на хозяйственную систему, в которой он работает. То есть предпринимательская сила — это та часть душевных сил предпринимателя, которые позволяют ему заставлять людей работать, а владельцев финансового капитала — давать этот капитал предпринимателю в кредит.

На наш взгляд, к числу тех самых предпринимательских сил, которые составляют предпринимательское вещество, следует отнести: 1) инстинкт миллионера, 2) волю, 3) точность, 4) любознательность и 5) ответственность.

Инстинкт миллионера. Предприниматель инстинктивно понимает возможности, открывающиеся перед ним после принятия любого хозяйственного решения, связанные с получением прибыли. Делает он это интуитивно, минуя все стадии тщательного анализа ситуации выбора наилучшего решения. Под интуицией понимается постижение истины без последовательного анализа. Инстинкт как проявление внутренней убежденности формируется на основе интуиции. Это позволяет предпринимателю быстро принимать решения, опережая своих конкурентов.

Сила воли. Вне зависимости от психотипа предпринимателя любого из них отличает сильный характер. Собственно без этой особой настойчивости, непреклонности, стойкости к преодолению трудностей вообще не может состояться предприниматель как личность. На силе воли строится фундамент свободы предпринимателя. Важнее всего свобода творить и смелость принимать на себя риск. Эта сила воли рождает харизму лидера. Вне всякой связи с внешним образом сила воли и особая осознанная смелость проявляются в конкретных действиях и признаются другими людьми. Любой предпринимательский талант погибнет, не обладай предприниматель силой воли и техниками борьбы с внутренними и внешними угрозами.

Точность. Китайская мудрость, основанная на многих сотнях лет практики, гласит: «Скорость важнее силы, но точность важнее скорости». Действительно, можно утверждать, что не так важна скорость, с которой развивается бизнес, как важна точность стратегии и главной цели. Характерная особенность лидера — простота и ясность тех планов, комбинаций и решений, к которым он пришел. Поэтому точность — это особенная техника конкурентоспособности, отражающая связь интеллекта с силой воли через особую концентрацию, дающую проникновение в детали, без которых невозможен предпринимательский шаг в неизвестность.

Любознательность в информационную эпоху — это инструмент приобщения к экономике знаний. Предпринимательству не учат в школе, а любознательность — это главное качество, которое должен иметь собственник. Любознательность — это инструмент первопроходца. Д. Трамп как известный крупный и успешный предприниматель считает, что «предприниматели имеют интраперсональный тип интеллекта, который помогает переживать падения, вставать и, усвоив еще один урок, с интересом и благодарностью за новый опыт идти дальше» [18, с. 112].

Ответственность. Предпринимательство всегда связано с риском, а принятие рискованных решений ставит вопрос об ответственности за неудачу. Ответственность принято считать понятием социальным, но для предпринимателя она становится чертой характера, позволяющей быть собственником. «Беря на себя ответственность за все, вы вливаете в себя новую энергию... это служит катализатором успеха» [18, с. 187]. Даже самые лучшие управленческие решения не могут обеспечить успех — только ответственный профессиональный труд команды дает результат.

С помощью указанных пяти составляющих предпринимательской силы предприниматель и осуществляет самостоятельную хозяйственную деятельность. Эти предпринимательские силы должны дополняться еще и способностями их применить. Использовать пять предпринимательских сил для организации бизнеса могут многие, но не все из них становятся успешными предпринимателями, многие так и остаются на уровне самозанятости или малого бизнеса.

Под предпринимательскими способностями следует понимать такой набор личных качеств, умений и дарований человека, которые позволяют ему успешно реализовывать присущие ему предпринимательские силы. Предпринимательские способности определяются возрастом и полом предпринимателя, уровнем его образования,

опытом самостоятельной деятельности и т.п. Поскольку талант — это выдающиеся способности человека, которые открываются с приобретением опыта, формируя определенный навык, то и предпринимательский талант — это выдающиеся предпринимательские способности.

Сочетание предпринимательских сил и предпринимательских способностей и составляет предпринимательское вещество личности. Индивидуумы, обладающие «предпринимательскими силами», но не реализовавшие свои «предпринимательские способности», становятся «крепкими хозяйственниками» и организаторами крупных хозяйственных проектов. Поэтому для того, чтобы предпринимательское вещество было полностью раскрыто и личность обладала предпринимательским духом, необходимо, чтобы в обществе существовали возможности для предпринимателя участвовать в хозяйственной деятельности и условия, которые создаются для ведения этой предпринимательской деятельности. Иначе говоря, в обществе должен быть создан предпринимательский потенциал, который и позволит раскрыться предпринимательским способностям.

Если предпринимательское вещество — это внутренне присущий предпринимателю набор свойств, то предпринимательский потенциал — это результат воздействия внешней среды, под влиянием которой предпринимательское вещество создает возможность (или невозможность) для занятия предпринимательской деятельностью.

Предпринимательский потенциал определяется открытостью экономики для начала нового бизнеса, инфраструктурой этого бизнеса, отношением общества к бизнесу и к предпринимательству и т.п.

Наличие в обществе людей, обладающих предпринимательским духом, и наличие в нем предпринимательского потенциала и формируют предпринимательский капитал. Другими словами предпринимательский капитал — это та или иная степень реализации предпринимательского вещества в практике хозяйственной жизни, обусловленная различной степенью предпринимательского потенциала в обществе. Если в обществе созданы все условия для ведения потенциальной предпринимательской деятельности, то и предпринимательский капитал в нем будет максимальным. Если же в обществе угнетается предпринимательская активность, то предпринимательский капитал будет чрезвычайно мал и проявляться исключительно в теневом бизнесе.

Предпринимательский потенциал, то есть возможность предпринимателя участвовать в хозяйственной деятельности, определяется наличием или отсутствием в его распоряжении необходимых ресурсов, то есть их доступностью. В экономической науке уже более ста лет считается, что предприниматель распоряжается только двумя видами ресурсов: денежным капиталом, который привлекается для бизнеса, и трудом, который предприниматель нанимает на рынке. Это базовая модель, которая является сильным упрощением, допустимым в идеализированных построениях экономической теории и недопустимым в теоретико-прикладных науках, к которым, безусловно, относится экономика предпринимательства.

Как показал личный опыт автора статьи и многочисленные глубинные интервью, проведенные с сотнями успешных предпринимателей, к числу основных ресурсов, которые использует предприниматель, необходимо отнести труд, капитал, информацию, технологии и время. Только эти пять ресурсов позволят предпринимателю раскрыть свои способности. Их наличие или отсутствие в обществе и создают тот или иной уровень предпринимательского потенциала.

Поскольку о труде и капитале, которые использует предприниматель в своей деятельности, экономисты написали много работ, остановимся на тех ресурсах, которые мы указали, — информация, время и технологии. Еще сто лет назад важность этих ресурсов в предпринимательской деятельности, да и в деловой среде в целом не была столь велика, как сегодня, поэтому им не уделялось достаточно внимания.

Экономисты давно писали о том, насколько важна для принятия экономических решений информация. Но при этом ученые в основном обращали внимание на необходимость поиска информации и сравнивали затраты на поиск информации с результатами решений в условиях неопределенности. По-настоящему на важность информации как ресурса обратил внимание в 1961 году Дж. Дж. Стиглер [19, р. 221], определив ценность информации как ресурса исходя из ситуации поиска необходимых данных. Но сегодня в условиях цифровизации экономики предприниматель сталкивается с другой ситуацией — с ситуацией избыточности информации.

Мы живем в эпоху нарастающего влияния цифровой экономики. В попытке воспринять ее внимание человека рассредоточивается, возникает своеобразный парадокс — чем больше информации окружает человека, тем сильнее нарастает неопределенность. Суть парадокса состоит в том, что по определению информация — это мера устранения неопределенности. Переизбыток информации открывает перед человеком, принимающим решения, такое большое количество вариантов решений, что он не в состоянии переработать массивы данных и вновь сталкивается с ситуацией неопределенности. Если у предпринимателя есть информация об одном событии, он ее легко усвоит и даст ей осмысленную оценку. Если это информация о двух одновременно происходящих событиях, он и ее может усвоить и принять правильное решение. Но в условиях переизбытка информации предприниматель не только не в состоянии принять наилучшее решение, но и зачастую вообще не способен это сделать. Поэтому информация — это важнейший ресурс, которым предприниматель должен распоряжаться по своему усмотрению. Только наличие современных информационных технологий поможет предпринимателю эффективно использовать информацию как ресурс.

В условиях цифровой экономики, когда производственные технологии невозможны без применения информационных технологий, все отчетливее видно, что важнейшим ресурсом именно предпринимательской деятельности помимо информации становится время. Успеть раньше всех принять важное решение и использовать его в стремлении максимизировать свою прибыль — вот когда реализуется предпринимательское вещество по отношению к этому ресурсу. Именно в случае, когда предприниматель по-настоящему управляет временем, и проявляется склонность предпринимателя к риску. Принять решение в условиях риска — важный шаг, на который может осмелиться лишь тот, кто вполне овладел талантом использования времени как ресурса. Для управления временем предприниматель должен быть освобожден от ситуации тратить его на решение рутинных задач.

Конечно, делегирование полномочий своим подчиненным для их решения — это важный метод управления временем, но в жизни предпринимателя есть множество таких задач, которые кроме него никто не может решить, поскольку они являются жизненно важными для его бизнеса. Многочисленная регламентация бизнеса со стороны государственных органов управления вынуждает предпринимателя тратить свое время на следование регламентам и личное сопровождение многих задач, вытекающих из этого. В результате он уменьшает затраты времени на решение задач развития собственного бизнеса. Если сравнить время, которое тратит российский предприниматель на управление своим бизнесом, с тем временем, которое тратит на это его западный коллега, мы убедимся в том, что эта разница не в пользу отечественного предпринимателя. По результатам проведенного опроса и личных встреч как с отечественными, так и с западноевропейскими партнерами мы можем утверждать, что как минимум на треть меньше своего времени тратит российский предприниматель на ведение бизнеса по сравнению с зарубежным коллегой. Эта экспертная оценка может быть подкорректирована, поскольку тщательных измерений автором не проводилось.

Бурный рост мировой экономики в сторону разнообразия товаров и услуг, начавшийся в 70-е годы XX века, способствовал существенному росту возможных технологий производства. Современный мир предоставляет каждому хозяйственнику возможность использовать многочисленные и многообразные технологии. Разнообразие технологий определяет необходимость выбора одной из них каждым предпринимателем. И технология сегодня — это тоже ресурс, которым пользуется предприниматель.

Каждая из технологий обладает своими преимуществами и недостатками. И информация о них чрезвычайно объемна. Для того чтобы принять правильное решение, предприниматель и использует инстинкт миллионера. Этот инстинкт позволяет ему практически мгновенно, минуя многочисленные стадии рассуждений, сравнений и предварительного выбора, «почувствовать» значимость технологии, которую он берет за основу. Но ошибка в выборе и использовании ресурса может быть фатальной.

Итак, степень доступности предпринимателя к указанным пяти ресурсам и определяет предпринимательский потенциал региона.

Таким образом, предпринимательский капитал представляет собой две взаимосвязанные составляющие: 1) набор свойств, присущий только предпринимателю (предпринимательское вещество), и 2) набор условий и факторов, которые позволяют потенциальному предпринимателю решиться на самостоятельную предпринимательскую деятельность (предпринимательский потенциал).

Приведенные выше положения о взаимосвязи многих понятий теории экономики предпринимательства позволяют понять то, как на региональном уровне следует управлять предпринимательским капиталом. Эти положения разделяются на два основных направления: а) формирование предпринимательского духа в обществе в целом и у каждого индивидуума в отдельности; б) создание условий для реализации той части предпринимательского вещества индивидуума, которая была названа «предпринимательскими способностями», через рост предпринимательского потенциала региона.

Предпринимательский дух региона может быть раскрыт наилучшим образом в том случае, когда обществом не просто поддерживается предпринимательская деятельность, а занятие ею становится таким же почетным, как деятельность в области науки или искусства, выполнение обязанностей по защите жизни и безопасности граждан и др. Для реализации духовных качеств индивидуумов региона общество и региональные власти должны повышать предпринимательский потенциал. Этот потенциал определяется доступностью для любого предпринимателя пяти рассмотренных выше основных видов ресурсов.

Региональные различия в уровне развития и использовании предпринимательского капитала

Предпринимательский капитал реализуется через деятельность индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств и благодаря возникновению и развитию создаваемых предпринимателями предприятий и организаций: микропредприятий, малых, средних и крупных предприятий. В различных регионах Российской Федерации их соотношение неодинаково и зависит как от особенностей регионального социума, так и от социально-экономических и иных характеристик региона. Общей тенденцией в последние годы является более интенсивное развитие индивидуального предпринимательства, однако основную часть товаров и услуг создают крупные предприятия, что подтверждается проводимыми исследованиями (см., напр., [20]). Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года ставит следующие задачи: «Увеличение доли занятого населения в секторе малого и среднего предпринимательства в общей

численности занятого населения до 35 процентов. Стратегическим ориентиром является увеличение доли малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте в 2 раза (с 20 до 40 процентов), что будет соответствовать уровню развитых стран»¹.

Таблица 1 и рисунок 1 отражают территориальные различия предпринимательской активности (которую автор оценивает с помощью показателей числа граждан, вовлеченных в управление как юридическими, так и физическими лицами, в расчете на 1000 человек населения²) в разрезе субъектов Российской Федерации.

Таблица 1

Распространенность субъектов малого бизнеса

Тип региона	В расчете на 1000 человек населения		Регионы
	индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств	малых предприятий	
1А	25,0 и более	25,0 и более	Москва, Санкт-Петербург; Калининградская, Новосибирская области
2А	30,0 и более	15,0—24,9	Севастополь; Камчатский край; Белгородская, Московская, Магаданская, Сахалинская области
3А	30,0 и более	14,9 и менее	Республики Адыгея, Калмыкия, Крым, Алтай, Саха (Якутия); Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа; Краснодарский, Ставропольский края; Калужская, Ростовская область
2В	14,0—29,9	15,0—24,9	Республики Карелия, Татарстан, Удмуртская; Пермский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края; Вологодская, Мурманская, Псковская, Ивановская, Костромская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Нижегородская, Кировская, Самарская, Ульяновская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Омская, Томская области
3В	20,0—29,9	14,9 и менее	Республики Коми, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Башкортостан, Чувашская, Бурятия, Тыва, Хакасия; Алтайский, Забайкальский края; Архангельская (с Ненецким АО), Ленинградская, Новгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская, Тульская, Астраханская, Волгоградская, Пензенская, Саратовская, Оренбургская, Курганская области; Еврейская автономная область; Чукотский автономный округ
3С	19,9 и менее	14,9 и менее	Республики Марий Эл, Мордовия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия — Алания, Чеченская; Кемеровская, Амурская области

Составлено на основе данных: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.09.2019).

¹ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102400738> (дата обращения: 15.09.2019).

² Мы исходим из определения О.Р. Верховской, Д.М. Дорохиной [21], которые считают, что предпринимательская активность описывает вовлеченность населения в создание новых компаний, управление растущими и устоявшимися компаниями, а также в закрытие бизнеса.

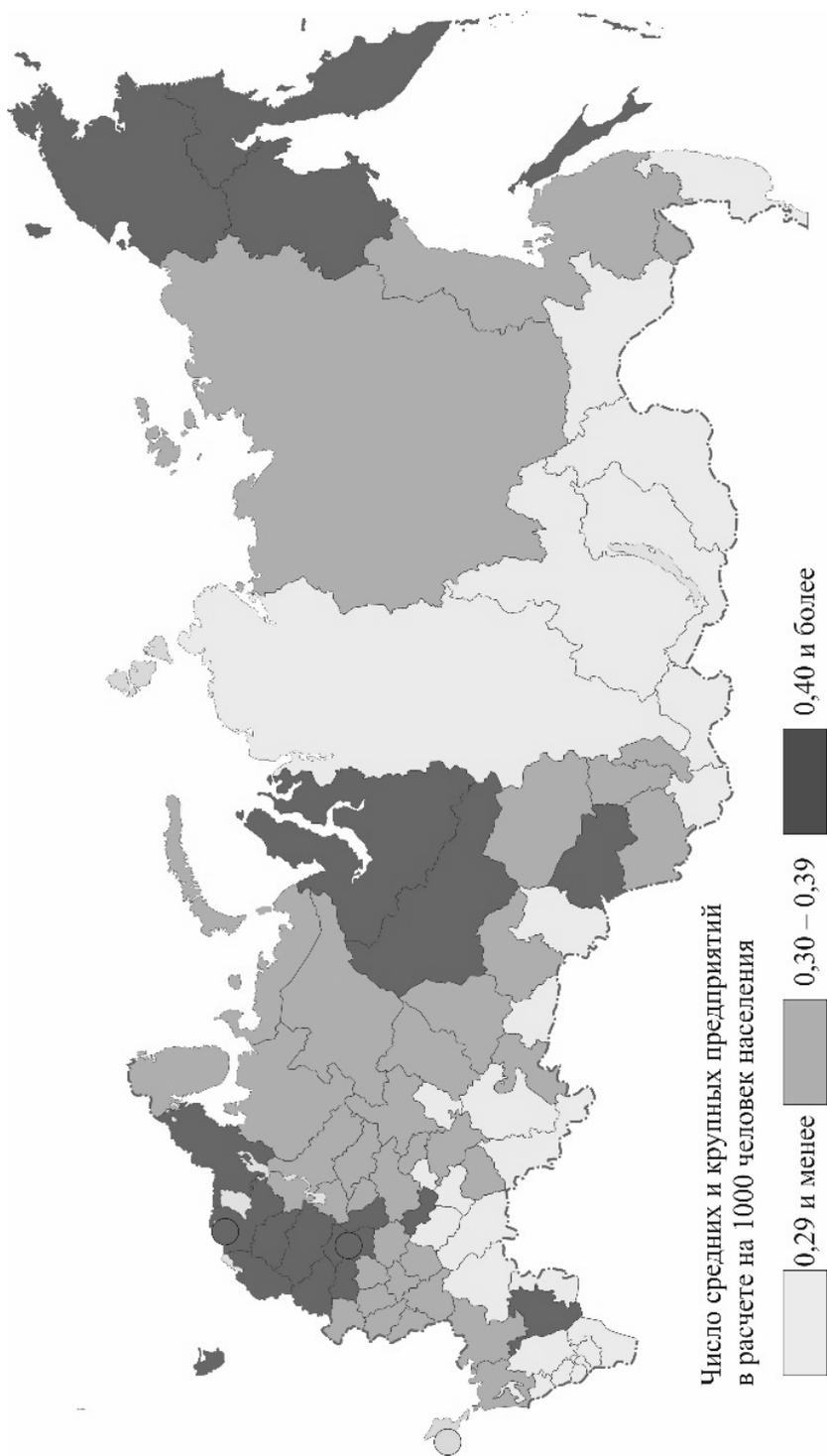

Рис. 1. Число средних и крупных предприятий в расчете на 1000 человек населения

Составлено на основе данных: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.09.2019).

На рисунке 1 видно, в каких частях страны активность в организации деятельности крупных предприятий более, а в каких менее высока. Прежде всего высокими показателями характеризуются Москва, Санкт-Петербург и соседние с ними субъекты РФ, нефте- и газодобывающие автономные округа и Новосибирская область в Западной Сибири, ряд регионов Дальнего Востока. Меньше всего крупных предприятий в расчете на 1000 жителей в субъектах РФ, прилегающих к южной границе страны, в Восточной Сибири и некоторых республиках Поволжья и Урала.

Таблица 1 позволяет различить группы регионов по активности индивидуальных предпринимателей, с одной стороны, и деятельности в создании малых предприятий (включая микропредприятия) — с другой. В обоих случаях выделяются такие отнесенные к типу 1А наиболее экономически развитые субъекты РФ, как Москва и Санкт-Петербург, один из наиболее продвинутых сибирских регионов — Новосибирская область, а также Калининградская область, развитию малого предпринимательства в которой способствует ее экономико-географическое положение, переселенческий характер населения и режим Особой экономической зоны. Регионы типа 2А и 3А отличаются высоким уровнем индивидуальной предпринимательской активности (различия между этими типами состоят в том, что в 2А выше число малых предприятий на 1000 человек населения). Регионы 2Б характеризуются показателями, близкими к средним по стране. Тип 3Б отличается он 2Б меньшим числом малых предприятий на 1000 жителей. К типу 3С относятся регионы, в которых на 1000 человек населения и число индивидуальных предпринимателей, и количество малых предприятий самое низкое в стране. Это ряд республик Северного Кавказа, Мордовия в Поволжье, а также Кемеровская и Амурская области на востоке страны.

В качестве примера более подробного сопоставления межрегиональных различий предпринимательской активности представлен рисунок 2.

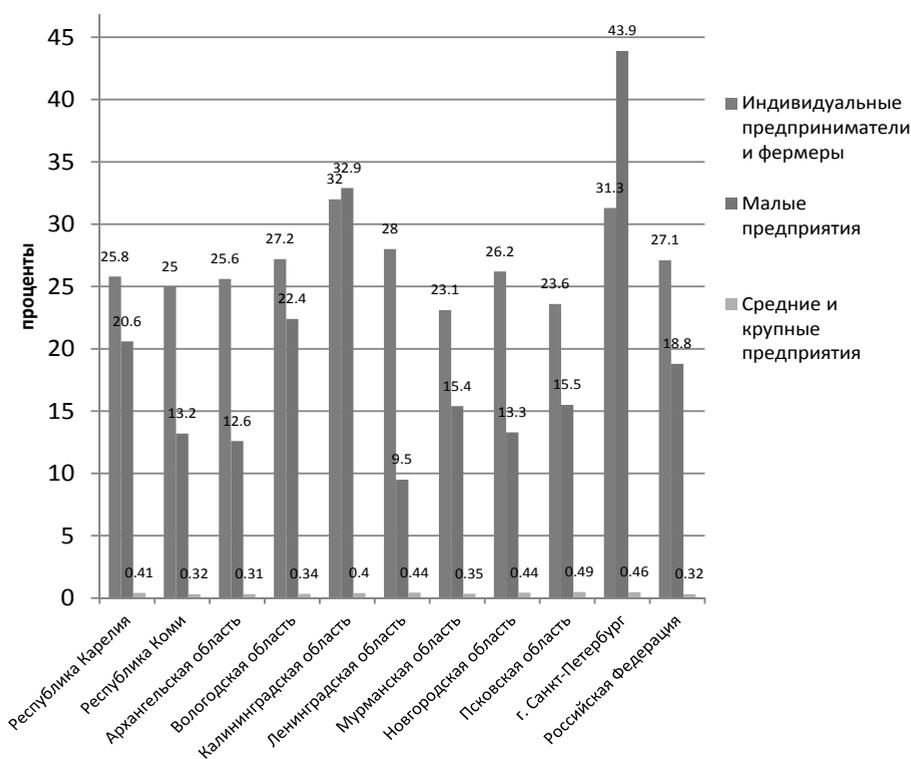

Рис. 2. Число хозяйствующих субъектов различных типов в расчете на 1000 человек населения в субъектах РФ, Северо-Западный федеральный округ

Составлено на основе данных: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.09.2019).

Рисунок 2 отражает число хозяйствующих субъектов различных типов в расчете на 1000 человек населения в регионах Северо-Западного федерального округа, который характеризуется в целом более высоким уровнем развития предпринимательства по сравнению со средними по РФ показателями. Все регионы округа (особенно на его западе) в расчете на 1000 жителей имеют относительно большое число крупных предприятий. Показатель индивидуального предпринимательства в большинстве регионов близок к среднероссийскому. И только число малых предприятий на 1000 человек населения выше среднего в четырех регионах, а ниже — в шести. В числе лидеров по обоим показателям — Санкт-Петербург и Калининградская область, относящиеся к приморским «международным коридорам развития» [22] (а первый из них еще и, по классификации Дж. Фридмана [23], к «регионам-ядрам», одним из субъектов — лидеров социально-экономического развития страны).

Заключение и выводы

По результатам исследования установлено, что предпринимательский капитал региона представляет собой один из элементов системы хозяйствования, который связан и определяется предпринимательским духом.

В широком смысле под предпринимательским духом понимаются деловые качества, а его основной составляющей выступает предпринимательское вещество. Предпринимательский дух представляет собой внутренне присущие предпринимателю качества и набор свойств, формируется такими составляющими, как предпринимательские силы и предпринимательские способности.

Обладая предпринимательскими силами, чтобы реализовать имеющиеся предпринимательские способности, общество должно создавать условия для обеспечения и роста предпринимательского потенциала. Он выражается в наличии и доступности таких ресурсов, как капитал, труд, информация, технология и время.

Таким образом, предпринимательский капитал региона выражает ту или иную степень реализации предпринимательского вещества в практике хозяйственной жизни, обусловленной различной степенью предпринимательского потенциала в обществе.

В дополнение к категориям предпринимательского капитала, выделенным в данной статье в разделе «Теоретическое обоснование предпринимательского капитала региона», а также рассмотренным автором ранее [24], предлагается использовать такие показатели предпринимательской активности, как число хозяйствующих субъектов (физических и юридических лиц) в расчете на 1000 человек населения. Эти показатели, отражающие ситуацию в субъектах Российской Федерации, представлены в статье на рисунках и в таблице. Выявлены и наглядно отражены весьма существенные межрегиональные различия относительных показателей, отражающих активность индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств, малых, средних и крупных предприятий. Их целесообразно учитывать в разработке документов федеральной региональной политики и в стратегиях социально-экономического развития регионов.

Список литературы

1. *Cantillon R.* Essays on the Nature of Commerce in General. Transaction Publishers, 2009.
2. *Chell E.* The Entrepreneurial Personality: A Social Construction. Routledge, 2008. doi: 10.4324/9780203938638.
3. *Cunningham J.A., O’Kane C.* Technology-Based Nascent Entrepreneurship: Implications for Economic Policymaking. Springer, 2017. doi: 10.1057/978-1-137-59594-2.

4. *Mullins J.W., Forlani D.* Perceived risks and choices in entrepreneurs' new venture decisions // *Journal of Business Venturing*. 2000. Vol. 15(4). P. 305—322. doi: 10.1016/S0883-9026(98)00017-2.
5. *Wärneryd K.E.* The Psychology of Saving: A Study on Economic Psychology. E. Elgar, 1999.
6. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: and Other Writings. Penguin, 2002.
7. *Sombart W.* The Quintessence of Capitalism: A Study of the History and Psychology of the Modern businessman. Routledge. Thoemmes Press, 1998.
8. *Taylor L.D.* Capital, Accumulation, and Money: An Integration of Capital, Growth, and Monetary Theory. Springer Science & Business Media, 2010. doi: 10.1007/978-0-387-98169-7.
9. *Tittenbrun J.* Concepts of Capital: The Commodification of Social Life. Routledge, 2017. doi: 10.4324/9781315080727.
10. *Balint L., Jones A.* Natural Capital and Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services // *Debating Nature's Value: The Concept of 'Natural Capital' / Anderson V. (ed.)*. Springer International Publishing, Palgrave Pivot, 2018. P. 5—17. doi: 10.1007/978-3-319-99244-0_2.
11. *Erikson T.* Entrepreneurial Capital: The Emerging Venture's Most Important Asset and Competitive Advantage // *Journal of Business Venturing*. 2002. Vol. 17(3). P. 275—290. doi: 10.1016/S0883-9026(00)00062-8.
12. *Sethna Z., Jones R., Harrigan P.* Entrepreneurial Marketing: Global Perspectives. Emerald Group Publishing, 2013.
13. *Buss T.F.* Capital, Emerging High-growth Firms and Public Policy: The Case Against Federal Intervention. Greenwood Publishing Group, 2001.
14. *Океанова З.К.* Экономическая теория. М., 2012.
15. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М., 1993.
16. *Grau D.* Buying, Selling, and Valuing Financial Practices, + Website: The FP Transitions M&A Guide. John Wiley & Sons, 2016. doi: 10.1002/9781119207405.
17. *Lu M., Pan H.* Government-Enterprise Connection: Entrepreneur and Private Enterprise Development in China. Singapore, 2015. doi: 10.1007/978-981-287-658-4.
18. *Трамн Д.* Думай, как миллиардер. М., 2016.
19. *Stigler G.J.* The Economics of Information // *The Journal of Political Economy*. 1961. Vol. 69 (3). P. 213—225.
20. *Voloshenko K., Ponomarev A.* Modelling of regulatory factor and managerial impact assessment in the regional economy sectors: a case-study of the Kaliningrad region (Russia) // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2019. № 32 (1). P. 1883—1902. doi: 10.1080/1331677X.2019.1640623.
21. *Верховская О.Р., Дорохина М.В.* Исследования предпринимательства в России в рамках Глобального мониторинга предпринимательства: основные результаты 2006—2007 гг. // *Вестник СПбГУ. Сер. Менеджмент*. 2008. № 3. С. 25—52.
22. *Федоров Г.М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // *Балтийский регион*. 2010. № 2. С. 5—15.
23. *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge, 1966.
24. *Пономарев О.Б., Светушков С.Г.* К вопросу о базовых дефинициях теории предпринимательства // *Современная конкуренция*. 2016. Т. 10, № 1 (55). С. 33—42.

Об авторе

Олег Борисович Пономарев, кандидат экономических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: obp969@mail.ru

ENTREPRENEURIAL CAPITAL OF THE REGION: THE CONCEPT, MANIFESTATIONS AND SPATIAL LOCALISATION

O. B. Ponomarev

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 14 August 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-9
© Ponomarev O.B., 2019

An important element of the explanation why an entrepreneur carries out high-risk transactions is the evaluation and analysis of her or his inner qualities. Thus, there is a need to identify the connection between entrepreneurial risk and capital. At the regional level, there is an ongoing academic discussion as to who the carrier of entrepreneurial capital is and how this capital can be measured and evaluated in view of its direct influence on the business environment and economic growth opportunities of a certain territory. This article presents the findings of a study into the complex structure of the concept of regional entrepreneurial capital and establishes how this concept is connected with such categories as entrepreneurial spirit, entrepreneurial substance, and entrepreneurial ability. Using an estimate of the number of economic entities (individual entrepreneurs and farmers; small, medium, and large enterprises) per 1,000 population, the study demonstrates cross-regional differences in entrepreneurial activity as a manifestation of entrepreneurial capital, including those in the Northwestern Federal District.

Keywords:

entrepreneur, risk, lifecycle, evolution of entrepreneurial properties, entrepreneurial spirit, entrepreneurial capital

References

1. Cantillon, R. 2009, *Essays on the Nature of Commerce in General*, Transaction Publishers, 188 p.
2. Chell, E. 2008, *The Entrepreneurial Personality: A Social Construction*, Routledge, 320 p. Doi: <https://doi.org/10.4324/9780203938638>.
3. Cunningham, J.A., O’Kane, C. 2017, *Technology-Based Nascent Entrepreneurship: Implications for Economic Policymaking*, Springer, 312 p. Doi: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59594-2>.
4. Mullins, J.W., Forlani, D. 2000, Perceived risks and choices in entrepreneurs’ new venture decisions, *Journal of Business Venturing*, Vol. 15, no. 4, p. 305–322. Doi: [https://doi.org/10.1016/S0883-9026\(98\)00017-2](https://doi.org/10.1016/S0883-9026(98)00017-2).
5. Wärmeryd, K.E. 1999, *The Psychology of Saving: A Study on Economic Psychology*, E. Elgar, 389 p.
6. Weber, M. 2002, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: and Other Writings*, Penguin, 464 p.
7. Sombart, W. 1998, *The Quintessence of Capitalism: A Study of the History and Psychology of the Modern businessman*, Routledge, Thoemmes Press, 395 p.
8. Taylor, L.D. 2010, *Capital, Accumulation, and Money: An Integration of Capital, Growth, and Monetary Theory*, Springer Science & Business Media, 278 p. Doi: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-98169-7>.
9. Tittenbrun, J. 2017, *Concepts of Capital: The Commodification of Social Life*, Routledge, 272 p. Doi: [10.4324/9781315080727](https://doi.org/10.4324/9781315080727).

10. Balint, L., Jones, A. 2018, Natural Capital and Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services. In: Anderson, V. (ed.) *Debating Nature's Value: The Concept of 'Natural Capital'*, Cham, Springer International Publishing, Palgrave Pivot, p. 5—17. Doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-99244-0_2.
11. Erikson, T. 2002, Entrepreneurial Capital: The Emerging Venture's Most Important Asset and Competitive Advantage, *Journal of Business Venturing*, Vol. 17, no. 3, p. 275—290. Doi: [https://doi.org/10.1016/S0883-9026\(00\)00062-8](https://doi.org/10.1016/S0883-9026(00)00062-8).
12. Sethna, Z., Jones, R., Harrigan, P. 2013, *Entrepreneurial Marketing: Global Perspectives*, Emerald Group Publishing, 320 p.
13. Buss, T.F. 2001, *Capital, Emerging High-growth Firms and Public Policy: The Case Against Federal Intervention*, Greenwood Publishing Group, 237 p.
14. Oceanova, Z.K. 2012, *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory], Moscow, 652 p. (in Russ.).
15. Marshall, A. 1993, *Printsipy ekonomicheskoy nauki* [Principles of Economic Science], Moscow, 415 p. (in Russ.).
16. Grau, D. 2016, *Buying, Selling, and Valuing Financial Practices + Website: The FP Transitions M&A Guide: The FP Transitions M&A Guide*, John Wiley & Sons, 320 p. Doi: <https://doi.org/10.1002/9781119207405>.
17. Lu, M., Pan, H. 2015, *Government-Enterprise Connection: Entrepreneur and Private Enterprise Development in China*, Springer, 168 p. Doi: <https://doi.org/10.1007/978-981-287-658-4>.
18. Trump, D. 2016, *Dumay kak milliarder* [Think like a billionaire], Alpina Publisher, 250 p. (in Russ.).
19. Stigler, G.J. 1961, The Economics of Information, *The Journal of Political Economy*, Vol. 69, no. 3, p. 213—225.
20. Voloshenko, K., Ponomarev, A. 2019, Modelling of regulatory factor and managerial impact assessment in the regional economy sectors: a case-study of the Kaliningrad region (Russia), *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, Vol.32, no. 1, p. 1883—1902. Doi: <https://doi.org/10.1080/1331677X.2019.1640623>.
21. Verkhovskaya, O.R., Dorokhina, M.V. 2008, Business researches in Russia within Global monitoring of business: main results of 2006—2007, *Messenger of St. Petersburg State University*, Management series, no. 3, p. 25—52.
22. Fedorov, G. 2010, The Kaliningrad dilemma: a 'development corridor' or a 'double periphery'? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, Vol. 2 (4), p. 4—12. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-1>.
23. Friedmann, J. 1966, *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 279 p.
24. Ponomarev, O.B., Svetunkov, S.G. 2016, To the question of basic definitions of the theory of entrepreneurship, *Modern Competition*, Vol. 10, no. 1 (55), p. 33—42.

The author

Dr Oleg B. Ponomarev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: obp969@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ

Н. М. Межевич, И. Н. Новикова

**Киселёва Л. Н. Эстонско-русское культурное пространство.
М. : Викмо-М, 2018. — 344 с.**

В конце 2018 года при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России 2012—2018» вышла книга профессора Тартуского университета Любови Киселёвой. Сразу отметим очевидное. Книг эстонских профессоров, написанных по-русски, мало. Строго говоря, в принципе тартуских профессоров мало, безотносительно к языку их трудов. На русском языке академических работ не так много, и для этого есть объективные предпосылки. Тартуский университет, хорошо известный специалистам рядом направлений, тем не менее весьма невелик. Русских профессоров или, уточним, пишущих по-русски тем более немного. Да и российско-эстонские отношения переживают не лучшие времена, не создавая благоприятного климата для академического сотрудничества.

К счастью, данное исследование увидело свет в Москве в издательстве «Викмо-М». В книге сделана интереснейшая и результативная попытка поставить вопрос о культурных контактах двух сопредельных народов — русских и эстонцев. Русско-эстонское культурное пространство — явление настолько значимое, что признается даже теми, кто отрицает саму целесообразность русско-эстонского культурного взаимодействия, кто представляет свою страну, Эстонию, граничащей «с одной стороны (с Запада) с кем-то большим и родственным, а с другой стороны (с Востока) — с другим миром, иной цивилизацией...» [1, с. 185].

В самом деле, отрицание значимости русско-эстонского культурного пространства не только бессмысленно, но и противоречит логике развития самого эстонского народа и эстонского языка. «Keeled suus — teed lahti» (Кто знает языки, тому открыты дороги) — это ведь эстонская пословица. И противопоставлять этой мудрости, неоднократно подтвержденной на практике за многовековую историю эстонского народа, лозунг «Без языка и с перекрытыми дорогами» представляется, как минимум, недалёковидным.

Поставив перед собой и без того весьма амбициозную задачу, Л. Н. Киселёва в своей монографии сумела достичь еще большего. По сути, книга представляет собой гимн многоязычию, возникшему на территории современной Эстонии за многие века непростой истории этой страны. В предисловии к монографии автор, выросшая в Эстонии, пишет, что «с того момента, как [она] начала себя помнить, [она] слышала вокруг себя, кроме русского, на котором говорили в [ее] семье, эстонский и немецкий языки, а также идиш» (с. 11). И хотя большая часть исследования посвящена русско-эстонскому культурному пространству, в нем мы обнаруживаем и следы эстонско-немецкого, русско-немецкого, русско-еврейского и других культурных пространств, вклад каждого из которых в культуру современной Эстонии неоценим.

Монография сознательно деполитизирована. Могло ли быть иначе? Нет. В противном случае это была бы работа по другой специальности. Политические и эко-

номические сюжеты в книге присутствуют, так как формирование культурного пространства неизбежно связано с наличием политических оценок, как правило, не авторских, но представителей исследуемого культурного пространства.

Монография открывается главой, посвященной великому эстонскому писателю Яну Кроссу. В этой главе его литературные персонажи перекликаются с реальными общественными деятелями Эстонии XIX века, ставшими для Кросса прототипами героев его произведений. Центральной темой отобранных Л.Н. Киселёвой произведений Кросса является процесс становления эстонской нации, процесс осознания эстонцами себя именно в качестве эстонцев, а также процесс осознания эстонцами, что их язык — это не язык крестьян (*maakeel*), но эстонский язык (*eesti keel*).

К этим процессам, происходившим на территории Эстонии в XIX веке и приведшим к осознанию эстонцами себя именно в качестве эстонской нации, любят обращаться приверженцы так называемой модернистской теории национализма. Согласно этой теории «европейские нации сформировались в XVIII—XIX вв. благодаря научно-технической революции, урбанизации и модернизации, а в последующие годы национализм вместе с той же модернизацией распространился по всему миру» [2, с. 11—12].

Становление эстонской нации в том виде, в каком это происходило в XIX веке, было невозможно без контактов эстонцев с представителями других народов, приживавших на территории страны, в первую очередь с русскими и немцами. Именно благодаря этим контактам эстонцы смогли осознать, что урожденный эстонский крестьянин Якоб, сын Петера, даже получив образование и переехав в господский дом на мызе, не перестает быть эстонцем. Таким образом, русско-эстонское (а также эстонско-немецкое и т.д.) культурное пространство сыграло важную роль и в становлении эстонской нации.

Значительное внимание автор уделяет этническим эстонцам, таким как Фридрих Николай Руссов, принадлежащим по рождению к эстонской немецкой культуре. Он стал старшим советником и кавалером российских орденов, но был членом кружка Петербургских эстонских патриотов и боролся за улучшение положение эстонских крестьян. Такая позиция была характерна для абсолютного большинства представителей первого поколения эстонской интеллигенции. Прекрасно понимая гигантские и, по сути, неизлечимые недостатки российской императорской власти, они не без оснований рассматривали Петербург в качестве ограничителя ортодоксального немецкого влияния.

Л.Н. Киселёва позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, известные лица, к примеру на Фаддея Булгарина, который писал интереснейшие очерки по Эстляндии и Лифляндии, подолгу жил в своем имении под Тарту (точнее, Дерптом), а затем и вовсе поселился там. Фаддей Булгарин — этнический поляк с вполне характерным и хорошо известным специалистам политическим бэкграундом. Однако именно он оставил нам важные заметки, касающиеся не только природы, но и культуры народов, проживающих в этом регионе (с.135).

Показательными являются приводимые профессором Киселёвой факты, характеризующие восприятие Эстляндии и Лифляндии богатыми и влиятельными путешественниками из Петербурга. Эти путевые заметки действительно много рассказывают о жизни людей и очень часто содержат тезисы, имеющие прямое отношение к названию монографии. В этом контексте хотелось бы отметить воспоминания и очерки Степана Степановича Жуковского (с. 162—164).

Путевым заметкам Жуковского и Булгарина Л.Н. Киселёва не без основания противопоставляет воспоминания людей, которые не увидели в Эстляндии и Лифляндии ничего, кроме немецкой земли. Именно так поступил Николай Иванович Розанов, написавший первый русский путеводитель по Ревелю и окрестностям.

Подчеркивая многие положительные моменты и особо — просвещение и семейные добродетели эстонцев, Розанов все же характеризует Эстляндию как немецкую землю. Вообще же вопрос о том, какая земля предстает перед путешественником:

немецкая, русская или какая-то иная — вставал перед каждым путешественником с Запада и Востока. В XIX веке каждый автор, писавший об этой земле, отвечал на этот вопрос по-своему.

Книга, написанная на кафедре русской филологии Тартуского университета, не могла не коснуться личности Юрия Михайловича Лотмана, его работы на кафедре русской литературы, затем — на кафедре зарубежной литературы и, наконец, в качестве профессора кафедры семиотики. Лотман как явление больше не только кафедральных, но и университетских рамок. И именно поэтому его деятельность является примером вклада ученого в формирование общего, но не деление частного.

Деятельность Лотмана, особенно в период его заведования кафедрой русской литературы Тартуского университета, активно способствовала развитию многоязычия в Эстонии советского периода, гимном которому стала монография Киселёвой. Как пишет она сама, «каждый человек, родившийся в Эстонии, получал опыт многоязычия задолго до начала эпохи глобализации» (с. 11).

И в эпоху глобализации многоязычие остается характерной чертой Эстонии в целом и ее городов в первую очередь. Вот, например, как выглядела Нарва в начале XXI века: «Будучи городом на границе Европейского союза и России, использующая преимущественно русский язык в повседневном общении, [Нарва] специфична тем, что многоязычие, межкультурная коммуникация и межэтническое взаимодействие вступили здесь в новую фазу» [3, с. 152—153].

Повествование в монографии Л.Н. Киселёвой заканчивается безвременной кончиной Лотмана, который ушел от нас, успев увидеть наступление в Эстонии эпохи глобализации, итоги которой мы можем наблюдать сегодня. Однако история русско-эстонского культурного пространства на этом не заканчивается. Новой главой в этой истории уже XXI века стало, например, восстановление Церкви святого Иоанна (Jaanikirik) в Санкт-Петербурге. Остается надеяться, что и эта, и последующие главы этой истории получат достойное освещение в научной литературе и что уровень этой литературы будет, как минимум, не ниже, чем тот, которым читатели могут наслаждаться, знакомясь с книгой Л.Н. Киселёвой.

Список литературы

1. *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // *Полис. Политические исследования.* 2019. № 5. С. 181—191.
2. *Ланко Д.А.* Историческая память в эпоху глобализации: пример российско-эстонских отношений // *Балтийский регион.* 2011. № 4(10). С. 6—17.
3. *Протасова Е.Ю.* Эстония между соседями: наблюдения об общении // *Псковский регионологический журнал.* 2007. № 4. С. 150—157.

Об авторах

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

Ирина Николаевна Новикова, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: i.novikova@spbu.ru

====

References

---

1. Zverev, Yu.M., Mezhevich, N.M. Podhody k tipologii malykh evropeyskikh stran na primere Estonii, Latvii, Litvy [Approaches to the Typology of European Small Countries (Case of Estonia, Latvia, Lithuania); — in Russian] // Polis (Russian Federation). — 2019. — No. 5. — P. 181—191.
2. Lanko, D.A. Istoricheskaya pamyat' v epokhu globalizatsii: primer rossiysko-estonskih ot-nosheniy [Historical Memory in the Age of Globalization: The Case of Russian-Estonian Relations; — in Russian] // Baltic Region. — 2011. — No. 4(10). — P. 6—17.
3. Protasova, E.Yu. Estoniya mezhdru sosedyami: nablyudeniya ob obshchenii [Estonia among Neighbors: Observing Communication; — in Russian] // Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal. — 2007. — No. 4. — P. 150—157.

The authors

Prof. Nikolai M. Mezhevich, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

Prof. Irina N. Novikova, Saint Petersburg State University, Russia.

Email: i.novikova@spbu.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее и внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

— вступительное слово о теме исследования;

— цель научного исследования;

— описание научной и практической значимости работы;

— описание методологии исследования;

— основные результаты, выводы исследовательской работы;

— ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);

— практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

- 4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов);
- 5) список литературы (не более 25 источников);
- 6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);
- 8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

BALTIC REGION

2019
Volume 11
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2019.
173 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
2 Zoologicheskaya St.,
Kaliningrad, 236000, Russia

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily reflect
the views of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2019

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Busygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Pertti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kreinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Foreword.....4

The Development of the Baltic Region

Palmowski T., Fedorov G.M. The development of a Russian-Polish cross-border region: the role of the Kaliningrad agglomeration and the Tri-City (Gdansk—Gdynia—Sopot).....6

von Braun J., Mirzabaev A. The development of bioeconomy of the Baltic Region in the context of regional and global climate change.....20

Anokhin A.A., Shelest K.D., Tikhonova M.A. Trends in population change and the sustainable socio-economic development of cities in North-West Russia 36

The Development of Border and Transborder Regions

Kuznetsov A.V., Kuznetsova O.V. The changing role of border regions in the regional policies of the EU and Russia 58

Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Regionalisation in Northern Europe and the Northern Dimension in Russian political discourse 76

Kostyaev A.I. Rural areas of russia’s north-west borderland: problems and development paths 93

Regionalisation

Klemeshev A.P., Kudryashova E.V., Sorokin S.E. Stakeholder approach to the implementation of the ‘third mission’ of universities 114

Druzhinin A.G. Large business in the coastal zones of Russia: features and factors of localisation 136

Ponomarev O.B. Entrepreneurial capital of the region: the concept, manifestations and spatial localisation.....152

Review

Kiseleva L. Estonian-Russian cultural space Foreword
(*Mezhevich N.M., Novikova I.N.*) 167

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2019

Том 11

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 11.12.2019 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 230
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

